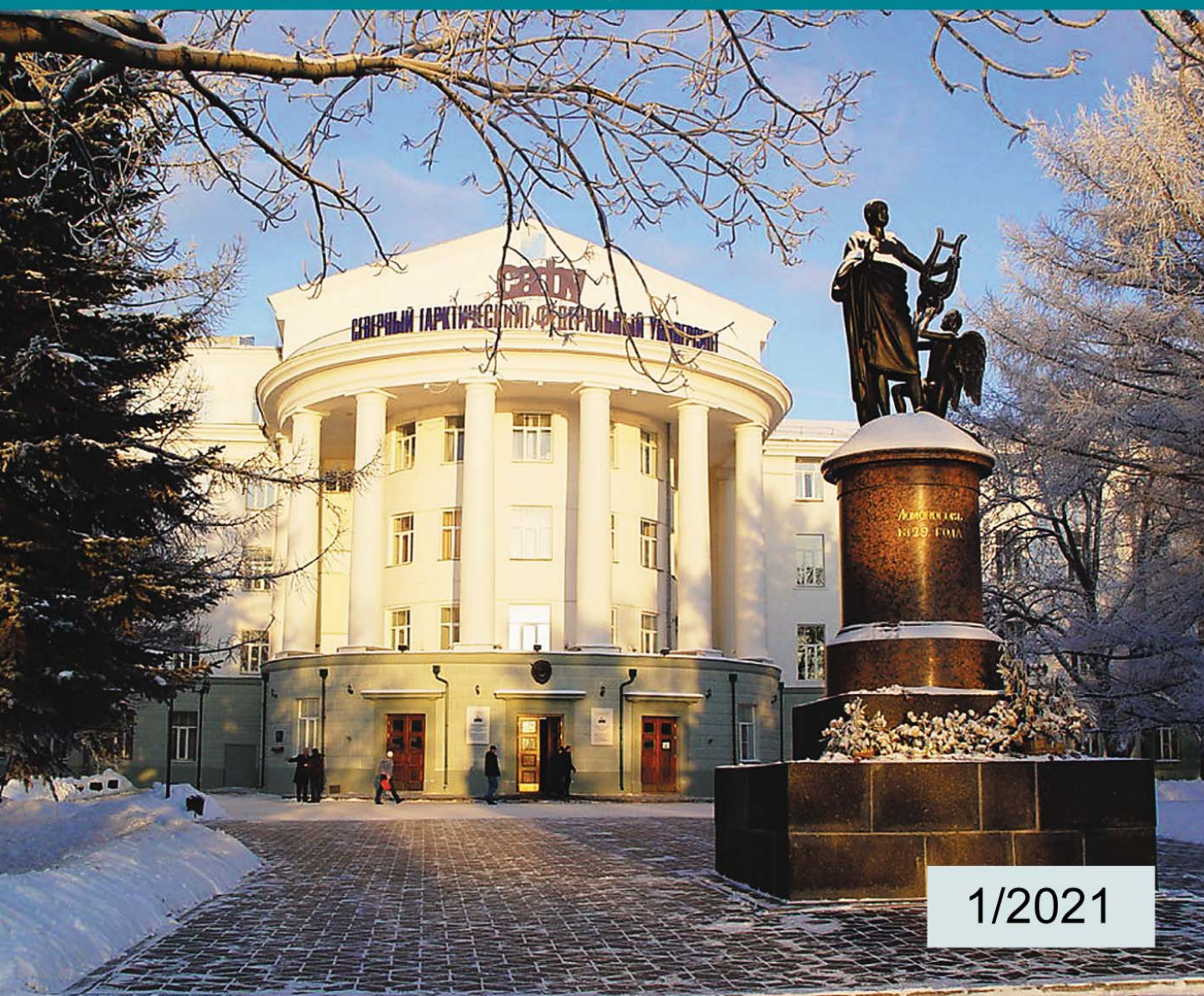

МИР РУССКОГО СЛОВА

ТЕМА НОМЕРА: РУССКИЙ СЕВЕР: ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

1/2021

НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ

Патриарх немецкой русистики:
к 100-летию юбилею доктора филологии Йоханнеса Баара

№ 1
2021

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций 11.09.2000 (свидетельство
ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL

“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Comes out quarterly

The journal is registered by the Russian Federation Ministry
for Printing, TV and Radio Broadcasting, and Mass-Media
Communications at September 11th, 2000
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

Учредитель:

Ассоциация преподавателей русского языка и
литературы

Издатель:

Издательство Санкт-Петербургского
государственного университета

Редакционная коллегия

К. А. Рогова (главный редактор) —
д-р филол. наук, проф., почетный проф. СПбГУ
В. А. Абрамов — д-р филол. наук, проф.,
КубанскГУ

Э. М. Афанасьева — д-р филол. наук,
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Л. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф.,
Уральский ФУ им. Б.Н. Ельцина

Н. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф.,
Балтийский ФУ им. И. Канта

Х. Вальтер — д-р филол. наук, проф.,
Университет г. Грайфсвальд

М. Д. Воейкова — д-р филол. наук, проф.
СПбГУ, ИЛИ РАН

О. Е. Дроздова — д-р пед. наук, доцент
МПГУ, РГПУ

Л. А. Дунаева — д-р пед. наук, проф.
МГУ им. М.В. Ломоносова

Н. В. Изотова — д-р филол. наук, проф.,
Южный ФУ

Е. И. Костанди — канд. филол. наук, доцент,
Университет Тарту

А. Б. Лихачева — д-р гум. наук, проф.,
Вильнюсский университет

В. А. Марьянчик — д-р филол. наук, проф.,
Северный (Арктический) ФУ

В. В. Прозоров — д-р филол. наук, проф.,
СаратовГУ

Ю. Е. Прохоров — д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф.,
заслуженный деятель науки РФ

М. Ю. Сидорова — д-р филол. наук, проф.,
МГУ им. М.В. Ломоносова

И. Н. Сухих — д-р филол. наук, проф.,
СПбГУ

М. Д. Тагаев — д-р филол. наук, проф., Кыргызско-
Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина

Н. Чуйкина — канд. филол. наук,
Таллинский университет

Н. И. Шром — Ph. D., ассоц. проф.,
Латвийский университет

В. Д. Янченко — д-р пед. наук, доцент,
МПГУ

The Founder:

Association of Teachers of Russian
Language and Literature

Publisher:

St. Petersburg State University
Publishing House

Editorial board

K. A. Rogova – editor-in-chief
St. Petersburg State University

V. A. Abramov
Kuban State University

E. M. Afanasieva
Pushkin State Russian Language Institute

L. G. Babenko
Ural Federal University

N. G. Babenko
Immanuel Kant Baltic Federal University

H. Walter
Universität Greifswald

M. D. Voeikova
St. Petersburg State University

O. E. Drozdova
Moscow Pedagogical State University

L. A. Dunayeva
Lomonosov Moscow State University

N. V. Izotova
Southern Federal University

E. I. Kostandi
University of Tartu

A. B. Likhacheva
Vilnius University

V. A. Maryanchik
Northern (Arctic) Federal University

V. V. Prozorov
Saratov State University

Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University

M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University

I. N. Sukhikh
St. Petersburg State University

M. D. Tagaev
Kyrgyz-Russian Slavic University

N. Chuykina
Tallinn University

N. I. Shrom
University of Latvia

V. D. Yanchenko
Moscow Pedagogical State University

Адрес издателя:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия,
д. 11.

Адрес редакции:

199106, СПб, Большой пр. В.О., д. 80
e-mail: editor@ropryal.ru

Publisher's address:

11, 6 Line V.O. St. Petersburg, 199004, Russia

Editorial board's address:

80, Bol'shoy av. V. O., St. Petersburg,
199106, Russia
e-mail: editor@ropryal.ru

**По вопросам приобретения
и подписки обращаться:**

Издательство СПбГУ.
Сайт: publishing.spbu.ru
Контакты: +7(812) 328-44-22,
+7(812)328-77-63
e-mail: publishing@spbu.ru, post@spbu.ru

Журнал включен в:

– перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук (с
2007 года);
– российский индекс научного цитирования
(РИНЦ) и представлен в Научной электронной
библиотеке;
– научную электронную библиотеку
“КиберЛенинка”

The journal is included into

– Russian Science Citation Index (RSCI), and
is represented in Scientific Electronic Library
(elibrary.ru)
– Scientific Electronic Library CyberLeninka

Тираж 400 экз.

Цена свободная

АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ
«РОПРЯЛ»

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ЧАСТИЧНО ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА
«РУССКИЙ МИР»

ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 1 2021

Главный редактор:

К. А. Рогова —
д-р филол. наук, проф.,
почетный проф. СПбГУ

Зам. главного редактора:

С. А. Кузнецов —
д-р филол. наук, проф.

Редактор:

Д. А. Шукина —
д-р филол. наук, проф.

Редактор:

А. С. Иванова —
канд. педагог. наук, доцент

Перевод:

А. Д. Степанов —
д-р филол. наук, проф.

Выпускающий редактор:

М. М. Ровинская

В НОМЕРЕ CONTENTS

[ОФИЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ]

- 4 К юбилею журнала

[ЛИНГВИСТИКА]

- 5 М. Л. Ковшова
Теоретические и лексикографические аспекты исследования антропонимов в составе загадок, пословиц и идиом

- 13 Е. А. Стародумова
Дескриптивное и недескриптивное употребления слова «желательно» в синтаксическом отображении

- 18 М. Ю. Ефремова
Роль компонентного анализа языка в аналитических структурах в русском и корейском языках

- 23 А. А. Загороднюк
Действительные причастия в русской устно-разговорной речи

- 30 О. Н. Григорьева, Цзян Нань
Фразеологизмы со словами *улица*, *бульвар*, *площадь* и производными прилагательными в масс-медиа

- 37 О. М. Машкович
Риторический идеал современного студенчества: от реконструкции к лингвоаксиологической интерпретации

- 43 Л. Ю. Степанова
Отражение культурных кодов в творчестве П. П. Бажова (на примере функционирования существительного «малахит»)

[ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА]

- 49 А. С. Степанова
О возможном неучтенном претексте «Капитанской дочери»

- 55 Т. В. Сафонова
Поэтика Апокалипсиса: И. А. Бунин «Окаянные дни»

[OFFICIAL MATERIALS]

Anniversary of our Journal

[LINGUISTICS]

Maria L. Kovshova
Theoretical and Lexicographical Aspects of Studies On Anthroponyms in Riddles, Proverbs and Idioms

Elena F. Starodumova
Descriptive and Undescriptive Uses of the Word «Zhelatelno» at the Syntactic Reflection

Maria Yu. Efremova
The Role of Language Componential Analysis in Analytic Sentences Structures in Russian and Korean Languages

Antonina A. Zagorodniuk
Active Participles in Spoken Russian

Olga N. Grigoryeva, Nan Jiang
Phraseological Units with the Words *Street*, *Boulevard*, *Square* and Derived Adjectives in Mass Media

Olga A. Mashkovich
The Rhetorical Ideal of Modern Russian Students: from Reconstruction to Linguoaxiological Interpretation

Liubov Yu. Stepanova
Reflection of the Cultural Code in the Author's Style of P. Bazhov (on the Example of the Functioning of the Noun «Malachite»)

[LANGUAGE AND LITERATURE]

Alla S. Stepanova
On the Possible Unknown Pretext of «The Captain's Daughter»

Tatyana V. Safonova
Poetics of the Apocalypse: «Cursed Days» by Ivan Bunin

63 Н. Д. Стрельникова
Опыт прочтения романа «Петровы в гриппе и вокруг него» (Стихотворение Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай» и роман А. Сальникова)

69 И. Н. Сухих
Уроки Федора Абрамова

[МЕТОДИКА]

72 Т. А. Сироткина, Е. М. Ананьева, Е. Д. Брызгалина, И. Р. Куралева, М. М. Сизых, Ф. М. Аль-Наджар
Аутентичные тексты о спорте в обучении РКИ: жанровая вариативность и лингвометодический потенциал

79 Н. С. Шубина
Проектная деятельность в иностранной аудитории при обучении русскому языку: опыт организации проекта «Символы России»

87 Ю. Б. Жидкова, О. Н. Мазунина
Электронное письмо: реалия дистанционного обучения или лишний объект обучения

91 О. С. Биккулова, М. И. Ивкина
Чат-бот в методике преподавания РКИ

[ЮБИЛЕЙ]

97 К 90-летию К. А. Роговой

[РЕЦЕНЗИИ]

98 Т. С. Садова – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 28 / Под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой.

103 О. В. Трофимова – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 9: Ильм – Казнь / Под ред. Е. В. Генераловой, О. В. Васильевой.

106 Л. Д. Самохвалова – Реброва И. В. А судьи кто? Русская классика и прецедентность: учебное пособие.

[ЯЗЫК И КУЛЬТУРА]

108 Б. Н. Коваленко
Патриарх немецкой русистики: к 100-летию юбилею доктора филологии Йоханнеса Баара

110 В. А. Марьянчик, Т. Э. Шестакова
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова: филология в арктических координатах

Natalia D. Strelnikova
Reading Experience of the Novel “Petrovs in the Flu and Around Him” (Poem by N. Gumilyov “Lost Tram” and the Novel by A. Salnikov)

Igor N. Sukhikh
Fyodor Abramov’s lessons

[METHODOLOGY]

Tatiana A. Sirotkina, Ekaterina M. Ananyeva, Elena D. Bryzgalina, Irena R. Kuraleva, Maria M. Sizykh, Faten M. Al-Najar
Authentic Texts on Sports in Teaching Russian as a Foreign Language: Genre Variability and Linguodidactic Value

Natalia S. Shubina
Project Work with a Foreign Audience in Teaching Russian Language: Organization Experience of the Project “Symbols of Russia”

Julia B. Zhidkova, Olga N. Mazunina
Email: the Reality of Distance Learning or an Extra Object of Learning?

Olga S. Bikkulova, Marina I. Ivkina
Chat-Bot in the Methods of Teaching Russian as a Foreign Language

[ANNIVERSARY]

Professor Kira A. Rogova’s 90th Anniversary

[REVIEWS]

Sadova, T. S. – Pskov Regional Dictionary with Historical Data. V. 28 / Ed. by L. A. Ivashko, I. S. Lutovinova, M. A. Tarasova.

Trofimova, O. V. – Dictionary of the Everyday Russian Language of the 16th – 17th centuries in Moscow Russia. V. 9: Il’m – Kazn’ Ed by E. V. Generalova, O. V. Vasilieva.

Samohvalova, L. D. – Rebrova, I. V. And who are the Judges? Russian Classics and Precedence: a tutorial.

[LANGUAGE AND CULTURE]

Boris N. Kovalenko
Patriarch of Russian Studies in Germany: on the 100th Anniversary of Johannes Baar, Doctor of Philology

Victoria A. Maryanchik, Tatiana E. Shestakova
Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov: Philology in the Arctic Coordinates

Журналу «Мир русского слова» — 20 лет

Журнал создавался как орган РОПРЯЛ — издание для преподавателей русского языка, родного и иностранного, содержащее информацию, которая, судя по вашим откликам, представляет интерес для вас и в обсуждении которой вы принимаете самое непосредственное участие. Ваши статьи по лингвистике, лингвокультурологии, культуре речи, методике, посвящённые анализу литературных произведений помогают понять, что актуально в данный момент, что может быть полезным в вашей работе, какие результаты получены, как они могут быть использованы коллегами. Привлекательным оказался и раздел, посвящённый нашим университетам, университетским городам, местам, породившим людей, талант которых наполняет смыслом нашу жизнь — всем тем «культурным гнёздам» России, которые позволяют видеть нашу страну, учиться понимать самый её дух, её культуру.

Часто мы вступали в переписку с нашими авторами и встречали доброе понимание, отклик, находили поддержку своим стремлениям сделать журнал помогающим и одухотворённым нашим «общим делом». Мы глубоко удовлетворены теми отношениями, которые складывались между нами, и приносим слова благодарности за совместный труд, который неизменно приносит радость.

Юбилей журнала совпал с юбилеем его главного редактора Киры Анатольевны Роговой, в связи с чем были получены поздравления от В. И. Толстого — Председателя РОПРЯЛ, органом которого журнал является, и Н. М. Кропачева, — ректора Санкт-Петербургского университета, на базе которого издаётся журнал «Мир русского слова». В. И. Толстой отмечает, что «мир русского слова – это не только название замечательного журнала, но и мощная содержательная метафора, объединяющая ученых-русистов в России и далеко за ее пределами». Н. М. Кропачев отмечает яркие заслуги Киры Анатольевны Роговой перед российской наукой, а также ее высокое педагогическое мастерство, творческую натуру и организаторский талант.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОНИМОВ В СОСТАВЕ ЗАГАДОК, ПОСЛОВИЦ И ИДИОМ

MARIA L. KOVSHOVA

THEORETICAL AND LEXICOGRAPHICAL ASPECTS OF ANTHROPNOMS' STUDIES
IN RIDDLES, PROVERBS AND IDIOMS

**Мария Львовна
Ковшова**

доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник отдела теоретического
и прикладного языкознания

► kovshova_maria@list.ru

Институт языкознания РАН

125009, г. Москва,
Б. Кисловский пер., дом 1, строение 1

Maria L. Kovshova

Institute of Linguistics, Russian Academy
of Sciences, Department of Theoretical
and Applied Linguistics

1 (building 1) B. Kislovsky lane, Moscow
125009 Russian Federation

В статье на материале «Словаря собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» обосновывается принцип «проверять теорию лексикографией»; показано, что базовые положения лингвистики и лингвокультурологии находят объективное отражение в «языке» словаря. Основные характеристики собственных имен, их формы и функции в составе загадок, паремий и идиом репрезентируются в структуре словарной статьи, которая для онимов в загадках, пословицах и идиомах имеет определенные отличия, продиктованные знаковыми особенностями языкового и фольклорного материала. Представление материала в словаре выявляет различия в назначении собственных имен в загадках, пословицах и идиомах, подтверждает тезис о референции онимов к предметной области культуры. Полный охват материала в словаре позволяет опровергнуть известный тезис о неизбежной апеллативизации антропонимов в составе фразеологизмов и паремий, определить разные типы прецедентных онимов в загадках, пословицах, идиомах. Словарь на своем лексикографическом «языке» раскрывает особенности функционирования онимов в составе паремийных жанров и фразеологических знаков. Словарь репрезентирует важнейшие теоретические положения о языковых и культурных функциях собственных имен, удостоверяет их роль в категоризации и типизации мира, представляет онимы как знаки антропонимического кода культуры.

Ключевые слова: словарь, теоретические положения, язык, культура, антропонимы, загадки, пословицы, идиомы.

Based on the author's dictionary "Slovar' sobstvennyh imyon v russkikh zagadkakh, poslovicah, pogovorkah i idiomah" ("The Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, Popular Sayings, and Idioms"), the article explains the principle "to validate language theory through lexicography". It argues that the key notions of linguistic and linguocultural studies are reflected in the language of the dictionary. Properties of names, their form and their function in riddles, proverbs, and idioms are represented in the structure of an entry, which is somewhat different for each of them due to semiotic peculiarities of linguistic and folklore material. Proper names function differently in riddles, proverbs, and idioms, referentially belonging to the topical area of culture. Full coverage of onyms (proper names) enables to disprove the idea of the ostensibly inevitable appellativisation of anthroponyms as constituents of figurative units, as well as to define various types of allusive names in riddles, proverbs, and idioms. The dictionary reveals properties of onyms within proverbial genres and figurative units. It represents the main theoretical tenets and postulates on linguistic and cultural functions of proper names, establishing their role in the

categorization and typing of the world, as well as describing onyms as signs of the anthropological cultural code.

Keywords: dictionary; theoretical tenets; language; culture; anthroponyms; riddles; proverbs; idioms.

Теоретические положения в области ономастики, фразеологии и паремиологии и их «проекция» на задачи лексикографии

Традицию изучения и описания собственных имен, их типов, состава, форм, структуры, этимологии, отраженную в: [Григорьев 2005; Калыгин 2006; Суперанская 2017; Чернышева 2017], продолжает «Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» [Ковшова 2019]. В Словаре впервые внимание сосредоточено на антропонимах, которые употребляются в составе малых паремийных текстов фольклора (согласно Г.Л. Пермякову [Пермяков 1975]) и фразеологических знаков языка (идиом, а также устойчивых сочетаний). Создание Словаря велось параллельно с проведением исследования онимов как знаков антропонимического кода культуры [Ковшова 2019a]. Словарное описание первоначально служило систематизации материала; его структурирование велось «в диалоге» с теорией языка; положения лингвистики и лингвокультурологии поверялись лексикографией.

В филологии собственные имена являются важным объектом анализа при сравнении разных языков и культур, поскольку «значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всем его богатстве закрепляется прежде всего в словаре» [Апресян 2013: 471]. В лингвистике оним понимается как «полный символ, знак, не выражающий никакого концепта» [Арутюнова 1998: 300]; «основное значение имен собственных в том, что это имена» [Суперанская 1973: 255]. В то же время отмечается, что «граница между именами собственными и нарицательными непостоянна и подвижна» [Русская грамматика 1980, т. I: 460]. Собственное имя передает речевую, языковую и энциклопедическую информацию [Суперанская 1970], оним рассматривается как индекс доступа к информации, хранящейся в мозгу человека [Васильева 2005]; антропонимы считаются знаками, принадлежащими «культурному миру этноса» [Пень-

ковский 2004: 382]. Жанровые и функциональные особенности загадок, пословиц и идиом охарактеризованы в трудах [Аникин 1966; Митрофанова 1966; Телия 1996]. Специально онимам в составе фразеологизмов и пословиц посвящены исследования [Бетехтина 1995; Бугаева 2006; Вознесенская 2011; Дядечко 2018; Ковшова 2018; Кондратьева 1964; Мещерякова 2018]. Считается, что в составе идиом антропонимы подвергаются апеллятивизации [Мокиенко 2018]. На материале разных языков исследуются стереотипы, соединенные с личными именами; создаются словари прецедентных имен [Гудков 2019]. Разработаны подходы к описанию семантики и прагматики загадок и пословиц [Головачева 1994; Журинский 1989; Левин 1978; Николаева 1994; Фролова 2013]; исследуется семантическая аура онимов [Запольская 2007; Топоров 1994; Цивьян 1994]. «В русской ономастической традиции, — пишет В.Н. Топоров, — есть два-три десятка имен, претендующих на особый статус. Эта выделенность таких имен мотивируется тем, что помимо осуществления своего прямого назначения — названия-именования, об этих именах или даже о людях, носящих имена этого ядерного списка, известно кое-что еще, что и определяет эмоциональный ореол каждого из этих имен и отношение к ним. Эти имена считаются меткими, точными, чуть ли не исчерпывающими характеристиками человека. <...> мы заранее знаем «т е к с т» этих имен, в котором имя обрастает плотью» [Топоров 2010: 44].

Настоящий Словарь позволяет определить функции антропонимов в загадках, пословицах и идиомах, подчеркнуть их знаковую специфику. Описаны типы, формы, структуры антропонимов в традиционных и современных загадках, в пословицах и идиомах; уточнена классификация прецедентных имен; подтвержден тезис о культурной референции знаков языка к пространству культуры; и др. Описание исходило из особенностей материала, взятого со ссылками на многочисленные авторитетные источники — сборники загадок, словари пословиц, фразеологические словари. Такой компонент, как оним, оказался репрезентативным для проявления ос-

новых свойств различных культурно-языковых знаков. Так, загадка обращена на мир вещей, пословицы и идиомы — на мир людей, потому в загадках, нацеленных на кодирование природных реалий и артефактов, с помощью онима маркируется обобщенный денотат как представитель класса предметов; ср.: *Бежит Машка в семидесяти рубашках* (курица). В пословицах и идиомах оним обобщает качества и свойства людей, маркирует их социальные типы и характеры; ср.: *Не у всякого жена Марья, кому бог даст; Как умная Маша поступать 'образцово, рассудительно; часто без должного результата'*. Процесс апеллятивизации онима в пословицах часто сопряжен с созданием форм мн. ч.; в идиомах — с притяжательной деривацией онима. По-разному, в зависимости от знаковой специфики загадок, пословиц и идиом, проявляются особенности и возможности онимов. Словарь удостоверяет, что в составе культурно-языковых знаков антропоним не выполняет свое языковое назначение — называть и выделять индивида, осуществлять функцию конкретной референции и идентификации. Собственные имена 1) используются в «строительных» целях; 2) будучи «говорящими», семантизируют описание; 3) будучи прецедентными, служат мотивирующей основой и привносят в семантику культурные коннотации. В процессе восприятия онимов осуществляется их культурная референция (по В.Н. Телия [Телия 1996]) к пространству культуры, ее мифологическим, религиозным, фольклорным, литературным, историческим пластам.

Особенности материала обуславливают порядок описания, начиная с зоны вокабулы, или заголовочного слова. Так, в загадках антропоним легко выделяется из текста, чтобы послужить заголовочным словом, и это объяснимо: оним является лишь формальным заместителем имени загаданного денотата, подходящим по фонетическим качествам; ср. [Ковшова 2019: 67]:

ВАРВАРА — Варвара

Стоит Варвара выше амбара (*труба*).

Так же легко выделяются в заголовочное слово антропиды; ср. [Ковшова 2019: 95]:

МАКУРА — Макура

Выскочила слепая **Макура**, хвостом вильнула, леса пали, горы встали (*коса и сенокос*).

Искусственный оним по своей внутренней форме является хорошей подсказкой; ср.: *дед Коптел* про чугунный горшок; *царь Криканид* или *Будимир* про петуха; *братья Гладыньские* про гладкие гири стенных часов и др.

В пословицах онимы и их формы так же легко вычлняются из текста, чтобы занять позицию заголовочного слова, но по другой причине: в них показаны типичные сцены из народной жизни; оним и его формы служат поведенческой маской (ср.: *Дунька, Фома, Маланья*). Антропонимы, вошедшие в пословицу со своей «фольклорной историей» (*Емеля, Фома, Ерёма*) или взятые по своим фонетическим качествам, расширяют функцию социального обобщения и типизации, становятся прецедентными, привносят свои смыслы в другие знаки; ср. идиомы: *Дунька с мыльного завода* 'необразованная невоспитанная женщина'; *Фома да Ерёма да Колупай с братом* 'незначительные, неуважаемые люди; всякий сброд'; *как на Маланьину свадьбу собираться* 'очень долго'.

В идиомах собственные имена «сопротивляются» их вычленению из семантически целостного знака, что обусловлено языковой спецификой идиом. Труднее оказалось вывести в заголовочную позицию непрецедентные антропонимы; формы одного такого онима создают свои образы, ведут каждая к своей единице: идиомы — «штучные» знаки; ср.: МАТРЕНА, МАТРЁХА, МОТЯ — *едрёна Матрёна; как Матрёха нарядиться; тётя Мотя*. Идиомы с непрецедентными именами характерны для жаргонов и просторечия (ср.: *Ефрем ушастый; полторы Татьяны; сам себе Тимофей*). Легко вычлняются из идиом и «приводят по адресу» лишь известные прецедентные имена; ср. [Ковшова 2019: 278]:

ЛУКУЛЛ

лукуллов <Лукуллов> нир. Книжн. Устар. — 'Необыкновенно богатое, изысканное, роскошное угощение'.

Однако и в отношении прецедентных имен при их выделении в заголовочную зону немало важным оказывается такой фактор, как устаре-

лость. Трудно было вывести в заголовочную позицию некогда известное, окутанное легендами имя *Бёкович*; ср.:

БЁКОВИЧ

Как Бёкович пропасть. Книжн. Устар. — ‘Бесследно исчезнуть’.

В восемнадцатом веке в России про человека, попавшего в какую-нибудь беду, говорили: «*Пропал, как Бёкович!*» Князь Бёкович, бывший кабардинский бек Девлет-Кизден-Мурза, перешедший на службу к царю и ставший русским князем, капитаном гвардии Преображенского полка, пропал во время военной экспедиции в Хиву, куда его направил Пётр I. О дальнейшей судьбе князя Бёковича и его отряда нет никаких свидетельств, не осталось ни малейших следов [Ковшова 2019: 225-226].

На основе Словаря выделяются мифонимы, агонимы, хрононимы, исторические и литературные имена, а также фольклорные (пословичные) прецедентные онимы; ср.: *Кощей, Адам, Никола зимний, Сусанин, папа Карло, Емеля*. Согласно Словарю, загадки и пословицы являются монокультурными знаками, возникшими на почве крестьянской культуры, в них органично соединены ее религиозные, мифологические, фольклорные и бытовые «пласты». Народная картина мира «в лицах» цельная, при этом разнообразная; ср.: *Давид, Адам, Ева, Федосья, Федот, Фома, Иван, Марья, Варвара, Мартын* и др. В отличие от загадок и пословиц, идиомы — поликультурные знаки. Образы фразеологизмов с антропонимами в их составе создаются в самых разных «слоях» национальной культуры — народной и элитарной. Кроме того, фразеологизмы «переносились» на родную почву с чужой; возникали из общекультурных пластов античной мифологии и религии. Многоликая фразеологическая картина мира всё увеличивается, ср. *страшный как Фредди Крюгер; отзывчивая, сердобольная как мать Тереза*. Словарь также выявил антропонимическое «ядро» в загадках, пословицах и идиомах: *Кощей, баба-Яга, Адам, Ева, Лазарь, Ной, Фома, Ерёма* и др. Идиомы и современные загадки объединяет ряд имен: *Адам, Ева, Бурадино, папа Карло* и нек. др.

Особенности «языка» лексикографии в репрезентации теоретических положений

Вопросы теории лингвистики и лингвокультурологии получают отражение в самой структуре словарной статьи, которая разрабатывалась исходя из особенностей материала.

I. Антропонимы в загадках. Статья содержит четыре зоны: заголовочная зона, зона иллюстрации, зона отгадки и зона шифров. Заголовочная зона включает в себя заголовочное слово — основную полную форму собственного имени, которое предопределяет заголовочный ряд, т. е. перечень всех форм, что используются в загадках: **ЕКАТЕРИНА** — *Катя, Катька, Катюшка, Катюха*. Диалектные варианты даются в скобках: **ЕФРОСИНЬЯ** — *Афрося (Офрося)*. Заголовочное слово может быть составным (**МАРИЯ МАГДАЛИНА**), состоять из личного имени и приложения (**СМОТРЯК-ЦАРЬ**); это может быть фамилия (**ТЕЛЕПЁЖКИН**); отчество (**ЛУКИЧ; АНДРЕЕВНА**); двухкомпонентная формула с дуплетными формами (**КУРНИЛ КУРЛИПОВИЧ**); полная антропонимическая формула народного имени (**ТЫН ТЫНОВИЧ, СЫН ИВАНОВИЧ**); народные формы женских имен (**ТАРАСИХА**); притяжательные формы мужских имён (**ХОЛЕЗОВ СЫН**) и др. Есть отсылочные статьи (**КСЮША** см. **КСЕНИЯ**). В зоне иллюстрации расположение текстов подчинено совокупности алфавитного принципа и порядка перечисления форм в заголовочной зоне. Далее зона отгадки и зона шифров; список источников и их шифров в Словаре имеется. Ср. [Ковшова 2019: 63]:

АНДРОН — *Андрон, Андрон Андронович*

Деревяшка везёт, костяшка мнёт, а мокрый **Андрон** поворачивает (*ложка, зубы, язык во время еды*) Р 296

Андрон Андронович сквозь землю проходил, огонь выносил, ничего не зажёт (*мак*) С 860, Ми 86

В загадках полная форма дается в начале заголовочного ряда, как бы вбирая в себя возможные вариации онима для обеспечения рифмы, ритма, размера; наглядно показано, что оним в загадках — «строительный» материал, при этом

имя локализует загаданный денотат в позиции субъекта.

II. Антропонимы в пословицах и поговорках. Статья содержит четыре зоны: заголовочное слово, зона иллюстрации, зона комментария, зона шифров. В заголовочной зоне приводятся формы и структуры онима, которые есть в примерах; заголовочный ряд начинается прямой формой личного имени; далее идут преобразованные формы, в т. ч. народные; отчество; таунтоимы, «имя+отчество»; «имя+фамилия»; «имя+отчество+фамилия»; притяжательные формы; апеллятивы; апеллятивы-дериваты (если есть). В конце заголовочного ряда в скобках указывается кодифицированная форма; ср.: **ЕВДОКИЯ, ЕВДОКЕЯ, ЕВДОКЕЮШКА, АВДОТЬЯ, ДУНЯ, ДУНЬКА** (ЕВДОКИЯ). Зона иллюстрации представляет оним во всех формах, структурах и синтаксических позициях. Иллюстрации может дополнять зона комментария; все завершает зона шифров источников. Ср. [Ковшова 2019: 187–188]:

ФЕДОСЬЯ, ФЕНЯ (ФЕДОСЬЯ, ФЕОДОСИЯ)

Бедная **Федосья** наотъелоса колосья (29 мая по ст. ст. св. Феодосии колосьяницы. Пока не испечён хлеб, люди голодные) АН 355, М 942

Гостья **Федосья!** Сиди на печи да жуй калачи! Д 616

Щиплет **Федосья** чужие колосья, а прибыли нет АН 334

Можно заметить, что, в отличие от загадок, в заголовочной зоне пословиц сначала перечисляются все формы онимов из текстов, а в завершение в скобках указывается кодифицированная форма. Такая подача позволяет сразу указать на социальные роли, которые кодирует та или иная форма имени. Ср.: **КУЗЬМА, КОЗЬМА, КУЗЯ, КУЗЕНЬКА, КУЗЬМА ПЕТРОВИЧ, КУЗЬКИНА, подкузьмить, прокузьмиться** (КУЗЬМА, КОСМА) [Ковшова 2019: 160].

III. Антропонимы в идиомах. Описание состоит из трех зон: заголовочное слово (заголовочный ряд), зона отсылок, зона словарных статей. Третья зона собственно словарной статьи включает свои, внутренние, пять зон — зона

вокабулы, зона стилистически-функциональных помет, зона толкования (семантизации), зона иллюстрации, зона комментария. В заголовочной зоне разные формы онима «собираются» под одно полное имя, данное в скобках; н-р: **МАНЬКА, МАРУСЯ, МАША, МАШКА** (Мария). **МАТРЕ́НА, МАТРЕ́ХА, МОТЯ** (Матрёна). Зона отсылок помогает найти нужную единицу (РОМЕО см. ДЖУЛЬЕТТА. СИДОРОВ см. ИВАНОВ). Третья зона начинается с зоны вокабулы для каждой идиомы, которая дана в лемматизированной форме лексико-грамматических, экспрессивных, стилистических вариантов; при перечислении аспектуально-видовых форм используется принцип гнездования; ср.: [Как] *Покрывало Изиды*. — ‘Сокровенное знание, скрытая истина’. *Сорвать <приподнять> покрывало Изиды. Заглянуть под покрывало Изиды*. — ‘Раскрыть тайну, узнать истину’. *Покрывало Изиды спадёт*. — ‘Тайна исчезнет’. Факультативные компоненты даны в квадратных скобках; лексические и грамматические варианты — в угловых. Чтобы при прочтении вокабулы избежать графической амфиболии, или двойственности, впервые в лексикографической практике вначале указывается апеллятивный вариант; н-р: *сизифов <Сизифов> труд*. Зона функционально-стилистических помет расширена указанием на социально маркированные условия коммуникации — неформальное общение (неформ.); узкосоциальное общение (жарг.). Есть пометы, указывающие на интенцию говорящего: шутл.; ирон.; бран.; эвф. Впервые вводится помета Сет. для идиом сетевой коммуникации. Зона иллюстрации опирается на Национальный корпус русского языка (ссылки в словаре имеются). Ср. [Ковшова 2019: 286-287]:

МАТВЕЙ, МАТЮХА, тюха-матюха (Матвей)

Спеть Матвея кому. Обл. — ‘Выругать, отчитать’.

Тюха, Матюха <Тюха да Матюха; Тюха с Матюхой; тюха-митюха>, <да; и> Колупай <колупай> с братом <братьями> <и кляп собачий>. Прост. Ирон. — ‘Случайное сборище незначительных людей, сброд’.

Собрались *Тюха, Матюха да Колупай с братом* и опять думаете на дармовщинку прожить! [А. И. Мусатов. Большая весна (1957)].

тюха-матюха <*Тюха-матюха*> кто. Прост. — 'Простоватый, бесхитростный, послушный человек (о мужчинах)'.

А этот *тюха-матюха*: приказали — есть, будем исполнять. [Василь Быков. Пойти и не вернуться (1979)].

Основные выводы

Собственные имена в загадках, пословицах и идиомах выполняют культурно-языковое назначение — собирать, обобщать и типизировать: в загадках — класс предметов, в пословицах и фразеологизмах — социальные типы и характеры людей. Антропоним в пословицах и идиомах, в силу нравоучительной и назидательной функции одних и оценочной функции других, «готов» к тому, чтобы стать прецедентным именем. В Словаре по источникам возникновения уточняется классификация прецедентных имен: мифонимы, агонимы, хрононимы, исторические онимы, литературно-художественные онимы; добавляется еще один тип — пословичные прецедентные имена. Словарь обосновывает базовое положение лингвокультурологии о культурной референции: воспринимаемая загадка, пословица, идиомы, читатель работает со знаниями, при этом прецедентное имя является «знаком в знаке», привносит в семантику свои смыслы. В загадках онимы статичны; их выбор обусловлен, в основном, фонетическими характеристиками; реже имя выполняет функцию табуирования, мотивирует образ благодаря «говорящей» внутренней форме. В пословицах оним морфологически пластичен и грамматически подвижен. Есть случаи апеллятивизации, но они не носят общий характер. В идиомах оним, как правило, приходит со своей семантической аурой, обретенной в социуме (*Дунька, дядя Вася, тетя Мотя*), со своим «культурным багажом» (*Кощей, Христос, Пандора, Квазимодо, Сусанин*), а также выполняет функции табуирования и эвфемизации (*кондрашка, Софья Власьевна*). В загадках и пословицах картина мира «в лицах», хоть и разнообразная, но цельная; в идиомах она очень пёстрая, что характеризует культурные слои этих знаков. В идиомах источником пополнения служат имена реальных лиц или кино- и литературных персонажей, а также постфольклора (ср. [30]). Соединение постфольклора и фразеологии на таком репрезентативном компоненте, как собственное имя, требует дальнейших наблюдений.

ИСТОЧНИКИ

Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. *Собственное имя в русской поэзии XX века. Словарь личных имен*. М.: Азбуковник, 2005.

Гудков Д.Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Кальгин В.П. *Этимологический словарь кельтских теонимов*. М.: Наука, 2006.

Ковшова М.Л. *Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах*. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Русская грамматика. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. (ред.). М.: Наука, 1980. Т. I-II.

Суперанская А.В. *Словарь народных форм русских имен*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин 1966 — Аникин В.П. Возникновение жанров в фольклоре (к определению понятия жанра и его признаков). В кн.: *Русский фольклор. Специфика фольклорных жанров*. Т. IX. М.-Л.: Наука, 1966. С. 29–42.

Апресян 2013 — Апресян Ю.Д. Теоретические основы активной лексикографии. В кн.: *Славянская лексикография*. М.: Азбуковник, 2013. С. 471–481.

Арутюнова 1998 — Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1998.

Бетехтина 1995 — Бетехтина Е.Н. Фразеологические единицы с антропонимическим компонентом библейского происхождения в русском и английском языках. В кн.: *Библия и возрождение духовной культуры русских и древнеславянских народов*. СПб., 1995. С. 20–31.

Бугаева 2006 — Бугаева И.В. Агонимы в ономастическом пространстве русского языка. В сб.: *Известия на Научен център «Св. Дасий Доростолски»*. Силистра: Русенски университет «Ангел Кънчев», 2006. С. 78–87.

Васильева 2005 — Васильева Н.В. *Собственное имя в мире текста*. М.: Академия гуманитарных исследований, 2005.

Вознесенская 2011 — Вознесенская М.М. Иван да Марья в русской идиоматике. В сб.: *XII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве»*. Вербичкая Л.А. и др. (ред.). Шанхай, 2011. Т. 2. С. 83–87.

Головачева 1994 — Головачева А.В. К вопросу о прагматике загадки. В кн.: *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1*. М.: Индрик, 1994. С. 195–213.

- Дядечко 2018 — Дядечко Л. П. Имена в пословицах и крылатых фразах (к проблеме разграничения народной и элитарной лингвокультуры). В сб.: *Имињата и фразеологијата. Имена и фразеология. Материали конференции 21-23 апреля 2017 г. Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје. Филолошки факултет „Блаже Конески“*. Скопје, 2018. С. 105–119.
- Журинский 1989 — Журинский А. Н. *Семантическая структура загадки: Неметафорические преобразования смысла*. М.: Наука, 1989.
- Запольская 2007 — Запольская Н. Н. Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры. В кн.: *Имя: Семантическая аура*. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 133–150.
- Ковшова 2018 — Ковшова М. Л. Антропонимический код в семантике паремий и идиом. В сб.: *Исследования русской и славянской фразеологии в синхронии и диахронии. Výzkum ruské a slovanské frazeologie v diachronii a synchronii*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. С. 95–101.
- Ковшова 2019a — Ковшова М. Л. *Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры*. М.: ЛЕНАНД, 2019.
- Кондратьева 1964 — Кондратьева Т. Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа. В сб.: *Вопросы грамматики и лексикологии русского языка*. Казань, 1964. С. 98–108.
- Левин 1978 — Левин Ю. И. Семантическая структура загадки. В сб.: *Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст)*. М.: Наука, 1978. С. 283–314.
- Мещерякова 2018 — Мещерякова О. А. Семантика русских пословиц с антропонимом. В сб.: *Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания*. Грайфсвальд-СПб.: «ЛЕМА», 2018. С. 229–233.
- Митрофанова 1966 — Митрофанова В. В. Специфика русских народных загадок и их связь с другими жанрами фольклора. В сб.: *Русский фольклор*. М.–Л., 1966. Т. X. С. 79–102.
- Мокиенко 2017 — Мокиенко В. М. Фразеологизация как способ апеллятивизации имени собственного. В сб.: *Имињата и фразеологијата. Имена и фразеология. Материали конференции 21-23 апреля 2017 г. Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје. Филолошки факултет „Блаже Конески“*. Скопје, 2018. С. 195–207.
- Николаева 1994 — Николаева Т. М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика. В сб.: *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст*. 1. М.: Индрик, 1994. С. 143–177.
- Пеньковский 2004 — Пеньковский А. Б. Семантика имен собственных. В кн.: А. Б. Пеньковский. *Очерки по русской семантике*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 311–413.
- Пермяков 1975 — Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда. В сб.: *Типологические исследования по фольклору*. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1975. С. 247–274.
- Суперанская 1970 — Суперанская А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен. В сб.: *Антропонимика: Сборник научных трудов*. М.: Наука, 1970. С. 7–17.
- Суперанская 1973 — Суперанская А. В. *Общая теория имени собственного*. М., 1973.
- Тарса 2018 — Тарса Я. Билл умный. Будь как Билл. История одного интернетовского крылатого выражения. В сб.: *Имињата и фразеологијата. Имена и фразеология. Материали конференции 21-23 апреля 2017 г. Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје. Филолошки факултет „Блаже Конески“*. Скопје, 2018. С. 279–288.
- Телия 1996 — Телия В. Н. *Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Телия 2004 — Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка. В кн.: *Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–30.
- Топоров 1994 — Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой. В сб.: *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст*. 1. М.: Индрик, 1994. С. 10–117.
- Топоров 2010 — Топоров В. Н. О мифологическом образе Семена и Семеновны в русской традиции. В кн.: *Семантика имени (Имя-2)*. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 44–69.
- Фролова 2013 — Фролова О. Е. Числовой код в загадке. В сб.: *Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах*. М.: URSS, 2013. С. 500–507.
- Цивьян 1994 — Цивьян Т. В. Отгадка в загадке: разгадка загадки? В кн.: *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст*. 1. М.: Индрик, 1994. С. 178–194.
- Чернышева 2017 — Чернышева М. И. *Именования Богородицы в древнерусской письменности: Около 500 лексических единиц с объяснениями и комментариями*. М.: ЛЕНАНД, 2017.

REFERENCES

- Аникин 1966 — Anikin V.P. Emergence of genres in folklore: on defining the notion of genre and its aspects. In: *Russky folklor. Spetsifika folklornykh zhanrov*. Т. IX. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966. P. 29 – 42.
- Апресян 2013 — Apresyan Yu. D. Theoretic elements of active lexicography. In: *Slavyanskaya leksikografiya*. Moscow: Azbukovnik, 2013. P. 471–481.
- Арутюнова 1998 — Arutyunova N.D. *Language and World of Man*. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1998.
- Бетехтина 1995 — Betekhtina Ye.N. Phraseological units with anthroponymic constituents of Biblical origin in Russian and English. In: *Bibliya i vozrozhdeniye dukhovnoy kultury russkikh i drevneslavjanskikh narodov*. Sankt-Petersburg, 1995. P. 20–31.
- Бураева 2006 — Bugayeva I.V. Hagionyms in the span of Russian onomastics. In: *Izvestiya na Nauchen tsestr «Sv. Dasy Dorostolski»*. Silistra: Rusenski universitet «Angel Knechev», 2006. P. 78–87.
- Васильева 2005 — Vasilyeva N.V. *Proper Names in the World of Text*. Moscow: Akademiya humanitarnykh issledovany, 2005.
- Вознесенская 2011 — Voznesenskaya M.M. Ivan 'John' and Mar'а 'Mary' in Russian idioms. In: *XII Kongress MAPRYaL «Russky yazyk i literatura vo vremeni i prostranstve»*. Verbitskaya L.A. (ed.). Shankhay, 2011. Т. 2. P. 83–87.

Головачева 1994 — Golovacheva A.V. Pragmatics of the riddle, revisited. In: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kultury: Zagadka kak tekst. 1*. Moscow: Indrik, 1994. P. 195-213.

Дядечко 2018 — Dyadchko L.P. Names in proverbs and catchphrases. In: *Imiyata i frazeologijata. Imena i frazeologiya. Materialy konferentsii 21-23 aprelya 2017 g. Univerzitet, Sv. Kiril i Metodij" vo Skopje. Filoloshki fakultet, Blazhe Koneski"*. Skopje, 2018. P. 105-119.

Журицкий 1989 — Zhurinsky A.N. *The semantic structure of a riddle: Non-metaphoric alterations of meaning*. Moscow: Nauka, 1989.

Запольская 2007 — Zapolskaya N.N. Introspective analysis of proper names in cultural time and space. In: *Imya: Semanticheskaya aura*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007. P. 133 – 150.

Ковшова 2018 — Kovshova M.L. The anthroponymic code in the semantics of paroemias and idioms. In: *Issledovaniya russkoy i slavyanskoy frazeologii v sinkhronii i diakhronii. Výzkum ruské a slovanské frazeologie v diachronii a synchronii*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. P. 95-101.

Ковшова 2019a — Kovshova M.L. *Linguacultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs, and Popular Sayings: The Anthroponymic Code of Culture*. Moscow: LENAND, 2019.

Кондратьева 1964 — Kondratyeva T.N. Proper names in Russian proverbs, popular sayings, and riddles. In: *Voprosy grammatiki i leksikologii russkogo yazyka*. Kazan, 1964. P. 98-108.

Левин 1978 — Levin Yu.I. Semantic structure of the riddle. In: *Paremiologicheskyy sbornik. Poslovitsa. Zagadka (Struktura, smysl, tekst)*. Moscow: Nauka, 1978. P. 283-314.

Мещерякова 2018 — Meshcheryakova O.A. Semantics of Russian proverbs with anthroponymic constituents. In: *Folklor'naya frazeologiya: problemy lingvokulturologicheskogo i leksikograficheskogo opisaniya*. Grayfsvald- Sankt-Petersburg: «LEMA», 2018. P. 229-233.

Митрофанова 1966 — Mitrofanova V.V. Specificity of Russian folk riddles and their connection to other folklore genres. In: *Russky folklor*. Moscow-Leningrad, 1966. T. X. P. 79-102.

Мокиенко 2017 — Mokiyenko V.M. Phraseologisation as an appellativisation pattern of a proper name. In: *Imiyata i frazeologijata. Imena i frazeologiya. Materialy konferentsii 21-23 aprelya 2017 g. Univerzitet, Sv. Kiril i Metodij" vo Skopje. Filoloshki fakultet „Blazhe Koneski"*. Skopje, 2018. P. 195-207.

Николаева 1994 — Nikolayeva T.M. The riddle and the proverb: social functions and grammar. In: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kultury: Zagadka kak tekst. 1*. Moscow: Indrik, 1994. P. 143-177.

Пеньковский 2004 — Penkovsky A.B. Semantics of proper names. In: A.B. Penkovsky. *Ocherki po russkoy semantike*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. P. 311-413.

Пермяков 1975 — Permyakov G.L. Structure of the paremiological lexicon, revisited. In: *Tipologicheskkiye issledovaniya po folkloru*. Moscow: Nauka, Gl. red. vost. lit., 1975. P. 247-274.

Суперанская 1970 — Superanskaya A.V. Linguistic and extralinguistic associations of proper names. In: *Antroponimika: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Nauka, 1970. P. 7-17.

Суперанская 1973 — Superanskaya A. V. *General Theory of the Proper Name*. M., 1973.

Тарса 2018 — Tarsa Ya. Bill is smart. Be like Bill: a history of an Internet-catchphrase. In: *Imiyata i frazeologijata. Imena i frazeologiya. Materialy konferentsii 21-23 aprelya 2017 g. Univerzitet, Sv. Kiril i Metodij" vo Skopje. Filoloshki fakultet „Blazhe Koneski"*. Skopje, 2018. P. 279-288.

Телия 1996 — Teliya V.N. *Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguacultural Aspects*. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1996.

Телия 2004 — Teliya V.N. Cultural and linguistic faculty, its probability and embeddedness in language's phraseological units. In: *Kulturnye sloi vo frazeologizmakh i v diskursivnykh praktikakh*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. P. 19-30.

Топоров 1994 — Toporov V.N. Some observations on the riddle. In: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kultury: Zagadka kak tekst. 1*. Moscow: Indrik, 1994. P. 10-117.

Топоров 2010 — Toporov V.N. On the mythological image of Semën 'Simon' and Semënovna 'patronymic denoting a daughter of Simon' in Russian folk tradition. In: *Semantika imeni (Imya-2)*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2010. P. 44-69.

Фролова 2013 — Frolova O.E. Numerical code in the riddle. In: *Logichesky analiz yazyka. Chislovoy kod v raznykh yazykakh i kulturakh*. Moscow: URSS, 2013. P. 500-507.

Цивьян 1994 — Tsivyan T.V. Is an answer within a riddle unriddling? In: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kultury: Zagadka kak tekst. 1*. Moscow: Indrik, 1994. P. 178-194.

Чернышева 2017 — Chernysheva M.I. *Names of Our Lady in Old Russian Literature: Circa 500 Lexical Units Explained and Annotated*. Moscow: LENAND, 2017.

ДЕСКРИПТИВНОЕ И НЕДЕСКРИПТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА «ЖЕЛАТЕЛЬНО» В СИНТАКСИЧЕСКОМ ОТОБРАЖЕНИИ

ELENA A. STARODUMOVA

DESCRIPTIVE AND UNDESCRIPTIVE USES OF THE WORD 'ZHELATELNO'
(‘IT’S ADVISABLE’ OR ‘IT’S DESIRED’) IN SYNTACTIC REFLECTION

Статья посвящена исследованию слова «желательно», в основных употреблениях относящегося к дескриптивной лексике. Оно всегда является синтаксическим предикатом. «Желательно» соотносится со словом «обязательно». Оба слова выражают волевую установку говорящего. Это отчетливо проявляется в контекстах, в которых они обозначают градулируемые признаки. Предикат «желательно» употребляется в двух основных синтаксических конструкциях: «желательно чтобы» и «желательно инфинитив». Доказывается прагматическая специфика слова «желательно», которая обнаруживается в разных синтаксических функциях. Устанавливается связь «желательно» с речевыми актами желательности и волеизъявления. Значение желательности исходное, прямое, в современной речи оно воспринимается как устаревшее и не создает речевого акта желательности. В современной речи для слова «желательно» характерно употребление в разновидности директивного речевого акта — прагматическом значении рекомендации. Обнаружено недескриптивное употребление «желательно» в синтаксических конструкциях простого предложения: в сочинительных рядах, в пояснительных рядах и в конструкции «вторичная союзная связь». В этих конструкциях «желательно» употребляется как служебное слово и имеет значение предпочтения. Таким образом, значение слова «желательно» имеет три проявления: желательность, рекомендация и предпочтение. Исследование выполнено на языковом материале «Национального корпуса русского языка».

Ключевые слова: дескриптивные и недескриптивные слова, прагматика, речевой акт, синтаксис, конструкция.

The article is devoted to the word ‘zhelatelno’ (‘it’s advisable’ or ‘it’s desired’), which in its main uses belongs to descriptive vocabulary. This word is always a syntactic predicate. ‘Zhelatelno’ refers to the word ‘obiazatelno’ (‘it’s required’). Both words express the volitional attitude of the speaker, which is clearly evident in the contexts where they denote graded features. The predicate ‘zhelatelno’ is used in two basic syntactic constructions: ‘zhelatelno chtoby’ (‘it is advisable that’) and ‘zhelatelno + infinitive’ (‘it’s advisable + infinitive’). The author demonstrates pragmatic specificity of the word in different syntactic functions and establishes its connection with speech acts of ‘zhelatelnost’ (‘advisability’) and expression of will. The value of ‘zhelatelno’ is original, direct. In modern speech, it is perceived as outdated and does not create a speech act of advisability, and is characterized by the use in a variety of directive speech acts in the pragmatic meaning of recommendation. The non-descriptive use of ‘zhelatelno’ was found in the syntactic constructions of a simple sentence: in coordinating rows, in explanatory rows and in the construction “secondary conjunction connection”. In such constructions, ‘zhelatelno’ is used as a link-word and has the meaning of preference. The study is based on the language material from the Russian National Corpus.

Keywords: descriptive and undescriptive words; pragmatic; speech act; syntax; construction.

**Елена Алексеевна
Стародумова**

Доктор филологических наук, профессор

► starodumova@list.ru

Дальневосточный федеральный
университет

Пос. Аякс, 10, Владивосток, 690902, Россия

Elena F. Starodumova

Far Eastern Federal State

Set. Ajaks, 10, Vladivostok, 690902, Russia

Слово «желательно», безусловно, является знаменательным словом — прилагательным и предикативным наречием (категорией состояния), а в соответствии с классификацией слов, представленной в работе И. А. Мельчука и Л. Н. Иорданской [Иорданская, Мельчук 2002], оно относится к дескриптивной лексике.

Выбор слова «желательно» в качестве самостоятельного объекта исследования на первый взгляд может показаться неоправданным. Чем может быть интересно отдельно взятое наречие или прилагательное? Но на этот вопрос есть вполне объясняющий этот выбор ответ: это взаимоотношение «желательно» с функционально близким ему «обязательно», относящимся, как было показано в нашей работе «Слово «обязательно»: грамматика и прагматика» [Стародумова 2011], в большинстве своих употреблений к недескриптивной лексике. Наиболее явное их родство обнаруживается в таких контекстах, где они употребляются как обозначения градуируемых признаков. Например: *Ваше присутствие не обязательно, но желательно. Ваше присутствие желательно, но не обязательно. Наличие телефона обязательно, интернет — желательно.*

Общее в прагматике этих слов состоит в следующем: и «обязательно», и «желательно» выражают волевую установку говорящего. Употребление и того, и другого слова обусловлено волей субъекта, дающего установку адресату. Для слова «обязательно» это может быть волевая установка говорящего самому себе и обещание адресату: *Приду обязательно.* Для «желательно» (в современном употреблении) — установка только другому субъекту — адресату.

Однако эта общая изначальная прагматическая природа проявляется у данных слов синтаксически различно. «Обязательно» во всех основных употреблениях (за исключением явно дескриптивных: *Ваше присутствие обязательно. Чтобы узнать что-то о человеке, не обязательно его видеть*) является сугубо прагматическим, недескриптивным словом, своего рода перформативом в речевых актах директивных и комиссивных. Например:

С императивом (директивный речевой акт): *Обязательно прочтите эту книгу (Советую про-*

чень) Обязательно обратитесь к врачу. (Рекомендую обратиться).

С формой будущего времени 1 лица (комиссивный речевой акт): *Я обязательно об этом расскажу (Обещаю рассказать) Мы обязательно их найдём (Обещаем найти).*

С формой будущего времени третьего лица слово «обязательно» выражает уверенность говорящего в осуществлении ситуации. Если субъект ситуации — это какое-то лицо, то говорящий выражает уверенность, что это лицо (субъект) совершит действие, потому что осознает необходимость этого действия. Например: *...подумал, что в ответ на этот вопрос собеседник обязательно всучит ему какую-нибудь брошюру* (В. Пелевин. Желтая стрела). Если же субъект ситуации — неодушевленный предмет, то говорящий с уверенностью констатирует ситуацию. Например: *Масса деталей, и какая-нибудь обязательно выйдет из строя* (А. Кабаков. Великие стройки апокалипсиса).

Значение слова «обязательно» во всех его употреблениях можно определить таким образом: это слово сигнализирует о необходимости действия (признака, ситуации), которая навязана (навязывается) субъекту действия со стороны (обязательно приходи) или изнутри, самому себе (обязательно приду), или осознается субъектом действия как таковая, т. е. навязанная (обязательно придет).

«Желательно», в отличие от «обязательно», в своих основных, исходных синтаксических употреблениях ведёт себя как дескриптивное слово, это всегда синтаксический предикат. Синтаксис его строго определённый: оно употребляется в двух конструкциях: «желательно + инфинитив» и «желательно чтобы». Это зафиксировано в толковых словарях [Ожегов 2008; Ушаков 1935]. Обе конструкции объясняются модальным значением слова «желательно». В синтаксическом различии этих двух конструкций отражается различие семантическое: конструкция «желательно + инфинитив» изначально односубъектная, субъект выражает желание какого-то собственного действия. Конструкция «желательно чтобы» всегда разносубъектная.

Такие конструкции встречаются уже в текстах 19 века. Приведем примеры.

Конструкция «желательно + инфинитив». В старых текстах в этой односубъектной конструкции субъект всегда обозначен. Например: *Узнать бы им желательно, /В чем штука, да прогневался /И так уж дядя Влас* (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо). Выражается только желание субъекта действия, не навязываемое со стороны; ср.: Им хотелось бы узнать. *Сверх того мне желательно было познакомиться с взглядами знаменитого юриста Савиньи, о котором так много говорилось в то время* (Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания).

Для современной речи такое употребление гораздо менее характерно и воспринимается как разговорное и даже несколько архаичное. Например: *Мне желательно было оставаться прежней, естественной. Роль хоть и небольшая, но по-настоящему драматичная* (Людмила Гурченко. Аплодисменты).

Конструкция «желательно чтобы» (сложноподчиненное предложение изъяснительного типа) всегда разносубъектная: «желательно» указывает на субъект желания, а в придаточном выражается действие другого субъекта, на которого это желание направлено. Данная конструкция зафиксирована в документах 19 и даже 18 веков. Например: *Ее величеству желательно, чтобы и устройством ледяного дома занялся также Артемий Петрович* (И. И. Лажечников. Ледяной дом). *Человеку желательно, чтобы его дело — ну, хоть вывод скота — не пропало и продолжалось. Где же прочнее, как не в общине? В общине выведенный скот останется и найдется продолжатель* (А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887)).

Обращаем внимание на то, что в обеих конструкциях в старом употреблении выражено значение желательности, которая исходит от конкретного субъекта, проявляющего свое желание по отношению к самому себе или к другому субъекту. Иными словами, «желательно» употребляется в прямом значении.

Теперь обратимся к употреблению слова «желательно», характерным для современной речи.

«Желательно + инфинитив»: *Ещё одно предупреждение: зимующие орешки — любимое лаком-*

ство мышей, поэтому на зиму посадки желательно закрыть, например, металлической сеткой с ячейками диаметром не более 5 мм (Н. Замятина. Растёт в саду ланкастерский орех); *В арсенале инструментов желательно иметь несколько кисточек разного размера и жёсткости* (Татьяна Булгакова. Цветочная «косметичка»); *Напомним, что пользователю желательно установить антивирусную программу, особенно если компьютер подключен к Интернету.* (И. Цаплин. Восстанавливаем windows). В отличие от первоначального («старого») употребления в современной речи преобладают конструкции разносубъектные: «желательно» выражает волевою направленность анонимного субъекта, инфинитив обозначает действие другого субъекта, на которого направлена «желательность». Причем значение желательности проявляется в этой конструкции уже не как желание, а как **рекомендация**.

«Желательно чтобы». В современном употреблении в этой конструкции «желательно» также может относиться к конкретному субъекту, обозначенному в высказывании. Например: *Как тренеру мне желательно, чтобы в обойме находились все игроки* (Советский спорт. 2010.06.26). *Мне желательно, чтобы она <была> списана так, как графиня Скавронская была писана Лампием...*» (Людмила Маркина. Спасавший красоту).

Ситуация, вводимая союзом «чтобы», относится к другому субъекту, который в отдельных случаях обозначен, например: *Желательно, чтобы врач знал всю семью, поскольку здесь нужен совместный анализ.* (Алсу Разакова. Первый год и вся жизнь) (врач должен знать). Но, как правило, субъект, на которого направлено волеизъявление, находится как бы за рамками пропозиции, которая должна быть осуществлена. Например: *При этом в большинстве случаев весьма желательно, чтобы при просмотре зритель не замечал того, что эта сцена состоит не из одного, а из нескольких склеенных между собой кадров* (Правила монтажа кадров «по Кулешову»). В этом примере волеизъявление направлено вовсе не на зрителя, а на создателей фильма, которые как субъект в предложении не обозначены. В подтверждение вышесказанного приведем еще примеры: *Для нор-*

мальной жизни и размножения этого южного вида **желательно, чтобы** круглый год температура не падала ниже 25 градусов цельсия (Юрий Фролов. Дозаправка в воздухе). Если же в игру вступают дети-ровесники, то **желательно, чтобы** взрослый на первых этапах взаимодействия помогал каждому участнику выстроить свое игровое пространство, развить сюжет или соединить все в общий (Н. Лейкина. Детская игра: цели, задачи, этапы).

И в той, и в другой конструкции в современной речи «желательно», как правило, употребляется бессубъектно (субъект анонимный и невыраженный). Здесь слово выражает не желание субъекта, а волевою установку, рекомендацию адресату. И участвует таким образом в создании разновидности директивного речевого акта. Значение «желательно» проявляется уже не как желательность, а как **рекомендация**.

Прагматическая природа этого слова и значение рекомендации начинает обнаруживаться более явно в конструкции с инфинитивом, когда объектом рекомендуемого, «навязываемого» становится не действие, заключённое в инфинитиве, а объект действия, способ действия, признак действия, время действия и т. д. Например: *Мыть поликарбонат **желательно** мягкими моющими средствами два раза в год* (Рефераты. Садоводу — на заметку); *Прощупывать руками землю **желательно** в перчатках*, на миноискатель чересчур не полагаться, но обязательно его использовать (В мирных и боевых условиях); *Во-первых, **желательно** более принципиально ставить вопросы объединения подходов и усилий перед нашими партнёрами на международной арене* (Махмут Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия); *Очищать соты **желательно** каждый год* (Анатолий Сухов. Последняя в алфавите).

При этом синтаксическая сущность слова не меняется, оно остаётся предикатом, изменения носят коммуникативный характер: «желательно» сигнализирует о речевой позиции выделяемого компонента. В этом отношении «желательно» ведёт себя так же, как модальные модификаторы: «необходимо», «надо», «можно». В коммуникативно-синтаксическом плане они

одинаковы, но различаются в прагматическом отношении. Можно сказать, что «надо» и др. прагматически нейтральны, а «желательно» прагматически активно. Изменение позиции «желательно» проявляется закономерно в соответствии с его значением — выражением рекомендации.

Принципиально иное синтаксическое употребление слова «желательно» наблюдается в тех случаях, когда оно утрачивает синтаксическую самостоятельность, и — соответственно — дескриптивность, находясь в составе конструкций, осложняющих простое предложение. Это ряды — сочинительные и пояснительные, конструкция со вторичной союзной связью. Последний тип конструкции впервые был выделен и описан А.Ф. Прияткиной [Прияткина 2007]. Это связь, создаваемая союзом на основе первичной подчинительной связи: *Приду, но поздно, Если и уеду, то не в Москву*.

Ряды сочинительные: *Под это дело нужны помощь мирового сообщества, моральная поддержка **и желательно** деньги* (Александр Минкин. Невинная жертва); *Помимо профессиональных психологических знаний он должен был иметь неплохое философское образование, хорошо знать немецкую классику до Г. Гегеля включительно **и, желательно**, с симпатией относиться к социалистическим идеям* (А.В. Сурмава. Психологический смысл исторического кризиса); *А для этого нужны не только малые вес и габариты устройства, но и независимость от внешних источников питания **и, желательно**, возможность беспроводного подключения к Интернету* (Д. Усенков. Электронный помощник в кармане).

Ряды пояснительные со значением конкретизации или уточнения: *И хотя на сегодняшний день ожидать от «субъекта разложения» продуктивной социальной деятельности вроде бы пока не приходится, тем необходимее работать над пониманием, как расстаться с фантомным состоянием, преодолеть рубеж и начать строить **новое** — **желательно** на этот раз **не тоталитарное** — общество* (Анна Шор-Чудновская. Понять постсоветского человека); *Обстоятельства жизни в те людоедские времена требовали от человека перевоплощения в **иную, желательно страшноватую***

тую сущность, дабы отпугивать врагов, болезни и смерть (Дина Рубина. Окна).

Вторичная связь: Он говорил о том, что для просветления человек не должен забывать, **желательно ни на секунду**, о том, что Бог в нем (Дмитрий Шарко. Магические жабы); Альтернативный подход — клонирование, **желательно во множестве экземпляров**, и экспериментальное наблюдение его последствий — подходит для вирусов (и даже для культур человеческих клеток и тканей), но для целого человеческого организма вряд ли (А. Финкельштейн. Как построить белок: в поисках решения молекулярной головоломки); Добытую электроэнергию нужно преобразовать и передать потребителю, **желательно с минимальными потерями** (Борис Руденко. Энергетика России: когда наступит завтра?).

Употребления в осложняющих конструкциях характерны, в частности, для объявлений. Например: *Ищу друзей, лет 25–30, патриотически настроенных, умных, **желательно с гуманитарным образованием*** («Столица», 1997.11.11); *Шерше ля фам, **желательно в р-не Тушино***. («Столица», 1997.11.11); *Приглашаем строительную организацию, **желательно со своими стройматериалами**, для ремонта подвала в Сокольники* («Столица», 1997.08.12).

Такие употребления слова «желательно» могут восприниматься как служебные, «союзные». «Желательно» несколько изменяет прагматическую установку. К значению навязывания, рекомендации прибавляется значение **предпочтения**, что соответствует данному служебному употреблению: «желательно» выделяет компонент, в прагматическом (коммуникативном) отношении отличающийся от предыдущего как в наибольшей степени соответствующий желаемому. Наиболее непосредственно значение предпочтения проявляется при выделении последнего компонента сочинительного ряда.

Полагаем, что подлинно служебным это слово всё-таки не становится, о чём свидетельствует его употребление при союзах и других связующих словах. Ср.: *Иракский режим обязательно должен быть разоружен, **но желательно** не непосредственно военными средствами, собственно*

война — это абсолютно последняя и крайняя мера. (Андрей Степанов. Яблоко — не правая партия); *Однако уж **если и** давать интервью, **то желательно** на радио.* (Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени).

Итак, слово «желательно» изменяет своё значение и прагматику. Первое, исходное значение **желательности**, мало распространённое в современной речи, прагматически нейтрально. Второе значение **рекомендации** прагматично и оказывает влияние на характер речевого акта, который можно квалифицировать как разновидность директивного речевого акта. Слово «желательно» сохраняет дескриптивный характер, но вместе с тем проявляет перформативную функцию. Наконец, третье значение **предпочтения** связано со служебной функцией слова. Здесь слово сохраняет свою прагматику, но проявляется уже как недескриптивное.

ИСТОЧНИКИ

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. М.: ООО «ИТИ «Технология», 2008. 944 с.

Ушаков Д. Н. (ред.) *Толковый словарь русского языка*. Т. 1., М., ОГИЗ, 1935–1956.

ЛИТЕРАТУРА

Иорданская, Мельчук 2002 — Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Дискурсивные слова в типологическом освещении: французское ETEFFET и русское В САМОМ ДЕЛЕ. В сб.: *Семiotика и информатика*. Вып. 37. М., 2002. С. 78–115.

Прияткина 2007 — Прияткина А. Ф. Вторичные союзные связи. В сб.: *Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции)*. Владивосток, 2007. С. 89–93.

Стародумова 2011 — Стародумова Е. А. Слово «обязательно»: грамматика и прагматика В кн.: Стародумова Е. А. *Избранные работы: описание русских частиц, словарные статьи, синтаксис художественной прозы*. Владивосток, 2011. С. 205–211.

REFERENCES

Иорданская, Мельчук 2002 — Iordanskaja L. N. Melchuk I. A. Discursive words in typological presentation: French ETEFFET and Russian V SAMOM DELE. In: *Semiotica i informatica*. V. 37. Moscow, 2002. P. 78–115.

Прияткина 2007 — Priatkina A. F. Second conjunctive connections. In: *Russkii syntaksis v grammaticheskom aspekte (syntaksicheskie svjazi i konstrukcii)*. Vladivostok, 2007. P. 89–93.

Стародумова 2011 — Starodumova E. A. The word «obazatelno»: grammar and pragmatics. In: *Izbrannyje raboty: opisanije russkih chastic, slovarnyje statji, syntacsis hudozhestvennoj prozy*. Vladivostok, 2011. P. 205–211.

РОЛЬ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКА В АНАЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

MARIA YU. EFREMOVA

THE ROLE OF LANGUAGE COMPONENTIAL ANALYSIS IN ANALYTIC SENTENCES STRUCTURES
IN RUSSIAN AND KOREAN LANGUAGES

**Мария Юрьевна
Ефремова**

Старший преподаватель

► efremovamy@mail.ru

Институт русского языка и культуры
Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова

117218, Россия, Москва, ул.
Кржижановского, д. 24/35, корп. 1.

Maria Y. Efremova

Institute of Russian Language and Culture
Lomonosov Moscow State University

117218, Russia, Moscow,
ul. Krzhizhanovskogo, 24/35, corp. 1.

Цель исследования — показать роль компонентного анализа языка в аналитических структурах в русском и корейском языках. Аналитические структуры — это такие структуры, которые могут использоваться в коммуникации более одного раза, потому что возможны разные варианты изменения лексико-грамматического состава без изменения смысла высказывания. Такие структуры могут быть использованы в предложениях разного коммуникативного типа (повествовательные, вопросительные, побудительные). В данных структурах именно интонация помогает выразить коммуникативные типы предложений, поэтому в русском языке возможности высказывания становятся шире. Научная новизна заключается в том, что механизм работы метода компонентного анализа основывается на взаимодействии лексико-грамматического состава, интонации и их связей в контексте. Стоит отметить, что важную роль здесь играет способность слова образовывать ассоциативно-тематические связи и связи взаимоисключающего противопоставления. И интонация в таких высказываниях раскрывает потенциальные возможности каждого слова. В результате определено, что в корейском языке в аналитических структурах большую смысловую нагрузку несет на себе лексика, которая конкретизирует смысл высказывания до мельчайших составляющих. В русском языке в аналитических структурах важны все четыре компонента языка в равной степени.

Ключевые слова: аналитическая структура, взаимодействие, оппозиции, компонентный анализ, русский язык, корейский язык

The aim of the research is to show the role of language component analysis in analytical structures in Russian and Korean languages. Analytical structures can be used in communication more than once, because there are different options for changing the lexical and grammatical composition without changing the meaning of the sentence. Such structures can be used in sentences of different communicative types (narrative, interrogative, imperative). In these structures, it is intonation that helps to express the communicative types of sentences, therefore, Russian language has more opportunities of expression. The scholarly novelty of the article lies in the fact that the mechanism of the component analysis method is based on the interaction of lexical and grammatical composition, intonation and their connections in the context. Important role is played by the ability of the word to form associative-thematic connections and connections of mutually exclusive opposition. The intonation in such structures reveals the potential features of each word. As a result, it is determined that in the Korean language in analytical structures, a large semantic load is carried by the vocabulary, which concretizes the meaning of the utterance up to the smallest components. In Russian language all four language components are equally important in analytical structures.

Keywords: analytic sentences; interaction; oppositions; componential analysis; Russian language; Korean language.

Актуальность рассматриваемой в статье проблемы заключается в том, что в разговорной речи русского и корейского языков наблюдается большое количество различий при употреблении аналитических структур. Однако в современных работах по лингвистике описание аналитических структур дается без учета интонационных особенностей. В то время как интонационное оформление высказываний, связанное с лексикой, грамматикой и контекстом, является особенностью русской звучащей речи. Поэтому важным является описание данных структур с точки зрения лексико-грамматического состава, интонации и их связей в контексте.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить различия в употреблении аналитических структур в русском и корейском языках, во-вторых, проанализировать роль компонентного анализа в каждом из языков.

Для проведения данного исследования были использованы сравнительно-сопоставительный, описательный метод, а также метод слухового анализа, с помощью которого можно определять различия интонационных реализаций, что важно при изучении фонетики и интонации русской речи в сопоставлении с иностранными языками. Е. А. Брызгунова писала об этом методе в книге «Звуки и интонация русской речи» [Брызгунова 1983].

Теоретической базой исследования послужили работы Е. А. Брызгуновой, в которых высказывания рассматриваются с учетом взаимодействия лексико-грамматического состава, интонации и контекста, а также описанные ею в разделе «Интонация и синтаксис» в книге «Современный русский язык» [Белашапкина 1999: 869-902] полифункциональные слова (это такие слова, которые могут функционировать как знаменательные или служебные (*где, еще, какой, когда, куда, лучше, пока, просто, сколько, такой, тоже* и др.), или как служебные слова с разными значениями (*а, вот, и, да, ну* и др.). Данные слова раскрывают свое значение в высказывании при взаимодействии лексики, синтаксиса, интонации и контекста. За последнее время было опубликовано мало работ на эту тему, и все они учитывали только лексико-грамматический состав предложения [Дедковская 2011].

Все примеры в данной статье взяты из речевых ситуаций. Под понятием речевой ситуации мы будем понимать такую совокупность и такое стечение обстоятельств, которые инициируют речь. Здесь важно учитывать не только значения конкретных слов, их морфологические особенности, но и сочетаемость.

Известно, что метод компонентного анализа языка был впервые использован в середине XIX века как «метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие» [ЛЭС 2009: 233]. Компонентный анализ является составной частью коммуникативного анализа предложения, в который также входят слуховой анализ, синтаксический, анализ ситуации и контекста. Смысловое и эмоционально-стилистическое содержание высказываний воспринимается в звучащей речи как единое целое. При этом интонационно-смысловые структуры позволяют различать предложения с точки зрения коммуникативного типа. Например, при взаимодействии лексики и интонации важно учитывать наличие или отсутствие в слове оценочной семы, способность слова выражать неизвестное или быть показателем высокой степени признака.

- *Куда² он ушел?* (вопрос);
- *Куда⁵ он ушел!* (эмоциональные оттенки).

В вопросительном предложении слово *куда* указывает на неизвестный компонент предложения (ИК-2), а в оценочном предложении — на высокую степень признака (ИК-5).

Метод компонентного анализа позволяет выявить вариативность каждого слова в определенном контексте. Лексемы русского языка образуют ряды, например, оценки, согласия-несогласия, и при использовании разных интонационных конструкций показывают разнообразие их употреблений в контексте. С помощью интонации и лексико-грамматических средств русские высказывания в отличие от корейских более лаконичны, и поэтому возможно создание разных речевых ситуаций.

В русском языке существуют синтетические и аналитические структуры, где метод компонентного анализа будет использован по-разному. Со-

став синтетических структур достаточен для выражения определенного коммуникативного типа высказывания. Чаще всего это повествовательные предложения, основной целью которых является передача всей необходимой информации, например: *Уже светало, когда они наконец подъехали к дому, который, как он полагал, станет их постоянным убежищем.* Лексико-грамматический состав аналитических структур не имеет в своем составе указателей на коммуникативную цель говорящего, поэтому такие высказывания способны образовывать оппозиции, например:

- Он купил маши́ну? — Он купил маши́ну. (вопрос — сообщение)
- Какую́ машину он купил? — Какую́ маши́ну он купил! (вопрос — оценка)

Аналитизм проявляется в определенных лексико-грамматических предложениях при взаимодействии с интонацией, предшествующим или последующим контекстом для выражения коммуникативной цели говорящего. Аналитические структуры чаще встречаются в русской разговорной речи. В. Г. Гак в статье в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дает следующее определение аналитизма: это «типологическое свойство языка», которое проявляется «в раздельном выражении основного (лексического) и дополнительного (грамматического, словообразовательного) значения слова» [Гак 1990: 31]. Гак считал, что аналитизм проявляется в том, что слово морфологически не изменяется, а также в наличии аналитических структур в языках. Морфологическая неизменяемость заключается в том, что такие слова сочетаются со служебными или полнозначными словами, в порядке слов, интонации.

Наиболее распространенными в русском языке являются предложения, в которых происходит смешение двух структур. Например, в некоторых сложноподчиненных предложениях главная часть может быть отнесена к аналитическим структурам, а придаточная — к синтетическим: *Он вернулся в Москву, которая в этот раз показалась ему более гостеприимной.* В языке эти две формы сосуществуют и дополняют друг друга.

При сравнении русского и корейского языков следует помнить, что они могут по-разному переда-

вать одни и те же понятия и ситуации. Положительное или отрицательное содержание оценки в русском языке выражается в последующем контексте. Важно, что слово *машина* должно иметь сему предметности, которая в свою очередь позволяет включаться в оценочные отношения. Например,

- *Какая́ маши́на! Всегда о такой мечтала* (положительная оценка).
- *Какая́ маши́на! Вся проржавела, ездить нельзя* (отрицательная оценка).

В корейском языке положительное или отрицательное содержание оценки должно быть выражено в одном предложении, как правило, с помощью прилагательного: *Какая хорошая машина!* При этом часто также используются наречия.

- 차가 참 좋네요!

Перевод корейского эквивалента: *Машина очень хорошая!*

В русском языке при сочетании полифункциональных слов с существительными последние имеют сему предметности и поэтому могут включаться в оценочные предложения, а полифункциональное слово в одних случаях при определенной интонации может выступать как местоименное слово, а в других случаях — как частица. Например,

- — *Какая́ там шко́ла!*
— *Да, замечательная.* (какая и там – местоименные слова)
- *Какая́ там школа! У меня много работы.* (какая и там — частицы)

Существительные, не имеющие семы предметности, уже содержат в своей семантике оценку. Например, *Вот холод! Вот неудача!* Также важна сочетаемость полифункциональных слов с другими словами, которая может зависеть от совместимости понятий, слов, от значений этих слов. Так, при выражении оценки в русском языке используются интонационные средства и контекст: *Какая́ там шко́ла! Новая мебель, новое оборудование...*

Русские предложения аналитичны, поскольку разные контексты требуют различных интонационных реализаций, что порождает вариативность. Использование метода компонентного анализа позволяет учитывать вариативность каждого слова в определенном контексте. Важно, что русские слова сами по себе способны включаться в разного рода

отношения, например, оценки, волеизъявления, и при использовании разных интонационных конструкций показывать разнообразие контекстного употребления. Русские высказывания более лаконичны благодаря использованию различных типов ИК, а также лексико-грамматических средств и поэтому позволяют создавать разные контексты употребления.

Взаимодействие лексики и грамматики дает возможность изменяться слову. В книге «Сопоставительная лексикология» В.Г. Гак пишет: «С одной стороны, лексические значения налагают ограничения на возможность морфологических изменений и синтаксических употреблений слов, с другой — значения слов могут изменяться в связи с их использованием в определенной морфологической форме и синтаксической функции» [Гак 2010: 216].

Сравним русские и корейские предложения, которые при изменении типа интонационной конструкции и контекста получают разные значения. Например,

- *Как²й там университет?*

그 대학교는 어떤 대학교예요?

Перевод корейского эквивалента: *Тот университет — какой университет?*

В корейском языке слово *какой* переводится словами *어떤 / 무슨*, употребление которых зависит от контекста. В русском языке при выражении вопроса с вопросительным словом будет использоваться ИК-2. В следующем предложении ИК-3 может использоваться при переспросе. Тогда меняется место центра ИК.

- *Какой там университет³? Сеульский, кажется.*

어떤 대학교라구요? 서울 대학교인 것 같아요.

Перевод корейского эквивалента: *Какой университет? Сеульский университет, кажется.*

В корейском языке значение переспроса будет выражаться в окончании глагола *-라구요* («рагуё»). Для передачи более точного оттенка переспроса в разговорной речи в корейском языке будет использоваться предложение: *Я забыл, она мне говорила, какой там университет.* В русском языке можно привести синонимичные высказывания: *Какой, вы говорили, там университет? = Вы говорили, там Сеульский университет?*

ИК-4 при сочетании местоименно-вопросительных слов с существительными, имеющими сему «предметность», может образовывать варианты высказываний. Например,

- *Какой там университет⁴? Я знаю, какая там школа.* (сопоставительный вопрос, в ситуации, когда уже известны другие учреждения: библиотека, магазин и др.).

어떤 학교요? 거기에 어떤 학교인지知道吗?

Перевод корейского эквивалента: *Какой университет? Какая там школа, я знаю.*

В данном примере образуются две ассоциативно-тематические группы: *университет – не университет* и *университет – другие учреждения: школа, библиотека* и т.п. В данном случае следует учитывать и роль интонации. ИК-4 используется при выражении именно сопоставительного вопроса.

Способностью образовывать ассоциативно-тематические связи, а также связи взаимоисключающего противопоставления обладают слова со значением предметности и в вопросительных предложениях без местоименно-вопросительного слова. При этом место центра ИК будет стоять на неизвестном.

- *Он³ ездил на дачу?* (он – не он; он – она, они)
누가 별장에 갔다왔어요?

Перевод корейского эквивалента: *Кто на дачу поехал и вернулся?*

Если местом центра ИК-3 является местоимение, то переводиться будет с помощью вопросительного слова *кто – 누가*.

- *Он ездил на да³чу?* (на дачу – не на дачу; на дачу – на курорт, в санаторий)

그 사람 어디에 갔다왔어요?

Перевод корейского эквивалента: *Этот человек куда поехал и вернулся?*

Если местом центра ИК-3 является «место», то переводиться будет с помощью вопросительного слова *куда – 어디*. Если место центра ИК приходится на глагол, то тогда можно говорить о способности слова образовывать только связи взаимоисключающего противопоставления.

- *Он е³здил на дачу?* (ездил – не ездил)

그 사람 별장에 갔다왔어요?

Перевод корейского эквивалента: *Этот человек на дачу поехал и вернулся?*

Как пишет В.Г. Гак, «знание ситуации позволяет прибегать к более экономным способам обозначения ее элементов. Экономия выражается в пропуске некоторых компонентов либо формальной, либо семантической структуры наименования. В обоих случаях экономии происходит перенос наименования» [Гак 2010: 144]. Поскольку ситуация ясна из контекста, некоторые элементы могут опускаться. Избыточный компонент при этом может использоваться для эмоционально-экспрессивных выражений. В данном случае В.Г. Гак пишет об избыточности речевых элементов на разных уровнях. Например, на морфологическом уровне приводится пример с суффиксом **-ка**: *промокательная бумага – промокательная – промокашка* [Гак 2010: 146]. В так называемой «объективной» группе говорится о том, что в русском языке опускается указание на объект, понятный из ситуации (суффикс **-ся** говорит об отсутствии объекта): *Извозчик остановился* [Гак 2010: 147]. Стоит отметить, что понятие избыточности напрямую связано с понятием «речевая ситуация».

Как уже было сказано выше, использование метода компонентного анализа позволяет учитывать вариативность каждого слова. Русские слова в отличие от корейских способны включаться в разного рода отношения, и с помощью разных типов ИК показывать разнообразие контекстного употребления. Компонентный анализ позволяет более точно определить коммуникативную направленность контекста. Поэтому можно говорить о том, что русские высказывания более лаконичны и поэтому позволяют создавать разные контексты употребления.

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова Е.А. 1983 — Брызгунова Е. А. *Звуки и интонация русской речи*. М.: Русский язык, 1983.
- Брызгунова Е.А. 1999 — Брызгунова Е. А. Интонация и синтаксис. В кн. *Современный русский язык*. Белашапова В. А. (ред.). М., 1999. С. 869–902.
- Брызгунова 2011 — Брызгунова Е. А. Синтаксический аналитизм в русском языке. В сб. *Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича*. Л. А. Вербицкая (ред.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 311–320.
- Гак 2000 — Гак В. Г. Аналитизм. В кн. *Большой энциклопедический словарь. Языковедение*. Ярцева В. Н. (ред.) М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 31.

Гак 2010 — Гак В. Г. *Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков*. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 264 с.

Дедковская 2011 — Дедковская Д. М. К вопросу о проявлениях аналитизма в современном русском языке. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2011, (7): 201–206

Кислицына 2019 — Кислицына Н. Н. Интегративная методика исследования коннотативного значения слова. *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки*. 2019, (6): 77–86.

Степанова М. Д. — Степанова М. Д. Вопросы компонентного анализа в лексике. 1966, (5): 37.

REFERENCES

- Брызгунова Е.А. 1983 — Bryzgunova E. A. *Sounds and intonation of Russian speech*. Moscow, 1983 (in Russian)
- Брызгунова Е.А. 1999 — Bryzgunova E. A. Intonation and syntax. In: *Sovremennyi russkii iazyk*. Beloshapkova V. A. (ed.) Moscow, 1999. P. 869–902. (in Russian)
- Брызгунова 2011 — Bryzgunova E. A. Syntax analytism in the Russian language. In: *Lingvistika ot Vostoka do Zapada. V chest' 70-letia V. B. Kasevicha: Sbornik statei*. Verbitskaya L. A. (ed.) St. Petersburg, 2010. P. 311–320. (in Russian)
- Гак 2000 — Gak V. G. (2000) Analitizm. In: *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Iazykoznanie*. Iartseva V. N. (ed.). Moscow, 2000. P. 31. (in Russian)
- Гак 2010 — Gak V. G. (2010) *Comparative lexicology: based on the French and Russian languages*. Moscow, 2010. (in Russian)
- Дедковская 2011 — Dedkovskaya D. M. (2011) On the manifestations of analitic character in the modern Russian language. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta*. 2011, (7): 201–206. (in Russian)
- Кислицына 2019 — Kislitsyna N. N. Integrative method for studying the connotative meaning of a word. In: *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2019, (6): 77–86. (in Russian)
- Степанова М. Д. — Stepanova M. D. Questions of component analysis in vocabulary. In: *Inostrannye iazyki v shkole*. 1966, (5): 37. (in Russian)

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ В РУССКОЙ УСТНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

ANTONINA A. ZAGORODNIUK
ACTIVE PARTICIPLES IN SPOKEN RUSSIAN

Статья посвящена анализу функционирования действительных причастий и причастных оборотов в устно-разговорной речи, в частности, их употребления в функции предиката и полупредикативного комплекса. Выявляется дискурсивная связь устно-разговорных монологических высказываний, содержащих причастия, с книжно-письменной речью, что дает повод говорить об интердискурсивном влиянии книжно-письменной речи на устно-разговорную речь.

Во введении к статье рассматривается стилистический статус действительных причастий как изначально книжно-письменных языковых единиц, а также основные синтаксические функции причастия (вторичный предикат, основной предикат, атрибут). Выдвигается гипотеза о том, что употребление действительных причастий в несвойственном им стилистическом окружении устно-разговорной речи может выявить дополнительные сведения о предикативном статусе данных языковых единиц. Материал исследования представляет собой 185 устных текстов, характеризующихся непринужденностью общения и неофициальностью обстановки, объектом исследования являются 350 употреблений действительных причастий в данных текстах. Цель исследования заключается в выявлении особенностей функционирования действительных причастий в устно-разговорной речи.

В результате анализа были обозначены следующие характеристики действительных причастий. Употребление действительных причастий в позиции основного предиката и препозитивного определения, традиционно трактуемые как атрибутивные (непредикативные), в устно-разговорной речи встречаются в контекстах, актуализирующих их предикативность посредством указания на таксис, в частности, на перфектное значение действительных причастий прошедшего времени.

Анализ функционирования действительных причастий в русской устно-разговорной речи позволил выявить их преимущественное употребление в составе полупредикативных комплексов в монологических высказываниях. Автоматизированное использование в устно-разговорной речи действительных причастий в функции вторичного предиката в ситуации непринужденного общения демонстрирует высокий уровень речевой способности говорящего и его выраженную связь с книжной культурой. Данная связь коррелирует с понятием дискурсивной формации, определяющей не только воспроизведение конкретного типа знания, изначально свойственного книжно-письменному дискурсу, в контексте устно-разговорной речи, но и вербализацию данного знания при помощи книжно-письменных единиц, наиболее типичных для его выражения.

Ключевые слова: действительное причастие, устно-разговорная речь, книжно-письменная речь, интердискурсивность, дискурсивная формация

The article is devoted to the analysis of active participles and participial constructions functioning in spoken Russian as predicated and predicative complicators of the sentence. The discursive connection is observed between monologue spoken utterances containing participles

**Антонина Алексеевна
Загороднюк**

Магистр лингвистики, аспирант

► St033106@student.spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9

Antonina A. Zagorodniuk
Saint-Petersburg State University
Russia, 199304, Saint-Petersburg,
Universitetskaya emb., 7-9

and written discourse, which reveals interdiscursive influence of written Russian speech onto spoken Russian. In the introduction to the article the author deals with the stylistic status of active participles, as well as its syntactic functions (secondary predicate, main predicate, attribute), and hypothesizes that active participles usage in the context of the oral speech can give an insight into the predicative status of these linguistic phenomena. The study observes 185 spoken texts, characterized by spontaneous communication and informal situation, and analyzes 350 instances of active participles usage. The aim of the study is to reveal the specific features of active participles usage in spoken Russian. As a result, the following characteristics of active participles were identified: when functioning as main predicates or attributes (which are usually assumed to have lost their predicative meaning in these positions) they actualize their predicative status by indicating the taxis of the sentence, in particular, the meaning of perfect tense of active past participles. The analysis of active participles functioning in spoken Russian demonstrated their primordial usage in semi-predicative complexes in monologues. Automaticity in the usage of such participles in spoken Russian as a secondary predicate of the sentence indicates the high level of language proficiency of the speaker and their belonging to the book culture. This connection correlates with the notion of discursive formation, which determines not only the reproduction of a particular type of knowledge originating from written discourse in oral speech, but also the coding of this knowledge by the means of written discourse, the latter being the most appropriate for its expression.

Keywords: active participle; oral speech; written discourse; interdiscursivity; discursive formation.

1. Введение

В русистике существует устойчивое мнение о том, что ряд грамматических форм и конструкций стилистически маркирован и закреплён за определёнными типами речи самой историей их функционирования. Одним из таких средств является причастие, относимое к книжно-письменным языковым явлениям [Данилевская, Трошева 2006], тем не менее, современные устно-разговорные тексты содержат многочисленные примеры употребления причастий, в частности, действительных причастий настоящего и прошедшего времени, и этот факт требует интерпретации.

Напомним, что академическая и корпусная грамматика [Шведова 1980; Сай 2011] относят причастия к нефинитным формам глагола, сохраняющим лексическое значение базового глагола и в изменённом виде — глагольные категории вида, времени и залога, с чем связывается употребление причастий в качестве предикативных и полу-

предикативных единиц. Как правило, причастия и причастные обороты рассматривают как полупредикативные единицы в составе предложения [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004], отмечая ограниченную способность действительных причастий выступать в роли вторичного предиката, реже — в составе сложного сказуемого при полужаменательных и знаменательных связках, функция основного предиката предложения для действительных причастий считается нехарактерной [Сай 2011].

Отдельно ставится вопрос об атрибутивном (непредикативном) значении причастий, и он связывается с переходом причастий в прилагательные, т. е. с адъективацией. Данный процесс заключается в потере причастием способности таксисно выражать глагольные категории, локализовать ситуацию во времени и пространстве, присоединять глагольные распространители (в частности, со значением субъекта и объекта), в развитии способности сочетаться с наречиями меры и степени и/или в приобретении переносного значения (*блестящий самоцвет — блестящий ответ*) [Сай 2011; Замятина, Сызранова 2017].

Проблема утраты причастиями предикативности подвергалась лингвистическому исследованию с точки зрения языковой системности. На наш взгляд, дополнительные сведения о предикативном статусе причастий может дать их употребление в текстах устно-разговорной речи.

Доминантными характеристиками устно-разговорной речи признаются непринуждённость, непосредственность контакта коммуникантов, неподготовленность, спонтанность. Некоторые лингвисты подчеркивают принципиальную разницу между двумя последними качествами, понимая под спонтанностью отсутствие любых внешних стимулов к порождению речи [Земская 1988], в то время как другие исследователи считают подобную трактовку спонтанности некорректной по отношению к разговорной речи вследствие диалогичности и реактивности последней и рассматривают данные понятия как синонимы [Борисова 2009; Miller, Weinert 2007]. Мы принимаем точку зрения, согласно которой неподготовленность коммуникации и её спонтанность представляют

собой единую характеристику разговорной речи, таким образом, мы характеризуем тексты, представленные в нашем материале, как неподготовленные (спонтанные).

Нами были проанализированы 185 устных текстов, размещенных в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) и содержащих 350 употреблений действительных причастий. На данном материале мы продемонстрируем особенности функционирования действительных причастий в различных позициях в непубличной устно-разговорной речи.

2. Действительное причастие совершенного вида с перфектным значением в устно-разговорной речи

Отличительной особенностью постпозитивного употребления полных действительных причастий в устно-разговорной речи стало их частотное использование в качестве сказуемого при асемантической или опущенной связке, оцениваемое лингвистами как несвойственное данному типу причастий и как показатель адъективации причастия [Сай 2011]. В примере (1) определение «заросшая» демонстрирует такие признаки адъективации, как присоединение обстоятельства меры и степени (*не сильно*), ослабление таксисных показателей в пределах реплики.

(1) [Гостья, жен, 57, 1959, филолог] Ну/ а эта дорога как-то угадывалась? [Сергей Владимирович, муж, краевед] Да/ она как бы такая ещё/ не сильно/ не сильно **заросшая**// [Гостья, жен, 57, 1959, филолог] Таёжники наверно пользуются? [Сергей Владимирович, муж, краевед] Да/ да-да-да-да// Я не знаю/ там на машинах наверно не ездили/ но ещё вот так вот/ вполне проходима// [О походе по маршруту Арсеньева (2016) // Дальневосточный федеральный университет, База данных «Речь дальневосточников»]

Однако рассмотрение данного причастия в контексте «текстового предложения» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 28] позволяет выявить у него перфектное значение видо-временной формы, указывающей на результативное состояние (ср. «дорога заросла не полностью»), подчеркнутое обстоятельством времени *ещё*, а также контек-

стуально обусловленные значения лица (характеристика с позиции наблюдателя, на что указывает наличие в вопросе предиката «угадывалась») и ирреальную модальность (ср. маркер «как бы»). Совокупность перечисленных таксисных характеристик позволяет трактовать форму *заросшая* как вторичный предикат, в числе других организующий устно-разговорный текст посредством коммуникативного регистра (о коммуникативных регистрах см. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 32-33]). В представленном примере чередуются фрагменты описания в репродуктивном и информативном регистрах. Фрагмент *она как бы такая ещё/ не сильно/ не сильно заросшая*// относится к репродуктивному описанию, так как предваряется глаголом восприятия *угадывалась*, в то время как следующий фрагмент *но ещё вот так вот/ вполне проходима*// относится к информативному описанию, предваряемому глаголом знания.

Преппозитивное причастие традиционно трактуется как атрибутивное, непредикативное определение, за исключением случаев, когда оно, помимо определительного, выражает дополнительные обстоятельственные значения (причины, уступки и др.) [Шведова 1980; Сай 2011]. В то же время наш материал показывает, что и при отсутствии добавочных значений преппозитивные причастия могут таксисно выражать предикативность, как в примере (2), где форма *развалившиеся* указывает на состояние, сложившееся к моменту речи, позицию наблюдателя по отношению к данному состоянию и её реконструкцию в присутствии адресата речи, и модальность, отражающую реальное положение дел.

(2) [Дмитрий, муж, студент] Ты вот предствавь/ центр города/ стоят старые/ потрёпанные/ уже на половину **развалившиеся** дома исторические/ которые требуют реставрации. [Разговор с приятелем об учебе (2015) // Из коллекции НКРЯ]

В текстах устно-разговорной речи также были выявлены случаи изолированного употребления причастий. В части случаев можно говорить о субстантивации причастия (*заведующий, ведущий, обезболивающее*). В некоторых случаях происходит окказиональная субстантивация при-

частного оборота, как в примере (3) *уже занявшему всю Европу*.

(3) [Надежда Михайловна К., жен, пенсионерка] *Ведь договор был/ Сталин поверил. Ну глупость/ политика/ конечно/ нельзя верить уже занявшему всю Европу*. [Беседа об истории семьи (2014) // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ].

Отметим, что в данном примере причастие служит не просто номинацией лица, но и указанием на то, что его деятельность на описываемый момент времени имела результат, т.е. причастие и при субстантивации (во всяком случае, окказиональной, контекстуальной) не только называет лицо или предмет, но и продолжает участвовать в таксисе и в распределении действий по планам (основной / второстепенный) в речевом образе отражаемой ситуации действительности. Создаваемая таким образом стереоскопичность текста была подробно исследована на материалах книжно-письменной речи (ср. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2014: 28]), но применительно к устно-разговорной речи не рассматривалась (ср. указание исследователей на специфику соединения предикативных единиц в устно-разговорной речи [Золотова, Онипенко, Сидорова 2014: 223] и замечание О.А. Лаптевой об особенностях словорасположения в книжно-письменной речи, которое в большей степени обусловлено необходимостью грамматической оформленности и завершенности высказывания, не свойственной устно-разговорной речи [Лаптева 2003: 253-254]).

Таким образом, как показывает материал устно-разговорной речи, традиционная трактовка употребления одиночных причастий в именной части сказуемого при асемантической (нулевой) связке и в препозиции к определяемому слову как адъективации, а изолированного употребления причастий — как субстантивации, не полностью отражает специфику функционирования данных языковых явлений в тексте. Наш материал позволяет наблюдать, как причастия в данных позициях не всегда и не полностью утрачивают свои таксисные характеристики и зачастую используются для обозначения результата действия, достигнутого в прошлом и сохраняемого в момент речи,

то есть выражают перфектное значение глагольной словоформы (о перфективном состоянии см. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 27-28]). При характеристике подобных употреблений причастий, как мы полагаем, нельзя не учитывать их текстовую функцию перфектива (термин Г.А. Золотовой), в связи с чем, возможно, в случаях, аналогичных приведённым примерам, было бы точнее говорить не об отпричастных прилагательных и существительных, но об актуализации у причастий перфектного значения.

3. Причастия в устно-разговорной речи как маркер уровня развитости речевой способности говорящего

Постпозиция причастия по отношению к определяемому существительному/местоимению в устно-разговорной речи обуславливает предикативное употребление одиночных причастий и причастных оборотов, наблюдаемое и в письменных текстах.

(4) [Настя, жен, школьник] *Вот валяюсь дома простуженная в хлам... пытаюсь смотреть TV... пощелкала по каналам... грустно мне стало.... Одна помесь президента/ депутатов/ бандитов/ баб с нимбами и свечками/ **корректирующих** карму за 30 руб. в мин/ Сережи Зверева/ **намазывающего** себя «Активией»/ банда «Дома 2» с чокнутой на всю голову Ксюшей...* [Обсуждение фильмов (2006) // Из коллекции НКРЯ]

В примере (4) причастие *корректирующих* находится в дистантной постпозиции по отношению к определяемому существительному *баб*, а причастие *намазывающего (себя)* — в контактной постпозиции к компоненту *Сережи Зверева*. Автор в условиях спонтанного непринуждённого общения без каких-либо усилий создаёт стереоскопический (как, вероятно, наиболее привычный для себя) речевой образ увиденного: на первом плане перечисляются герои телесюжетов, на втором плане, выстраиваемом за счёт использования причастных оборотов, даётся характеристика персонажей через сообщение об их занятиях. В норме высокая информативная плотность высказывания, определяемая большим количеством предикативных единиц в составе одной коммуника-

тивной синтаксической единицы (предложения), характерна для книжно-письменных стилей речи [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 228]. Пример (4) интересен тем, что в нём книжно-письменная полипредикативная синтаксическая модель высказывания ярко контрастирует со стилистически сниженным лексическим наполнением, сигнализирующим о том, что говорящий ощущает свою включённость в ситуацию непринуждённого (даже фамильярного) общения. Такого типа употребления чётко демонстрируют, насколько использование книжно-письменных коммуникативных контуров высказываний (термин Б. М. Гаспарова [Гаспаров 1996]) автоматизировано у людей, тесно связанных в силу каких-либо обстоятельств с книжной культурой, и насколько естественно для них порождение многоплановых речевых образов ситуаций действительности независимо от степени подготовленности и официальности общения.

В примере (5) коммуникативный контур, содержащий причастие, простирается тем более явно, что в пределах спонтанного высказывания говорящий использует причастный оборот для пояснения слабо структурированного типично разговорного описания (*такая машина/ с виду она/ как будто такая/ в траве вся*), которое он, вероятно, оценил как не дающее собеседнику достаточно точного представления об описываемом объекте; далее в том же высказывании осуществляется коррекция допущенной оговорки через мену в контуре позиций имён существительных, грамматически связанных с причастием (*травя, заросшая машиной и машина, заросшая травой*):

(5) [Ира, жен] Я не знаю... была просто такая машина/ с виду она/ как будто такая/ в траве вся/ то есть травя/ заросшая машиной такая... Ой... Наоборот. Машина/ заросшая травой/ да. [Разговор в компании подруг (2008) // Из коллекции НКРЯ].

4. Причастия в устно-разговорной речи как результат интердискурсивного влияния

Рассмотренные нами примеры употребления причастий и причастных оборотов в устно-разговорной речи во многом совпадают с особенностями данного грамматического явления

в книжно-письменной речи. Использование причастных конструкций наблюдается чаще всего в нарративном режиме диалоговедения, т. е. при таком способе «организации речевого поведения коммуниканта, при котором в его речевой партии реализуется установка на монологическую речь в условиях непосредственного контактного диалогического общения» [Борисова 2009: 183]. При порождении монологической реплики говорящий, по всей видимости, ориентируется на образцы «правильной» книжно-письменной речи. Иногда указание на данные образцы встречается в самом высказывании, что может, например, свидетельствовать о желании говорящего встроить повествование о частной жизни в исторический контекст жизни народа (6).

(6) [Надежда Павловна Ш., жен, пенсионерка] Он вообще никогда ни в каком виде укроп не ел/ потому что их кормили какой-то травой/ напоминающей запах укропа. Ну и вот. И казалось бы/ вот снова/ судя по фильмам/ естественно/ судя по литературе/ прочитанном/ об этих страшных временах/ .../ много Солженицын писал об этом. Ну/ вообще/ действительно/ много читала таких произведений... [Рассказ об истории семьи (2012) // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ].

Таким образом, монолог в разговорной речи может приближаться по средствам языкового выражения к письменной речи, перенимая черты различного рода дискурсов: исторического в примере (3), художественного (6), медийного (4). В данном случае можно говорить о влиянии определённых дискурсивных формаций, фиксирующих соответствующие знания (историческое знание, социальное знание и др.) и типичные для их вербального представления языковые средства [Ревзина 2005: 72]. При воспроизведении данных типов знания в непринуждённом спонтанном общении их вербальная форма выражения заимствуется из соответствующего типа книжно-письменного дискурса, что соотносится с наблюдениями И. В. Тубаловой об отсутствии институциональных рамок и тематических ограничений в повседневном дискурсе как причине его интертекстуальной активности и открытости для проникновения инодискурсивных элементов [Тубалова 2011: 50-51].

5. Заключение

В современной русской устно-разговорной речи происходит активизация исконно книжно-письменных причастных конструкций, в первую очередь потому, что влияние соотносимой с темой разговорного высказывания той или иной книжно-письменной дискурсивной формации, на стилистические нормы которой намеренно или привычно ориентируется участник обыденной коммуникации, оказывается более весомым, чем воздействие параметров ситуации непринуждённого общения.

Если же учитывать тот факт, что имеющийся у говорящего опыт отражения ситуации действительности средствами языка актуализируется в речевой деятельности в определённом порядке: «При формировании высказывания не конструкция создаётся из слов, но слова подбираются к конструкции» [Гак 1973: 364], то использование в устно-разговорной речи причастий как основы полупредикативных конструкций, позволяющих создавать стереоскопическое отражение ситуаций действительности, служит удовлетворению этой коммуникативной потребности носителей языка, связанных с книжной культурой, для которых такое отражение ситуаций действительности естественно, непринуждённая же ситуация общения выражается такими носителями языка в первую очередь через выбор стилистически сниженной лексики.

Небезынтересно также отметить, что в устно-разговорных текстах действительные причастия совершенного вида нередко употребляются в качестве препозитивных определений, именной части сказуемого при асемантической (нулевой) связке, а также в составе расчленённых номинаций — перифразов, т.е. без определяемого существительного, анализ подобных употреблений позволяет выявить их таксисные функции. Такие употребления трактуются нами как предикативные, поскольку демонстрируют, что причастие фиксирует на видо-временной оси результат действия, достигнутый в прошлом, но сохраняемый в настоящем, как качество, отчего оно приближается к прилагательному, но не совпадает с ним. Полагаем,

что в подобных случаях целесообразно говорить не об адъективации причастий, а об актуализации в контексте у причастия перфектного значения.

ИСТОЧНИКИ

Шведова 1980 — *Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.* Шведова Н. Ю. (гл. ред.). М.: Наука, 1980. 743 с.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова 2009 — Борисова И.Н. *Русский разговорный диалог: Структура и динамика.* М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.

Гак 1973 — Гак В.Г. Высказывание и ситуация. В сб.: *Проблемы структурной лингвистики 1972.* М.: Наука, 1973. С. 349–372

Гаспаров 1978 — Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект. В сб.: *Семиотика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика.* Тарту, 1978, (1 (442)): 63–112

Гаспаров 1996 — Гаспаров Б.М. *Язык, память, образ: Лингвистика яз. существования.* М.: Новое лит. обозрение, 1996. 351 с.

Данилевская, Трошева 2006 — Данилевская Н.В., Трошева Т.Б. Стилистические ресурсы синтаксиса. В кн.: *Стилистический энциклопедический словарь русского языка.* Кожина М.Н. (ред.). М.: Флинта: Наука, 2006. С. 474–482

Замятина, Сызранова 2017 — Замятина И.В., Сызранова Г.Ю. Адъективация и субстантивация причастных форм: проблемы процесса и вопросы терминологии. *Филологический класс.* 2017, (3 (49)): 23–28.

Земская 1988 — Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения. В сб.: *Разновидности городской устной речи.* М.: Прогресс, 1988. С. 5–44.

Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — Золотова Г.А. Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. *Коммуникативная грамматика русского.* М., 2004. 524 с.

Лаптева 2003 — Лаптева О.А. *Русский разговорный синтаксис.* М.: УРСС, 2003. 396 с.

Ревзина 2005 — Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации. В сб.: *Критика и семиотика.* Новосибирск, 2005, (8): 66–78.

Сай 2011 — Сай С.С. Причастие. В сб.: *rusgram.ru: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики.* 2011. URL: <http://www.rusgram.ru/Причастие> (Дата обращения 29.11.2020)

Тубалова 2011 — Тубалова И.В. Специфика организации дискурсов повседневности. *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2011, (4 (16)): 41–52.

Miller Weinert 2007 — Miller J., Weinert R. *Spontaneous Spoken Language. Syntax and Discourse.* Oxford: Oxford University Press, 2007. 472 p.

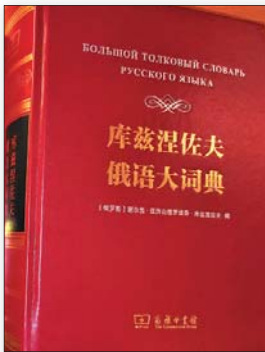
REFERENCES

- Борисова 2009 — Borisova I.N. *Russian colloquial dialogue: Structure and dynamics*. Moscow, 2009. (in Russian)
- Гак 1973 — Gak V.G. Utterance and Situation. In: *Problemy strukturnoi lingvistiki 1972*. Moscow, 1973. P. 349–372. (in Russian)
- Гаспаров 1978 — Gasparov B.M. Oral speech as a semiotic object. In: *Lingvisticheskaia semantika i semiotika*. Tartu, 1978, (1 (442)): 63–112. (in Russian)
- Гаспаров 1996 — Gasparov B.M. *Language, Memory, Image: Linguistics of Language Existence*. Moscow, 1996. (in Russian)
- Данилевская, Трошева 2006 — Danilevskaia N.V., Trosheva T.B. Stylistics Resources of Syntax. In: *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka*. Kozhina M.N. (ed.). Moscow, 2006. P. 474–482. (in Russian)
- Замятина, Сызранова 2017 — Zamiatina I.V., Syzranova G.Iu. Adjectivization and Substantivization of Participial Forms: The Process and Terminology. In: *Filologicheskii klass*. 2017, (3 (49)): 23–28. (in Russian)
- Земская 1988 — Zemskaja E.A. Urban Spoken Language and the Purposes of Its Analysis. In: *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi*. Shmelev D.N., Zemskaja E.A. (eds.). Moscow, 1988. P. 5–44. (in Russian)
- Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Iu. *Communicative grammar of Russian*. Moscow, 2004. (in Russian)
- Лаптева 2003 — Lapteva O.A. *Russian Spoken Syntax*. Moscow, 2003. (in Russian)
- Ревзина 2005 — Revzina O.G. Discourse and Discursive Formations. In: *Kritika i semiotika*. Novosibirsk, 2005, (8): 66–78 (in Russian)
- Сай 2011 — Sai S.S. Participle. In: *rusgram.ru: Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki*. 2011. Available from: URL: <http://www.rusgram.ru/Причастие> [accessed 29.11.2020]. (in Russian)
- Тубалова 2011 — Tubalova I.V. Specifics of Discourse Space of Everyday Life. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2011, (4 (16)): 41–52. (in Russian)
- Miller Weinert 2007— Miller J., Weinert R. *Spontaneous Spoken Language. Syntax and Discourse*. Oxford, 2007.

[предлагаем вашему вниманию]

Кузнецов С. А.

Большой толковый словарь русского языка. 库兹涅佐夫俄语大词典. Пекин: Изд-во 商务印书馆 (Shangwu Yinshuguan). 2020 年·北京. — 1492 с.

Однотомный толковый словарь является справочником, объясняющим значения и особенности употребления слов русского языка. В своих основных чертах он продолжает двухвековые традиции русской академической лексикографии, сочетающие в себе научную точность с ясной и удобной для читателя формой изложения.

Настоящее издание подготовлено для публикации в пекинском издательстве Shangwu Yinshuguan (商务印书馆). По сравнению с российскими изданиями 1998–2008 годов текст Словаря для КНР значительно переработан, исправлен и дополнен.

Основная задача Словаря — дать полную характеристику слов (их написание, произношение, происхождение, словоизменение, значение, сферу употребления, сочетаемость), а также показать присущие словам дополнительные смысловые нагрузки (исторические, эстетические, символические).

В Словаре представлено более 130 тысяч лексических единиц. Для каждого заголовочного слова указаны практически все его языковые характеристики: написание, ударение, особенности произношения, грамматические формы, значения, сочетаемость, этимология и др.

Величина словника позволяет полно представить лексический состав русского языка двадцать первого столетия. В Словаре содержится лексика всех стилистических пластов и литературных жанров, в которых функционирует русский язык.

Иллюстративный фонд словаря содержит речения, основанные на реальных текстах, пословицы, поговорки, афоризмы, цитаты признанных классиков русской литературы.

Словарь предназначен для представителей самых разных профессий и специальностей, которым по роду занятий требуется получить справку о значении слова, правилах его употребления и сфере использования. Словарь станет полезным справочником для тех, кто изучает русский язык как иностранный, кого интересует русская литература, культура, жизнь российского общества.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО СЛОВАМИ УЛИЦА, БУЛЬВАР, ПЛОЩАДЬ И ПРОИЗВОДНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ В МАСС-МЕДИА

OLGA N. GRIGORYEVA, NAN JIANG
PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE WORDS 'STREET', 'BOULEVARD', 'SQUARE'
AND THEIR DERIVED ADJECTIVES IN MASS MEDIA

**Ольга Николаевна
Григорьева**

Кандидат филологических наук, доцент

► lonogrig@yandex.ru

Цзян Нань

Аспирант

► 137169123@qq.com, lilith007jn@yandex.ru

Кафедра русского языка филологического
факультета Московского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,
филологический факультет

**Olga N. Grigoryeva,
Nan Jiang**

Philology Faculty, Lomonosov Moscow State
University, Russia

Moscow, GSP-1, 1-51 Leninskie Gory, 1
Humanities Building

В статье рассматриваются традиционные и относительно новые фразеологические обороты и устойчивые словосочетания со словами *улица*, *бульвар*, *площадь* и производными от них прилагательными *уличный*, *бульварный* и *площадной*. Эти лексические единицы выбраны в качестве материала для исследования в связи с тем, что одним из важнейших фрагментов русской языковой картины мира является тематическое поле «город», а улица, бульвар и площадь являются основными элементами городского пространства, которые тесно связаны с процессом урбанизации. Такие выражения представляют особый интерес для тех, кто изучает русский язык как иностранный, так как они требуют специальных фоновых знаний и овладения правилами их употребления в разных стилях речи. Цель статьи заключается в выявлении на основании разных лексикографических источников семантики данных фразеологизмов и анализе их употребления в современных публицистических текстах и рекламе. Показательно, что большинство из приведенных фразеологизмов и устойчивых словосочетаний имеет негативно окрашенное значение. Это объясняется сохранением в них традиционного представления о «неофициальности» улицы, бульвара и площади, в отличие от храма. Употребление этих фразеологических оборотов часто сопровождается языковой игрой.

Ключевые слова: фразеология; семантика; экспрессивность; синоним; стилистическая помета.

The article deals with traditional and relatively new phraseological units and collocations with the words 'street', 'boulevard', 'square' and the adjectives derived from them. These lexical units are chosen as the material for the study due to the fact that one of the most important fragments of the Russian linguistic picture of the world is the thematic field "city", and the "street", "boulevard" and "square" are the main elements of urban space, closely related to the process of urbanization. Such expressions are of particular interest for students of Russian as a foreign language, since they require special background knowledge and mastery of the rules of their use in different styles of speech. The purpose of the article is to identify the semantics of these phraseological units on the basis of different lexicographic sources and to analyze their use in modern mass media and advertising texts. It is significant that most of these phraseological units and collocations have negative meanings. This is due to the preservation in them of the traditional idea of street's, boulevard's and square's "informality", in contrast to the temple. The use of these phraseological units is often accompanied by a language game.

Keywords: phraseology; urbanization; semantics of phraseological units.

Фразеологизмы существуют на протяжении сотни веков, в них отражается мировоззрение народа, особенности его культуры и быта. Для иностранцев, изучающих русский язык, такие выражения представляют особый интерес: их не всегда легко понять в устном общении и в письменных текстах, потому что это требует «серьезных фоновых знаний и не менее точного и уместного употребления» [Яранцев 1997: 6].

Одним из важнейших фрагментов русской языковой картины мира является тематическое поле «город». Основные элементы городского пространства, тесно связанные с процессом урбанизации, — улица, бульвар и площадь. Как пишет российский историк, искусствовед Г. И. Ревзин, «улица, площадь, переулок, двор, парк — это существовало в городах более или менее всегда <...>. Бульвар — изобретение новоевропейское» [Ревзин 2018]. Представляется интересным рассмотреть традиционные фразеологизмы и относительно новые устойчивые словосочетания, включающие слова *улица*, *бульвар*, *площадь* и производные от них прилагательные *уличный*, *бульварный* и *площадной*, в современных публицистических текстах и рекламе, так как именно здесь ярче всего проявляется сочетание традиционного и нового.

Слово *улица* является многозначным: 1. Пространство между двумя рядами домов в населённом пункте для прохода и проезда; два ряда домов с проходом, проездом между ними. 2. *собир. Разг.* Жители домов, составляющих два таких ряда. 3. Место вне помещения, под открытым небом. *Весь день провести на улице.* 4. Среда, лишённая культурного воздействия семьи, общества [Кузнецов 2000: 1383]. *Бульвар* [франц. *boulevard* < нем. *bollwerk* укрепленный земляной вал]. Широкая аллея, вдоль городской улицы, набережной [Там же: 102]. *Площадь*. 2. Незастроенное, обрамлённое какими-либо зданиями, зелёными насаждениями место в пределах города, составляющее часть городского пространства [Там же: 845].

На основании лексикографических источников были выявлены следующие фразеологизмы со словом *улица*: *зеленая улица*, *улица с одно-*

сторонним движением, *будет и на нашей улице праздник*, *выбросить/выкинуть на улицу*, *вылететь на улицу*, *оказаться/очутиться на улице*, *на улице не валяется*, *с улицы*, *подметать улицу*.

Фразеологизм *зелёная улица* пришел из профессиональной речи железнодорожников, где *зеленая улица* названа по цвету сигнала светофора [Мокиенко 1998: 492]. В современном русском языке он имеет два значения: 1. (только ед.) Свободный путь, без препятствий и задержек (обычно для движения транспорта). 2. Благоприятные условия, отсутствие препятствий для осуществления чего-либо [Быстрова, Окунева, Шанский 1984: 95]. В обоих значениях *зелёная улица* активно употребляется в СМИ, например: *Зеленую улицу автобусу: в Москве могут ввести еще 42 км выделенных полос* (Российская газета, 24.01.2018); *Залог их успеха — «зеленая улица» во взаимоотношениях с распределителями бюджетных средств* (Московский комсомолец, 04.12.2019).

Попутно заметим, что раньше, как пишет Марина Королёва, в XIX веке выражение *зелёная улица* означало вид наказания в царской армии, когда провинившегося прогоняли сквозь строй солдат в зеленых мундирах, которые избивали их шпидерутенами — зелеными прутьями (Российская газета, 02.10.2008).

В рекламных целях словосочетание *зеленая улица* используется как название сети магазинов, торгующих продуктами и косметикой растительного происхождения. Название торговой марки «Зеленая Улица» предложена создателем компании Валентином Глуховым, марка должна ассоциироваться с природой и ее проявлениями.

От словосочетания *зелёная улица* образованы глагольные сочетания: *открывать зеленую улицу*, *давать зеленую улицу*. По семантике они связаны со вторым значением выражения *зелёная улица* и также встречаются в публицистических текстах. *Открывать зеленую улицу* означает «устранять препятствия, мешающие осуществлению чего-либо; давать возможность осуществить что-либо» [Молотков 1968: 303]. В масс-медиа это выражение встречается довольно часто: *Сейчас есть два-три приближенных перевозчика, которым просто открывают «зеленую улицу»*,

они могут устанавливать любую стоимость проезда (Московский комсомолец (Хабаровск), 13.11.2019). Приведенный пример демонстрирует игру слов, так как речь идет не только о свободе действий, но и о проезде по улицам города. Качественные в данном случае не ослабляют это значение, а усиливают его, привлекают к нему внимание.

Близкое по значению выражение *давать зеленую улицу* — «создавать особо благоприятные условия для продвижения кого-, чего-либо, осуществления чего-либо» [Тихонов 2004: 435]. Например: *Глава государства должен дать зеленую улицу железнодорожному сообщению со стороны Украины* (Вести Крым, 29.07.2019). Парадоксальность этого контекста заключается в том, что, возникнув в профессиональной речи железнодорожников, *зеленая улица* здесь уже не является термином, а используется в метафорическом значении.

Фразеологизм *улица с односторонним движением* имеет пометы «разговорное» и «неодобрительное» и обозначает «отсутствие взаимопонимания договаривающихся сторон» [Мокиенко, Никитина 2007: 682]. В заголовке «Миграция — это не улица с односторонним движением» (ИноСМИ.ru <https://inosmi.ru/world/20060503/227211.html>) происходит частичная актуализация прямого значения словосочетания, а именно — семантического компонента 'движение в одном направлении'. «Улица с односторонним движением» — название книги известного немецкого философа Вальтера Бенямина, где автор пишет об обманутых надеждах и невозможности вернуться в свое прошлое.

Выражение *выбрасывать / выкидывать на улицу* в значении «силой лишать жилья; увольнять с работы» [Федоров 2008: 109] встречаем в следующем публицистическом тексте социального содержания с ярко выраженной негативной оценкой: *По инициативе правительства и думского большинства с 2002 года резко сокращены налоговые льготы для предприятий, где работают инвалиды. Десятки тысяч из них уже выброшены на улицу* (Советская Россия, 06.26.2003). Словосочетание того же смыслового ряда *вы-*

лететь на улицу определяется в словаре как «оказаться исключенным, уволенным» [Тихонов 2004: 211]. *Западная практика СМИ: Оскорбил в соцсетях — вылетел на улицу* (Око планеты, 07.11.2014). Наречие *на улице* в значении «без жилья; без работы, без средств к существованию» [Тихонов 2004: 592] часто сочетается с глаголами *быть, оказаться, очутиться*, образуя фразеологизмы. Например: *По словам разработчиков законопроекта, увольняемые военнослужащие нуждаются в гарантии, что не останутся на улице* (Известия, 2014.06.26).

Иную стилистическую окраску имеет выражение *будет на нашей улице праздник*, которое обозначает «предвкушение радости, удачи в будущем и надежды на лучшее, на возможность восторжествовать над кем-либо или чем-либо» [Молотков 1968: 351]. Его происхождение связано со старым русским обычаем отмечать приходские праздники целыми улицами [Мокиенко 1998: 585]. В материале газеты «Краснодарские известия» от 16 апреля 2018 года была помещена статья «Будет и на нашей улице праздник. Краснодар продолжает работу по благоустройству». Как и во многих других случаях, прямое значение фразы соотносится с ее переносным значением, что создает эффект смысловой «стереоскопичности».

Фразеологизм *на улице не валяется* имеет два значения: 1) даром не достается; 2) не часто встречается, нелегко найти [Федосов, Лапицкий 2003: 46]. Глагол может употребляться и во множественном числе. В словаре он приводится с пометой «просторечное». Точнее было бы определить его как «сниженно-разговорное», что не мешает современным политикам употреблять его в своей речи. Приведем такой пример: *Лукашенко: у нас премьер-министры на улице не валяются. Лукашенко рассказал о том, как выбирает кандидатов на высшие государственные должности...* (Белорусские новости, 29. 01.2015).

Фразеологизованная единица *с улицы* в словаре определяется как наречие со значением «о человеке, совсем неизвестном, случайно встреченном» [Тихонов 2004: 592]. Например: «Человек с улицы» в принципе признает необхо-

димостью определенной конкуренции за властные позиции, борьбы, поддерживающей обладателей власти «в тонусе» и, в частности, вынуждающей ее больше считаться с интересами граждан, а также позволяющей способным людям продвигаться к вершинам власти [Политическая наука. 2018. №2].

Словосочетание *подметать улицу* имеет значение негативной оценки поведения человека: «бездельничать, бродить без дела» [Мокиенко, Никитина 2007: 682].

От слова *улица* в его разных значениях образовано прилагательное *уличный*, которое входит в состав многих устойчивых атрибутивных сочетаний, при этом значение производящего слова может трансформироваться. Нами выделены следующие словосочетания: *уличный комитет, уличный бой, уличная женщина/девица/девка, уличная мода, уличный музыкант, уличный футбол, уличная политика*.

В современной лингвистике устойчивое словосочетание понимается как готовая единица языка, которая является промежуточным звеном между свободными словосочетаниями и фразеологическими единицами. Проблеме интерпретации устойчивых словосочетаний посвящена диссертация Т. А. Лапаевой. Данное понятие, по мысли автора, применимо к большому количеству словосочетаний, которые являются терминами, фиксированными наименованиями, перифразами, сложными номинациями с метафорическим значением. Так, устойчивые словосочетания, которые размещаются в словарной статье, «с одной стороны, существуют как *синтагматический контекст* слова или его значения, а с другой, функционируют как *цельные номинативные единицы*» [Лапаева 2011: 3]. Устойчивые словосочетания фразеологического и нефразеологического характера рассматриваются в диссертации Е. В. Бутиной [Бутина 1996: 13-14].

Уличный комитет обозначает общественную организацию, содействующую жилищному благоустройству [Тихонов 2004: 592]. Показателен такой пример: *Дорожники сделали все на совесть, быстро и качественно, — рассказал корреспонденту РИА «Воронеж» председатель улич-*

ного комитета Иван Кравченко (РИА Воронеж, 20.11.2019).

Словосочетание *уличный бой* во фразеологическом словаре определяется как вооружённое столкновение в пределах городской черты либо в условиях плотной застройки [Тихонов 2004: 592]. Его семантика проявляется в следующем примере: *Уличные бои в Париже и их последствия глазами очевидца* (ФАН, 06.12.2019). Обычно это выражение встречается в описаниях боевых действий периода Великой Отечественной войны.

Уличная женщина/девица/девка в значении «проститутка» упоминается в разных фразеологических словарях и имеет пометы «просторечное» и «презрительное» [Тихонов 2004: 592], [Мокиенко 1998: 177]. Этот образ используется в средствах массовой информации и в речи политиков в переносном значении для выражения политической оценки тех или иных событий: *Подводя итоги уходящего года, лидер КППРФ Геннадий Зюганов заявил в эфире «Русской службы новостей», что ему стыдно за Европу. «Легла, как уличная девка, под Америку, потеряв свою историческую значимость. Многие крупные фирмы теряют гигантские капиталы», — добавил он* (LIFE 28.12.2014 <https://life.ru/p/809093>).

Устойчивые словосочетания *уличная мода, уличный музыкант* и *уличный футбол* не фиксируются во фразеологических словарях. Однако в Википедии подробно описаны их значения. *Уличная мода*, или *стритстайл*, обозначает популярность какого-либо стиля одежды и внешнего облика, который возник, развился и приобрел своих поклонников вследствие его использования в повседневной жизни, на улице. В современном русском языке это выражение употребляется в значении стиля одежды, не ограниченного строгими рамками. В журнале мод помещена статья под названием «Уличная мода на пике. А что дальше?». Интересно размышление автора об актуальности прилагательного *уличный*: *Фраза «уличная одежда» вездесуща в модных PR и маркетинговых кампаниях, но многие считают, что произошла своеобразная подмена понятий. Продавцы желают приблизиться к модному термину*

и называют «уличным» всё что угодно (<https://mainstyles.ru> 08.11.2019).

Уличный музыкант — музыкант, играющий на улице, в подземных переходах и метро. В данном случае семантическая связь со словом *улица* ослабевает. В качестве примера можно привести сюжет телеканал МИР24 «Город как сцена: вся правда об уличных музыкантах» от 7 августа 2019: *Центральные улицы Москвы и других мегаполисов немыслимы без уличных музыкантов, и, к счастью, «бродячие артисты» не остались в прошлом.* Неформальный вид футбола, который не соответствует общепринятым требованиям и принципам этой игры, получил название *уличный футбол*. В масс-медиа это выражение встречается достаточно часто, например: *Он начал создавать лигу уличного футбола — площадку, на которой люди могли бы собираться и организовывать турниры по уличному футболу* (Коммерсантъ Деньги, 03.08.2015).

Обратимся к фразеологии слова *бульвар*. Известно, что бульвар как разновидность городской улицы представляет собой широкую аллею. Слово *бульвар* входит в разговорную и даже жаргонную фразеологию, которая не характерна для языка масс-медиа. Фразеологические обороты с прилагательным *бульварный* — *бульварное искусство, бульварная литература, бульварное чтение, бульварный роман, бульварная пресса*.

Под устойчивым словосочетанием *бульварная литература* имеется в виду литература, рассчитанная на незыскательный, обывательский вкус [Тихонов 2004: 90]. Одно из таких произведений со сложной интригой, полное занимательных эффектов и сентиментального мелодраматизма, получило название *бульварный роман* [Благой 1925: 108–109]. Традиции бульварного романа восходят к Франции XIX в. В России элементы бульварной литературы были уже в XVIII в. К современному бульварному роману принято относить произведения Дарьи Донцовой. Как и многие традиционные устойчивые выражения, это словосочетание подвергается языковой игре и используется в рекламных целях. Так, анонс телевизионного сюжета на канале «Россия 1» начинался с заголовка «Бульварный

роман»: *Акции протеста оппозиции были вновь в центре внимания. Они не столь многочисленны, но возникают в Москве то тут, то там в виде «народных гуляний» в пределах Бульварного кольца* (Вести недели, 20.05.2012). Новости на «России 24» предварялись кратким перечнем: «Не рушимая Россия, бульварный роман о Трампе и критичная сумма потерь Коми» (08.06.2020).

Публикацию доклада американских спецслужб, где говорится о наличии у Кремля компромата на Трампа, Песков называет «*pulp fiction*» (англ. «бульварное чтение») (URA.RU, 11.01.2017). Речь идет о пресс-секретаре президента Дмитриии Пескове.

Вид газетных изданий, источник сенсационных, часто неточных, неприличных или вульгарных материалов с грубыми двусмысленными заголовками и иллюстрациями именуется *бульварной прессой* [Ревзин 2018]. В качестве синонима используется словосочетание *желтая пресса*. В связи с этим интересным представляется высказывание критика Аркадия Ипполитова: *Средства массовой информации — это бульвар, и пусть диктует свои законы бульвару* (Знамя, 2003, №8). *Бульвар* в данном случае является метонимическим обозначением бульварной прессы и массового читателя («бульварной публики»).

В группу традиционных фразеологических оборотов со словами *площадь* и *площадной* входят *базарная площадь, позорная площадь, площадной театр, площадная брань*.

В современном русском языке выражение *базарная площадь* применяется чаще всего как городской топоним. Приведем такой пример: *Он находился на Базарной площади в северо-восточной её части, вместе пересечения Саратовской и Тамбовской дорог* (Пенза СМИ, 05.12.2019).

Позорная площадь — площадь, на которой встарину производилось наказание преступников [Тихонов 2004: 16]. В связи с этим можно вспомнить стихотворение Н. А. Некрасова «Утро»: *На позорную площадь кого-то / Провезли — там уж ждут палачи*. В современной городской реальности *позорная площадь* в прежнем значении не существует, и данное выражение можно считать историзмом. Но оно не забыто и использу-

ется в другом контексте с другим семантическим наполнением: *Ростовчане пожаловались на «позорную» площадь в центре города. Горожан беспокоит засилье нелегальных торговцев, обилие ларьков, грязь и груды мусора* (Привет-Ростов.ру, 23.10.2018).

Выражение *площадной театр* толкуется как легкая постройка для театральных зрелищ на ярмарках, гуляньях в XVIII — начале XX в. [Тихонов 2004: 199]. Большой российский энциклопедический словарь дает ему более общее определение: «виды театральных представлений на площадях и улицах». Сейчас значение этого выражения еще более расширилось: *Площадной театр. В Москве вручили премию «Грани театра масс» создателям праздников на улицах городов* (Союзное Вече, 01.06.2008).

В книге «Московские слова, словечки и крылатые выражения» В. Б. Муравьев пишет, что происхождение устойчивого словосочетания *площадная брань* связано с Москвой. В XIX веке площадью в Москве называли толкучий рынок вдоль Китайгородской стены. Автор отсылает к фрагменту из «Очерков Москвы» Н. Скавронского: «нередко приходится слышать такие резкие ответы на обращаемые к ним (покупателям) торгующими шуточки, что невольно покраснеть... Шум и гам, как говорится, стоном стоят» [Муравьев 2007: 187]. Возможно, отсюда прилагательное *площадной* получило второе значение: «грубый, непристойный, неприличный (о словах, выражениях)» [Кузнецов 2000: 845]. К характеристике городской речи можно отнести также выражение *уличный жаргон* — особый тип разговорной речи.

В следующих примерах словосочетание *площадная брань* вынесено в заголовок. *Поле площадной брани. Московские власти предложили оппозиции провести митинг 31 июля не на Триумфальной, а на Пушкинской площади. Оппозицию это не устраивает: вероятно, отчасти по принципиальным, отчасти по техническим причинам (на Триумфальной больше места)...* (Новая газета, 07.26.2010). В этом фрагменте совершенно очевидна языковая игра: во-первых, речь идет о московских площадях,

на которых собирались оппозиционеры; во-вторых, происходит совмещение данного выражения с фразеологизмом *поле брани*, в котором *брань* имеет значение не ругательства, а битвы, сражения.

Во втором примере обыгрывается прямое и переносное значения слова *площадной*: **Площадная брань**. *Ученые ссорятся с чиновниками из-за Красной площади. Красную площадь ожидает капитальная реставрация брусчатки. Однако эксперты уверены, что такая реставрация может повредить культурный слой, который начинается сразу под брусчаткой* (Аргументы недели, 04.02.2010).

Укажем, что большинство из приведенных фразеологизмов и устойчивых словосочетаний имеет негативное значение (*выбросить/выкинуть на улицу, вылететь на улицу, быть/оказаться/очутиться на улице, уличная девка, площадная брань*) или отрицательную стилистическую окраску (*улица с односторонним движением, подметать улицу, бульварная литература, бульварная пресса, бульварный роман*).

М. М. Бахтин отмечает, что «культура народного вульгарного языка была в значительной степени культурой громкого слова под открытым небом, на площадях и улицах» [Бахтин 1990: 201]. С его точки зрения, в отличие от церкви и храма улица — место, где нелегальные «праздники дураков» продолжали существовать, площадь — территория народной культуры и средоточие «всего неофициального, она пользовалась как бы правами «экстерриториальности» в мире официального порядка и официальной идеологии» [Там же: 86, 170]. Можно считать, что в большинстве фразеологизмов и устойчивых словосочетаний со словами *улица, уличный, бульвар, бульварный* и *площадь, площадной* сохраняется традиционное представление о «неофициальности» улицы, бульвара и площади, которое проявляется в отрицательной окраске их значений. В публицистических текстах употребление этих фразеологических оборотов часто сопровождается языковой игрой.

Рассмотренные устойчивые словосочетания со словами *улица, площадь* и *бульвар* и про-

изводными от них прилагательными сохраняют свою актуальность в современном русском языке и подвергаются семантической деривации: расширяется или сокращается их семантический объем, возвращается исконное, прямое значение или развивается новое.

ИСТОЧНИКИ

Кузнецов С. А. (ред.). *Большой толковый словарь русского языка*. СПб., 2000.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. СПб, 1998.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русских поговорок*. М., 2007.

Молотков А. И. *Фразеологический словарь русского языка*. М., 1968.

Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. *Учебный фразеологический словарь русского языка*. Л., 1984.

Федоров А. И. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. М., 2008.

Федосов И. В., Лапицкий А. Н. *Фразеологический словарь русского языка*. М., 2003.

Тихонов А. Н. (ред.) *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*. М., 2004.

Яранцев Р. И. *Русская фразеология. Словарь-справочник*. М., 1997.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1990 — Бахтин М. М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. М., 1990.

Благой 1925 — Благой Д. Д. Бульварный роман. В кн. *Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т.* М.; Л., 1925. Т. 1. А-П. С. 108–109.

Бутина 1996 — Бутина Е. В. *Темпоральные устойчивые словосочетания в современном французском языке*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Лапаева 2011 — Лапаева Т. А. *Проблемы интерпретации устойчивых субстантивно-адъективных словосочетаний в толковых словарях*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2011.

Муравьев 2007 — Муравьев В. Б. *Московские слова, словечки и крылатые выражения*. М., 2007.

Ревзин 2018 — Ревзин Г. И. Как устроен город. 2018. [Электронный ресурс]. <https://www.kommersant.ru/doc/3242167>

REFERENCES

Бахтин 1990 — Bahtin M. M. Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance. Moscow. 1990 (in Russian)

Благой 1925 — Blagoj D. D. Shocker. In: Literary encyclopedia: dictionary of literary terms: in 2 vols. Moscow; Leningrad, V. 1. A-P. P. 108–109. (in Russian)

Бутина 1996 — Butina E. V. Temporal collocations in modern French language. Extended abstract of candidate's thesis, Philology. Moscow, 1996. (in Russian)

Лапаева 2011 — Lapaeva T. A. Problems in interpretation of substantive-adjective collocations in defining dictionaries. Extended abstract of candidate's thesis, Philology. Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, Velikii Novgorod, 2011. (in Russian)

Муравьев 2007 — Murav'jov V. B. (2007) Moscow words, phrases, and catch phrases. Moscow. 2007. (in Russian)

Ревзин 2018 — Revzin G. I. How the city works. <https://www.kommersant.ru/doc/3242167>. 2018 (in Russian)

РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА: ОТ РЕКОНСТРУКЦИИ К ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

OLGA A. MASHKOVICH

THE RHETORICAL IDEAL OF MODERN RUSSIAN STUDENTS:
FROM RECONSTRUCTION TO LINGUOAXIOLOGICAL INTERPRETATION

**Ольга Александровна
Машкович**

Аспирант, преподаватель

► mashkovich.olya@yandex.ru

*Новосибирский государственный
технический университет
Новосибирск, ул. Карла Маркса 20*

*Новосибирский государственный
университет экономики и управления,
Новосибирск, ул. Каменская, 56*

Olga A. Mashkovich

*Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Karl Marx St., 20*

*Novosibirsk State University of Economics
and Management, Department of Philosophy
and Humanities
Novosibirsk, Kamenskaya St., 630099*

Процессы глобализации и информатизации общества формируют новые представления о риторических ориентирах современности, определяя необходимость изучения феномена риторического идеала в лингвоаксиологическом аспекте, направленном на выявление ценностно-речевых ориентиров, формирующих современное коммуникативное пространство. В статье презентуется реконструкция представлений о риторическом идеале у современного студенчества — аудитории, формирующей речевое пространство современности. В работе представлена структура анкеты, направленная на выявление коммуникативно-речевых ценностей молодого поколения, в соответствии с которыми в дальнейшем будут определяться и регулироваться процессы коммуникативного взаимодействия. Результаты анкетирования демонстрируют синкретический характер риторического идеала современного студенчества, обусловленный комбинаторикой аксиологем как преимущественно отечественного, так и американизированного типов, способность к типологической трансформации, порождаемой изменениями представлений об образцовом речевом поведении в условиях культурной глобализации. На основе результатов анкетирования сформирована аксиологическая структура риторического идеала современного студенчества, отразившая ценностные речевые приоритеты респондентов. Путем установления корреляций между коммуникативно-речевыми ценностями риторического идеала и средствами их вербализации дана лингвоаксиологическая интерпретация текстов выступлений популярного среди студенчества медиадеятели Ю. Дудя. Результаты исследования демонстрируют валидность процедуры лингвоаксиологической интерпретации, что позволяет выявлять механизмы вербализации коммуникативно-речевых ценностей, обеспечивающих популяризацию медийных деятелей в массовом молодежном сознании.

Ключевые слова: риторический идеал, лингвоаксиология, коммуникативно-речевые ценности, российское студенчество, анкетирование.

The processes of globalization and informatization of society form new ideas about the rhetorical guidelines of our time, determining the need to study the phenomenon of rhetorical ideal in its linguoaxiological aspect in order to identify the value-speech guidelines that form the modern communicative space. The article presents the reconstruction of ideas about the rhetorical ideal of modern students, the audience that forms the speech space of modernity. The

article presents the structure of the questionnaire, which can help to identify communicative speech values of the younger generation, in accordance with which the processes of communicative interaction will be determined and regulated in the future. The results of the survey demonstrate the syncretic nature of modern students' rhetorical ideal, due to the combinatorics of both domestic and Americanized axiological units, the ability for typological transformation generated by the changes in ideas about exemplary speech behavior in the context of cultural globalization. Based on the results of the survey, the axiological structure of the rhetorical ideal of modern students was formed, reflecting the value speech priorities of the respondents. By establishing correlations between the communicative speech values of the rhetorical ideal and the means of their verbalization, the article offers the linguoaxiological interpretation of the texts by the media leader Yuri Dud', who is popular among the students. The results of the study demonstrate the validity of the linguoaxiological interpretation procedure, which helps to identify the mechanisms of verbalization of communicative speech values that ensure the popularization of media figures in the minds of many young people.

Keywords: rhetorical ideal; linguoaxiology; communicative speech values; Russian students; questionnaires.

Цель настоящей статьи заключается в осмыслении риторического идеала современного российского студенчества, в выявлении и структурировании организующих его коммуникативно-речевых ценностей и обосновании средств их вербализации на материале массмедийных текстов, принадлежащих лидерам мнений, популярным в молодежной среде.

Природа ценностей, их место в реальности, а также структура ценностного мира являются предметом изучения аксиологии. В философии XIX–XX вв. теория ценностей представлена трудами М. Вебера, О. Г. Дробницкого, Э. Дюргейма, М. С. Кагана, Т. Парсонса, М. Шелера и других ученых [Вебер 1990; Дробницкий 1967; Дюргейм 1995; Каган 1997; Парсонс 1998; Шелер 1994].

Аспектологической частью аксиологии выступает лингвоаксиология — направление лингвистики, находящееся сегодня на этапе становления и рассматривающее вопросы формирования коммуникативных ценностей того или иного социума [Сидорова 2011], а также механизмы их вербализации. Поле современной лингвоаксиологической проблематики определяется исследованиями Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, В. И. Карасика [Апресян 1995; Арутюнова 1999; Карасик 2002].

«Объектом лингвистической аксиологии выступает нерасторжимый комплекс “язык – сознание – общество – культура – человек”. <...> Лингвоаксиологический предмет — язык, рассматриваемый как средство формирования, выражения и трансляции ценностей» [Павлов 2013], в том числе и речевых.

Феноменом, природа которого основана на синкретизме ценностных ориентиров культуры, социальных норм и речевого поведения людей, является риторический идеал (далее РИ — О. М.). Его определяют как «иерархию коммуникативных ценностей, отражающих требования к речи и речевому поведению носителей определенной культуры» [Михальская 2012: 47].

В отечественной лингвистике проблеме осмысления сущности РИ посвящены работы С. С. Аверинцева, А. К. Михальской, А. П. Сковородникова, В. В. Смолененковой, И. А. Стернина [Аверинцев 1996; Михальская 2015; Сковородников 1997; Смолененкова 2005; Стернин 2003].

Теоретическим основанием настоящего исследования выступает концепция типов РИ А. К. Михальской, согласно которой РИ есть «система наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившаяся в той или иной культуре и отражающая систему ее ценностей — эстетических и этических (нравственных)» [Михальская 2015: 34–47]. При этом исследователь выделяет два основных типа РИ, противопоставленных друг другу и сосуществующих в современной речевой среде.

Первый, американизированный РИ, восходящий к идеалу софистов: он выдвигает на первый план манипулирующую силу слова и агональное речевое поведение. Второй — восточно-христианский, или отечественный, близкий к идеалу Платона и Сократа, для которого основными ценностными критериями являются истинность и нравственность [Там же: 47–77].

Очевидно, что типология, предложенная А. К. Михальской, не отражает реальной практики коммуникативного существования современного общества. Процессы глобализации, активное взаимодействие и взаимопроникновение культур, новые социально-экономические и информационно-

коммуникационные условия формируют сегодня особые представления о риторических ориентирах и определяют потребность изучения РИ в лингвоаксиологическом аспекте, направленном на выявление его ценностных параметров и соответствующих средств вербализации.

Особый интерес представляет РИ современного российского студенчества, поскольку именно эта целевая аудитория в недалеком будущем будет определять принципы речевого общения и регулировать процессы коммуникативного взаимодействия.

Настоящее исследование состояло из двух последовательных этапов.

Первый этап — реконструкция РИ современного студенчества, моделирование его аксиологической структуры. Второй этап — лингвоаксиологическая интерпретация реконструированного РИ.

Первый этап исследования

Первый этап исследования осуществлялся в течение нескольких лет — с 2015 по 2020 гг. включительно [Гольшшкина, Машкович 2017; Машкович 2020]. Анкетирование проводилось среди студентов новосибирских вузов в возрасте от 18 до 23 лет. Проанализировано 492 анкеты, получено 4078 реакций, которые и составили систему аксиологических параметров исследуемого РИ.

Структура анкеты состояла из вопросов, направленных на выявление коммуникативно-речевых ценностей современного студенчества.

Так, в одном из вопросов студентам требовалось из общего перечня параметров отечественного и американизированного РИ выделить те, которые, с позиции респондента, определяют успешность речи:

В приведенном ниже списке отметьте свойства, которые, на ваш взгляд, обеспечивают успех речи.

• *Агональность (соревновательность, победа любой ценой)*

- Диалогичность
- Гармонизация
- Агрессивность
- Истинность
- Нравственность
- Установка на успешность

• *Естественность (демонстрация своих эмоций и желаний)*

• *Скромность*

• *Демонстрация уважения к собеседнику*

В условиях множественного выбора лидирующие позиции распределились следующим образом: 78% респондентов отметили *демонстрацию уважения к собеседнику* в качестве фактора речевой успешности; 72% опрошенных выбрали *естественность* как свойство, обеспечивающее успех речи; 54% испытуемых указали *истинность*; 51% отметили *диалогичность* как реализованную потребность в обратной связи общающихся; *установка на успешность* — 45%; *гармонизация* — 40%; *нравственность* — 30%; *соревновательность* — 8%; *агрессивность* — 4%; *скромность* — 1%. Указанные свойства, получившие больше 50% голосов, составили базовый уровень ценностной структуры РИ. Параметры, получившие меньше 50%, обосновались на коммуникативно-ситуативном уровне, репрезентирующем ценности, актуализирующиеся в определенных коммуникативных ситуациях (рис. 1).

Предполагаем, что такое аксиологическое распределение обусловлено, с одной стороны, бытующей в массовом коммуникативном сознании моделью субъект-субъектного коммуникативного взаимодействия, призванного видеть в собеседнике партнера по общению, а с другой, — потребностью экспликации своих эмоций и желаний, программируемой моделями поведения, популярными в социальных сетях и на видеохостингах. Выбор респондентами такого критерия, как истинность речи, свидетельствует о появившемся у молодежи внимании к качеству транслируемой и тиражируемой информации.

В ходе анкетирования студентами также были обозначены медийные личности, являющиеся в их представлении успешными ораторами: В. Путин (25%), Ю. Дудь (18%), В. Жириновский (13%) и А. Навальный (9%). Значительное количество студентов (13%) воздержались от ответа; 9% дали расширенный перечень имен, куда вошли В. Зеленский, В. Познер, Д. Киселев, Т. Канделаки, В. Соловьев, С. Лавров, Д. Гордон, А. Невзоров, К. Собчак, И. Ургант и другие; 13% опрошенных указали

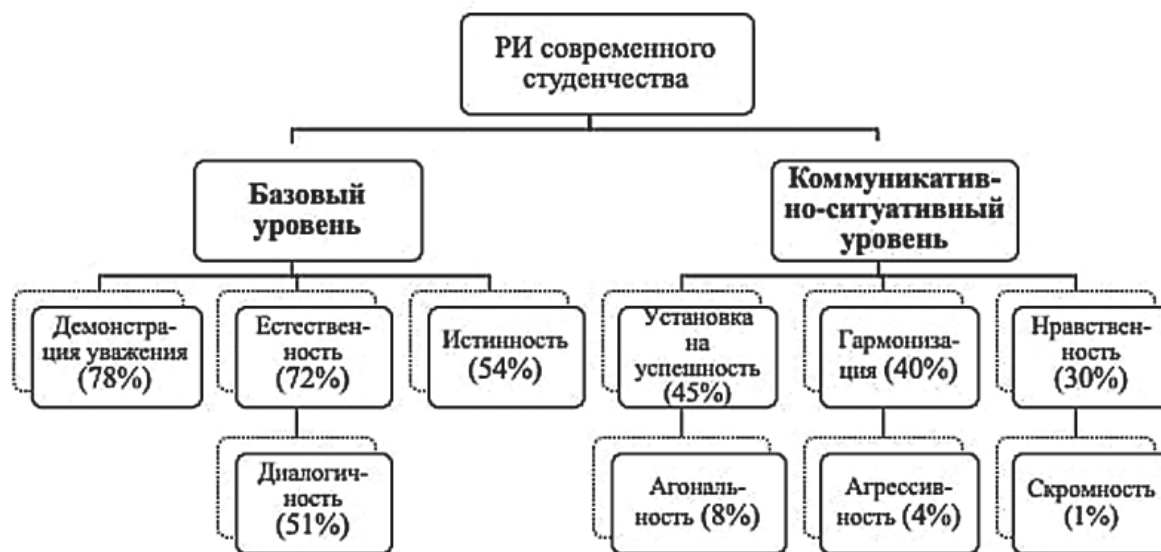

Рис. 1. Аксиологическая структура риторического идеала современного студенчества

единичные, не встречающиеся у других имена: например, Н. Сабуров, С. Минаев, П. Воля, Е. Летов, А. Шабутдинов.

Такой широкий спектр ораторов, представляющих в качестве образца успешности, есть следствие появления новых медийных форматов и соответствующих интернет-жанров (блогов, форумов, YouTube-каналов и т. п.), создающих благоприятные условия для популяризации самых разных персон.

Анкетирование выявило синкретический характер РИ современного студенчества, обусловленный комбинаторикой аксиологом как преимущественно отечественного, так и американизованного типов.

Второй этап исследования

На втором этапе исследования осуществлена лингвоаксиологическая интерпретация путем установления корреляций между типологическими свойствами реконструированного РИ и средствами их вербализации.

В рамках выдвигаемой нами гипотезы выявленные в ходе исследования аксиологические доминанты могут быть вербализованы следующим образом: демонстрация уважения к собеседнику эксплицируется посредством этикетных формул, фатических средств и определенного репертуара тем; естественность формируется, как правило, пу-

тем использования элементов разговорной речи, сленга, просторечной и общенной лексики; истинность речи диагностируется аргументацией; диалогичность — средствами адресации и авторизации.

Для верификации обосновываемых соответствий мы обратились к текстам языковых личностей, лидирующих в списке успешных ораторов в ответах респондентов. Соответственно, материалом исследования выступили тексты публичных выступлений Ю. Дудя — популярной массмедийной личности, журналиста и блогера.

Так, **демонстрация уважения** говорящего к слушающим в выступлении Ю. Дудя на конференции компании AmoCRM проявляется в этикетной формуле приветствия, реализующей фатическую и анонсирующую функции: «*Всем привет! Я не знаю, зачем меня сюда позвали. Предположительно, сказали поговорить немножко про медиа*»¹.

Здесь тематический репертуар регулируется критериями уместности и актуальности и определяется такими тематическими ориентирами, как *современные медиа, Россия, YouTube*¹.

В речи на вручении премии JQ темы *молчания и беспредела* отклоняются от требований уместности и удобства аудитории, но восполняются тактикой комплимента слушателям: «*Вы гораздо умнее, гораздо образованнее и просто лучше меня*»².

Вербализация **естественности** связывается с использованием разговорной и просторечной лексики, сленга, порой инвективы, выступающих инструментом сокращения социальной дистанции между авторитетным ритором и неопытным слушателем: «Я офигевал от того, как это бессмысленно»¹; «Когда в России в следующий раз будут метелить очередных простых прохожих дубинками»², «Было бы гораздо хуже, гораздо слабее и, в общем, не прикольной», «Я чешу репу и грущу»¹; «...когда будут вкидывать пачку макулатуры в избирательную урну»².

Свойство **истинности** в речи Ю. Дудя подерживается аргументацией. Так, в речи на конференции компании AmoCRM в качестве примера для подражания и образца профессионализма слушателям предлагается история успеха известного российского журналиста Леонида Парфенова, представляющая собой сложный развернутый аргумент, квалифицируемый как «апелляция к авторитету».

В другом случае Ю. Дудь основывается на дедуктивном методе аргументации, обращается к универсальным способам убеждения, используя эмпирическую аргументацию: «Мне кажется, что молчание перестало быть спасительным оберегом. Если ты молчишь, то это не значит, что ты в домике. Прийти могут в любой домик, даже если этот домик находится на Рублево-Успенском шоссе. А раз нет разницы, то я не понимаю, почему нужно встречать беспредел молчанием, а не лицом к лицу»².

Действенным, на наш взгляд, способом демонстрации истинности становится предъявление тезиса в виде метафорического суждения: «Очевидно, что корабль здравого смысла в России идет ко дну»¹.

Эффект **диалогичности** создается с помощью инструментов интерперсональности, а именно путем использования:

- обращений к слушателям в прямой, нивелирующей иерархические отношения форме: «Друзья»¹;

- приема генерализации, создающего эффект единения говорящего с аудиторией: «Но как часто мы по-настоящему задаем вопросы?»¹;

- косвенного обращения к аудитории, имеющего прогностический характер: «А вам было бы это интересно, исходя из того, что каждый из вас, конечно же, заинтересован в том, чтобы продавать свой продукт лучше...»¹;

- прецедентных для молодежи высказываний типа «Цой жив»¹;

- речевой тактики комплимента: «Вы гораздо умнее, гораздо образованнее и просто лучше меня»².

Проведенный анализ, так или иначе, демонстрирует возможности лингвоаксиологической интерпретации как метода, направленного на выявление способов и средств вербализации ценностей, определяющих сущность РИ.

Таким образом, предложенная процедура исследования — от реконструкции РИ к лингвоаксиологической интерпретации — проливает свет на аксиологическую составляющую риторической картины мира современного студенчества, а также выявляет механизмы вербализации коммуникативно-речевых ценностей, обеспечивающие популяризацию медийных деятелей в массовом молодежном сознании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дудь Ю. А. (2018). Как покорить YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5z_FQDm6cVg.

² Дудь Ю. А. (2019). Как можно встречать беспредел молчанием. URL: <https://youtu.be/OqgbeZAUOLY>.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1996 — Аверинцев С. С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996.

Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*. М., 1995.

Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М., 1999.

Вебер 1990 — Вебер М. Основные социологические понятия. В кн.: Вебер М. *Избранные произведения*. М., 1990.

Гольшкшина, Машкович 2017 — Гольшкшина Л. А., Машкович О. А. Аксиологические трансформации отечественного риторического идеала в коммуникативном сознании русского студенчества в условиях глобализации. В сб.: *Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты: сб. материалов 7 междунар. науч.-практ. конф., 29–30 марта 2017 г.* Новосибирск, 2017. С. 24–32.

Дробницкий 1967 — Дробницкий О. Г. *Мир оживших предметов*. М., 1967.

Дюркгейм 1995 — Дюркгейм Э. *Ценностные и «реальные»*

суждения. В кн.: *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М., 1995.

Каган 1997 — Каган М. С. *Философская теория ценности*. СПб., 1997.

Карасик 2002 — Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград, 2002.

Машкович 2020 — Машкович О. А. Риторический идеал современного студенчества как динамическое явление. В сб.: *Пушкинские чтения–2020. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: сб. материалов XXV междунар. науч. конф., 5–6 июня 2020 г.* СПб, 2020. С. 391–398.

Михальская 2015 — Михальская А. К. *Сравнительно-историческая риторика: учеб. пособие*. М., 2015.

Павлов 2013 — Павлов С. Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект. *Вестник Мининского университета*. 2013 (2) URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/390/366> (дата обращения: 06.08.2020).

Парсонс 1998 — Парсонс Т. *Система современных обществ*. М., 1998.

Сидорова 2011 — Сидорова Н. А. *Основы лингвоаксиологической концепции речевой коммуникации*. Автореферат дис. ... д-ра филологических наук. М., 2011.

Сковородников 1997 — Сковородников А. П. О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности. *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень*. 1997, (5): 27–37.

Смолененкова 2005 — Смолененкова В. В. *Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Стернин 2003 — Стернин И. А. Экспериментальное изучение категории русский коммуникативный идеал. *Мир русского слова*. 2003, (2): 53–55.

Шелер 1994 — Шелер М. *Избранные произведения*. М., 1994.

REFERENCES

Аверинцев 1996 — Averincev S. S. *Rhetoric and origins of the European literary tradition*. Moscow, 1996. (in Russian).

Апресян 1995 — Apresian Iu. D. *Human image according to language data: an attempt at a systemic description*. Moscow, 1995. (in Russian).

Арутюнова 1999 — Arutiunova N. D. *Language and the world of man*. Moscow, 1999. (in Russian).

Вебер 1990 — Veber M. Basic sociological concepts. In: Veber M. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, 1990. P. 602–643.

Гольшкينا, Машкович 2017 — Golyshkina L. A. Mashkovich O. F. Axiological transformations of the domestic rhetorical ideal in the communicative consciousness of Russian students in the context of globalization. In: *Proceedings of the International conference “Mezhkul’turnaia kommunikatsiia: lingvisticheskie aspekty” (Russia, Novosibirsk, 29–30.03.2017)*. Novosibirsk, 2017 P. 24–32. (in Russian).

Дробницкий 1967 — Drobnitskii O. G. *The world of living objects*. Moscow, 1967 (in Russian).

Дюркгейм 1995 — Durkheim E. Valuable and “real” judgments. In: *Sotsiologiya. Ее предмет, метод, предназначение*. Moscow, 1995. P. 99–105. (in Russian).

Каган 1997 — Kagan M. S. *Philosophical theory of value*. Saint-Petersburg, 1997. (in Russian).

Карасик 2002 — Karasik V. I. *Linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, 2002. (in Russian).

Машкович 2020 — Mashkovich O. A. Rhetorical ideal of modern students as a dynamic phenomenon. In: *Proceedings of the International conference “Pushkinskie chteniia–2020. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst” (Russia, St. Petersburg, 5–6.06.2020)*. St. Petersburg, 2020. P. 391–398. (in Russian).

Михальская 2015 — Mikhalskaya A. K. *Comparative Historical Rhetoric: A Study Guide*. Moscow, 2015. (in Russian).

Павлов 2013 — Pavlov S. G. Linguoaxiological model of a person: scientific and methodological aspect. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2013 (2). Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/390/366> (accessed 06.08.2020). (in Russian).

Парсонс 1998 — Parsons T. *The system of modern societies*. Moscow, 1998. (in Russian).

Сидорова 2011 — Sidorova N. A. *Fundamentals of the linguoaxiological concept of speech communication* (Extended abstract of Doctor’s thesis, Philology), Military University, Moscow, 2011. (in Russian).

Сковородников 1997 — Skovorodnikov A. P. On the content of the concept of “national rhetorical ideal” in relation to modern Russian reality. In: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obscheniya: nauchno-metodicheskiy bulleten’*. 1997, (1): 27–37. (in Russian).

Смолененкова 2005 — Smolenenkova V. V. *Rhetorical criticism as a philological analysis of public argumentation* (Extended abstract of candidate’s thesis, Philology), Moscow State University, Moscow, 2005. (in Russian).

Стернин 2003 — Sternin I. A. Experimental study of the category Russian communicative ideal. In: *Mir russkogo slova*. 2003, (2): 53–55. (in Russian).

Шелер 1994 — Sheler M. (1994) *Selected works*. Moscow, 1994. (in Russian).

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ТВОРЧЕСТВЕ П. П. БАЖОВА (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «МАЛАХИТ»)

LIUBOV YU. STEPANOVA

REFLECTION OF CULTURAL CODES IN PAVEL BAZHOV'S WORKS: THE NOUN "MALACHITE" FUNCTIONS

**Любовь Юрьевна
Степанова**

Магистр, аспирант

► Liubastepanova84@yandex.ru

Санкт-Петербургский горный
университет

199106, Санкт-Петербург, Васильевский
остров, 21 линия д. 2

Stepanova Liubov Iurevna
Saint-Petersburg Mining University

199106, Saint-Petersburg,
2 Vasilievsky island, line 21

Статья посвящена исследованию отражения культурных кодов в сказах П. П. Бажова. Одним из перспективных направлений современной российской лингвистики является изучение структуры и содержания культурных кодов в их общезыковом и индивидуально-авторском преломлении. Культурный код понимается как система знаков материального и духовного мира, которые являются носителями культурных смыслов. Выбор для исследования творчества уральского писателя, представляющего культурно и регионально обусловленную языковую картину мира, мотивирован недостаточно полным описанием особенностей мировосприятия и идиостиля П. П. Бажова. На основании применения корпусного и лингвокультурологического анализа осуществляется выявление особенностей формирования культурно маркированных значений номинаций объектов социоприродной среды (на примере существительного «малахит»). В качестве материала исследования из сборника «Малахитовая шкатулка» были выбраны сказы, описывающие способы добычи и обработки малахита, профессиональные секреты мастеров по малахиту, легенды и народные предания, рассказывающие о тайнах поделочного камня. Это позволило рассмотреть малахит в качестве когнитивной доминанты индивидуально-авторского стиля П. П. Бажова. В процессе работы с Национальным корпусом русского языка было выявлено 45 словоформ существительного *малахит* в сказах уральского писателя. Представлены результаты количественного анализа и описана семантика падежных форм. Обнаружено, что наиболее употребительные словоформы (именительный, творительный и дательный падежи), как и в целом при функционировании языка, передают денотативное значение исследуемой лексемы. В результате лингвокультурологического анализа сказов были выявлены коннотативные значения лексемы *малахит*, а также неологизмы, которые являются результатом индивидуально-авторского лингвокреативного творчества, отражающего метафорическое переосмысление реалий социоприродной окружающей среды. На основе количественного и качественного анализа лексемы сделан вывод о том, что малахит в сказах П. П. Бажова представлен как своеобразный символ Урала, связанный как с особенностями производственной деятельности жителей региона, укладом их жизни, так и с традиционными образами уральского фольклора.

Ключевые слова: П. П. Бажов; культурные коды; индивидуально-авторский стиль; корпусный анализ; лингвокультурологический анализ.

The author explores cultural codes' reflection in Pavel Bazhov's tales. One of the promising areas of modern Russian linguistics is the study of cultural codes' structure and content in their

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-31-70001

general linguistic and individual author's versions. The cultural code is understood as a system of signs of material and spiritual worlds, carrying some cultural meanings. The choice of the works of Uralian writer's, who represents culturally determined regionalistic linguistic picture, is motivated by insufficient description of the peculiarities of Pavel Bazhov's worldview and idiostyle. Based on the use of corpus and linguoculturological analysis, the study demonstrates some features of culturally marked values formation in the nominations of socio-natural environment objects on the example of the noun "malachite". The research material was selected from the "Malachite Box" collection; in particular the stories describing methods of malachite mining and processing, professional secrets of malachite masters, legends and folk tales about the secrets of ornamental stone. I helped to recognize "malachite" as a cognitive dominant of Bazhov's idiostyle. By using the Russian National Corpus, there were found 45 word forms of the noun 'malachite' in Bazhov's works. The author presents the results of quantitative analysis and describes the semantics of case forms. It was proved that the most common word forms (nominative, instrumental and dative cases), convey the denotative meaning of the lexeme under study, as it happens in functioning of the language in general). As a result of the linguoculturological analysis of the tales, the connotative meanings of the lexeme 'malachite' were revealed, as well as neologisms, derived in the process of Bazhov's creative linguistic work and reflecting the metaphorical rethinking of the realities of the socio-natural environment. The quantitative and qualitative analysis of the lexeme usage allowed to conclude that 'malachite' in Bazhov's tales is presented as a kind of Urals symbol, associated with the peculiarities of the production activities of this region inhabitants, their way of life, and with the traditional images of the Ural folklore.

Keywords: Pavel Bazhov; cultural codes; author's style; corpus analysis; linguocultural analysis.

Введение. В последние годы в связи с развитием лингвистических наук особое внимание уделяется исследованию различных аспектов функционирования языковых единиц. Одним из приоритетных направлений изучения выступает выявление особенностей индивидуально-авторской картины мира, индивидуально-авторского стиля отдельных писателей в тесной взаимосвязи языка, культуры и ментальности, выявление специфики репрезентации культурных кодов в творчестве писателя. В. Н. Телия определяет культурные коды как вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума [Телия 1996]. Исследование особенностей влияния культурных

факторов на формирование специфики национальных языков подвергалось изучению в трудах таких выдающихся ученых, как Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В. Г. Костомаров, Е. С. Кубрякова, Ю. М. Лотман, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия. В то же время, несмотря на внушительное количество работ, некоторые аспекты взаимосвязи языка и культуры, языка и личности, личности и культуры остаются недостаточно изученными.

К числу аспектов, требующих своего дальнейшего изучения, относится проблема культурных кодов, их влияния на формирование особенностей национальных литератур. Крайне важно отметить, что на сегодняшний день в научной литературе не существует единого подхода к пониманию культурного кода, отсутствует четкое понимание того, каким образом культурные коды воздействуют на формирование индивидуально-авторского стиля писателя и как отражаются в художественном дискурсе. Между тем, изучение отражения культурных кодов в литературных произведениях позволит понять особенности, закономерности развития национальной литературы, языка, прогнозировать возможное развитие литературных процессов, что обуславливает *актуальность выбранной темы исследования.*

В качестве *материала для изучения* были выбраны произведения П. П. Бажова. Обращение к творчеству этого автора было обусловлено тем фактом, что в последние годы творчество Бажова редко подвергается изучению в работах отечественных лингвистов, в результате чего уникальность, своеобразие его индивидуально-авторского стиля остается мало исследованным.

Целью исследования выступает выявление влияния национальных культурных кодов на особенности индивидуально-авторского стиля Бажова (на примере функционирования существительного «малахит»). При выборе материала исследования учитывалась концепция Н. Н. Болдырева, выделившего ряд когнитивных доминант речевого взаимодействия, которые определяют выбор языковых средств. По мнению ученого, «при тематическом принципе формирования дискурса в качестве когнитивной доминанты выступают лексически репрезентированные концепты, которые и передают

тему речевого события» [Болдырев, Григорьева 2018: 16]. Лексема *малахит*, с нашей точки зрения, является когнитивной доминантой индивидуально-авторского стиля Бажова.

В результате применения корпусного и лингвокультурологического анализа представляется возможным изучение употребления существительного «малахит» в индивидуально-авторском стиле Бажова. Лингвокультурологический подход к исследованию языковых единиц, культурно маркированных лексем, широко используется в современных лингвистических работах, например, при анализе номинаций праздников [Дмитриева, Рассадина, Щукина 2020; Дмитриева 2017].

Обзор теоретических источников. Прежде всего, остановимся на определении сущности культурного кода, того, что вкладывают исследователи в данное понятие.

Культурные коды подвергались изучению в работах В. Н. Телии. В работах автора культурные коды понимаются как «те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода “обозначаемыми” собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой “подоснову” культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [Телия 2005: 38]. Автор подчеркивает вторичность культурных кодов по отношению к номинациям объектов социокультурной реальности, код — это не просто название объекта окружающего мира, но понятие, которое имеет дополнительную смысловую нагрузку, сформировавшуюся в результате культурной интерпретации социумом этого объекта или процесса.

В работах Д. Б. Гудкова культурный код понимается как «система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые “прочитываются” в этих знаках» [Гудков 2007: 9]. Иначе говоря, определение подчеркивает, что культурный код выступает не просто номинацией объекта социокультурной окружаю-

щей среды, но несет в себе дополнительную смысловую нагрузку; код — это «имя», обладающее неким культурным смыслом.

Важно добавить, что представленные выше подходы не противоречат друг другу, но акцентируют внимание на различных аспектах исследуемого понятия. Соответственно, под культурным кодом понимается лингвистический знак, выступающий номинацией объекта, процесса, явления социоприродной окружающей среды, но при этом наделенный дополнительными культурными смыслами.

Любой код, наделение знака значимостью, дополнительным содержанием всегда осуществляется в рамках определенной культурной модели, следовательно, код всегда погружен в культурный контекст, функционирует в культуре, которая таким образом может пониматься как «пространство культурных смыслов, прочитывающихся в знаках и кодах» [Сарач 2016: 32]. Культурные коды служат инструментом концептуализации и категоризации всего, что окружает личность, средством систематизации окружающих процессов и явлений по степени их значимости: «код культуры понимается как “сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и “кодируют”» [Красных 2002: 232].

Таким образом, на основании анализа теоретических источников можно сделать вывод, что культурный код представляет собой лингвистический знак, номинацию объекта материальной или духовной культуры, наделенный дополнительными культурными смыслами. Любой культурный код всегда функционирует в рамках определенной культурной модели, соответственно, всегда культурно маркирован. Совокупность культурных кодов организуется в упорядоченную, комплексную иерархизированную систему, формируя смысловое пространство культуры, регулируя жизнедеятельность общества и личности, формируя её ценности, социально одобряемые поведенческие паттерны функционирования.

Результаты исследования. В соответствии с поставленными задачами предполагается анализ

особенностей отражения природных культурных кодов в творчестве Бажова. Ограниченные рамки работы не позволяют охватить номинации всех социоприродных реалий, представленных в творчестве писателя, в статье внимание сосредоточено на изучении особенностей функционирования существительного «малахит».

В словарях *малахит* определяется как «непрозрачный минерал ярко-зелёного цвета, ценный поделочный камень» [Толковый словарь Ожегова]. На территории России крупнейшие залежи малахита находятся на Урале, в результате чего камень стал своеобразным символом региона. Жители Урала с древнейших времен добывают и обрабатывают камень, к которому относились с особой бережливостью, «дабы сохранить некоторые курьёзности на прочих частях его целостности» [Степанов, Жирнов 2012: 371], что привело к появлению определенных видов профессиональной деятельности, нашло свое отражение в ментальности жителей и, безусловно, в индивидуально-авторском стиле Бажова как яркого представителя региона.

Проведение исследования предполагает обращение к корпусному анализу. Для этого использовался Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Национальный корпус русского языка]. НКРЯ дает возможность задать необходимый для исследования подкорпус, используя ряд параметров:

«Основные параметры текста»:

автор текста — Бажов;
пол автора — мужской.

Параметры «Жанр и тип текста»:

художественные тексты;
жанр текста — фантастика, детская;
тип текста — сказ.

В результате был сформирован подкорпус, включающий 53 сказа П.П. Бажова. Далее анализ материала проводился в этом подкорпусе с помощью ввода в поле «Поиск точных форм» различных падежных форм лексемы «малахит». Результаты количественного анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты количественного исследования (численность употребления словоформ существительного «малахит» в сказах Бажова)

Словоформа	Количество
И. п. (кто? что?) <i>малахит</i>	12
Р. п. (кого? чего?) <i>малахита</i>	1
Д. п. (кому? чему?) <i>малахиту</i>	11
В. п. (кого? что?) <i>малахит</i>	7
Тв. п. (кем? чем?) <i>малахитом</i>	13
П. п. (о ком? о чем?) <i>малахите</i>	1

Количественный анализ существительного *малахит* позволяет выделить в качестве наиболее употребительных словоформы творительного, дательного и именительного падежей.

Творительный падеж используется для номинации материала, который применяется при декоративном оформлении дворцового интерьера (в приведенном ниже контексте — это Зимний дворец в Санкт-Петербурге). Существительное *малахитом* фиксирует способ употребления поделочного камня и одновременно указывает на его применение в качестве украшения:

(1) *Стены тоже в рост человека малахитом выложены, а по верхнему карнизу - малахитовый узор (Малахитовая шкатулка)* [Бажов 1976: 67] — в приведённом примере существительное употреблено для изображения пространства, в котором происходят события, описанные в сказе. Малахит здесь не просто материал, при помощи которого украшено помещение, но и символ богатства, роскоши оформления интерьера. Приведем близкие контексты из анализируемого сказа: «*Та самая палата, коя здешним малахитом узукрашена*»; «*Слышала я, будто в царском дворце есть палата, малахитом тятиной добычи обделанная*»; «*Сказано тебе, что в той палате, которая малахитом тятиной работы обделана!*» [Там же: 68, 78, 80].

Употребление существительных в дательном падеже обычно осуществляется с глаголами, отражающими действие по отношению к понятию, выраженному существительным, в данном конкретном случае, по отношению к малахиту, камню, который подвергается обработке в процессе изготовления изделий, например:

(2) *Где тут мастер живет, который по малахиту работает?* (*Железковы покрывшки*) [Бажов 1976: 131] — в данном случае малахит представлен

как материал, который подвергается обработке. Фрагмент отражает также тот факт, что на Урале сформировался специфический вид производственной деятельности — обработка малахита, а также особая профессия — мастер по малахиту, мастер, который занимается обработкой малахита. В сказе «Железковы покрывки» словосочетание «*мастер по малахиту*» используется три раза.

Употребление существительного в именительном падеже чаще всего направлено на репрезентацию, ввод в произведение понятия, выраженного лексемой, например:

(3) *Котора руда железная, которое — просто галька. Ну, и малахит есть (Травяная западенка)* [Бажов 1976: 176] — номинация малахита употребляется в одном контексте с номинациями других природных объектов, что позволяет подчеркнуть природное богатство и разнообразие Урала.

Во всех приведенных примерах лексема употребляется в своём начальном значении для номинации природной руды, поделочного камня, отражения особенностей жизнедеятельности жителей региона, однако под влиянием индивидуально-авторского мировосприятия существительное может приобретать дополнительные коннотации, в частности, становится символом богатства и высокого социального статуса владельца.

В качестве дополнительных примеров расширения семантического значения культурно значимыми коннотациями можно привести следующие:

(4) *Да и малахит-то поделочный, самого высокого сорту (Травяная западенка)* [Бажов 1976: 176] — в данном случае речь идёт о поделочном камне, камне «самого высокого сорту», лексема участвует в формировании терминологической единицы горнодобывающей отрасли для обозначения материала, который в наибольшей степени подходит для обработки и изготовления изделий. Семантика исследуемой лексической единицы, как и других лексем, называющих полезные ископаемые, соотносится, «с горно-геологической наукой, с другой — с особенностями национальной языковой картины мира, отражающей ум и фантазию русского народа, специфику этнически обусловленного взгляда на окружающую действительность» [Потапова 2016: 33].

(5) *Поплакала, глядит — у самой ноги малахит-камень обозначился, только весь в земле сидит (Горный мастер)* [Бажов 1976: 105] — в семантической структуре лексемы уже представлено значение камня (*малахит — камень*), соответственно, в приведённом примере новый композит основывается на семантической тавтологии (*камень — камень*). Лексема является авторским неологизмом, результатом индивидуально-авторского лингвокреативного творчества, направленного на отражение диалектных особенностей уральских говоров, на придание наррации характера «живой» звучащей речи, придание повествованию выразительности, образности. Важно добавить, малахит-камень в сказе Бажова «Горный мастер» представлен как живое существо, «сидящее в земле», то есть осуществляется метафорическое переосмысление реалий социоприродной окружающей среды, что также позволяет повысить образность, экспрессивность наррации. Приведем еще один пример из сказа «Медной горы Хозяйка», который также содержит авторский неологизм: «*Малахит-руду добывали, лазоревку тоже*» [Бажов 1976: 51].

Заключение. На основании применения лингвокультурологического и корпусного анализа к исследованию особенностей творчества Бажова, особенностей влияния культурных кодов на формирование индивидуально-авторского мировосприятия, стиля, а также отражения этого кода в пространстве художественных произведений можно сделать вывод, что существительные-номинации природных объектов в произведениях писателя отражают особенности производственной, профессиональной сферы региона (в данной статье — малахита). Принимая во внимание своеобразие социоприродной среды Урала, вовлеченность жителей региона в процессы добычи и обработки минералов и металлов, можно сделать вывод о том, что номинации природных ресурсов наделяются дополнительными коннотативными, символическими значениями, занимают особое место в мировоззрении, миропонимании жителей региона. В частности, малахит как своеобразный символ региона не только связан с особенностями производственной деятельности жителей региона, но и становится символом высокого социального статуса, богатства своего обладателя.

Номинации малахита в тематическом плане связаны с отражением профессиональной деятельности, добычей и обработкой различных видов малахита, использования его в качестве оформления жилых помещений, в качестве живого существа. В процессе номинации камня Бажов обращается к лингвокреативному творчеству, в результате чего семантическая структура лексемы расширяется, а индивидуально-авторский стиль и национальный язык в целом обогащаются неологизмами. Привлекается семантика падежных форм: в количественном отношении преобладающими словоформами являются словоформы *именительного* (осуществляющего репрезентацию реалии), *творительного* (отражающего операции, действия над материалом) и *дательного* (отражающего воздействие при помощи малахита на социокультурную окружающую среду) падежей. Достаточно часто используется форма именительного падежа, направленная на номинацию минерала, чаще всего в сочетаниях с названиями иных камней, металлов, отражающих природное богатство Урала.

ИСТОЧНИКИ

Бажов П. П. Сочинения в трех томах. Т. 1. Изд-во «Правда», Москва, 1976. 352 с.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 1.05.2020)

Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/102366> (дата обращения: 02.05.2020)

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев, Григорьева 2007 — Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018, (4): 15–24

Гудков, Ковшова 2007 — Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. *Телевизионный код русской культуры: материалы к словарю*. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Дмитриева, Рассадина, Шукина 2020 — Дмитриева М. Н., Рассадина С. А., Шукина Д. А. Лингвокультурологический потенциал лексемы *Рождество* в языковом сознании современной молодежи (на материале ассоциативно-вербального эксперимента). *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2020, (6–1): 46–53.

Дмитриева 2017 — Дмитриева М. Н. Номинация праздника масленица и ассоциативный потенциал лексемы в лингвокультурологическом аспекте. В сб.: *Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. Материалы VI Международной научно-методической конференции*. 2017. С. 152–155.

Красных 2002 — Красных В. В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология*. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Потапова 2016 — Потапова Н. А. Русские пословицы тематической группы «полезные ископаемые» (на материале словарей В. И. Даля, М. А. Рыбниковой и В. И. Зимина). *Мир русского слова*. 2016, (2): 31–36

Сарач 2016 — Сарач Х. *Природно-ландшафтный код культуры (на материале русского и турецкого языков)*. Дисс. канд. филол. наук. Москва, 2016. 211 с.

Степанов, Жирнов 2012 — Степанов С. Ю., Жирнов Ю. В. Новые сведения о «доставлении» в Санкт-Петербургский горный кадетский корпус глыб малахита и корунда и двух наборных образов для кадетской церкви. *Записки Горного Института*. 2012, (196): 368–372.

Телия 1996 — Телия В. Н. *Русская фразеология*. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Телия 2005 — Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений. В сб. *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей*. Вып. 30. М.: МАКС ПИРЕСС, 2005. С. 4–42.

REFERENCES

Болдырев, Григорьева 2007 — Boldyrev N. N., Grigoryeva V. S. Cognitive dominants of speech interaction. In: *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2018, (4): 15–24. (in Russian)

Гудков, Ковшова 2007 — Gudkov D. B., Kovshova M. L. *The corporal code of Russian culture: materials for the dictionary*. Moscow: Gnozis, 2007. (in Russian)

Дмитриева, Рассадина, Рассадина 2020 — Dmitrieva M. N., Rassadina S. A., Shchukina D. A. The linguocultural potential of the lexeme Christmas in the linguistic consciousness of modern youth (based on the associative-verbal experiment). In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*. 2020, (6–1): 46–53. (in Russian)

Дмитриева 2017 — Dmitrieva M. N. Holiday Maslenica nomination and the associative potential of the lexeme in the linguocultural aspect. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniya v tekhnicheskome vuze. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii*. 2017. P. 152–155. (in Russian)

Красных 2002 — Krasnyh V. V. *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology*. Moscow: Gnozis, 2020. (in Russian)

Потапова 2016 — Potapova N. A. Russian proverbs of the thematic group «minerals» (based on materials of the dictionaries of V. I. Dahl, M. A. Rybnikova and V. I. Zimin). In: *Mir russkogo slova*. 2016, (2): 31–36 (in Russian)

Сарач 2016 — Sarach H. *Natural landscape code of culture (based on the Russian and Turkish languages)*. Candidate's thesis, Philology. Moscow, 2016. (in Russian)

Степанов, Жирнов Степанов 2012 — Stepanov S. Yu., Zhironov Yu. V. (2012). New information about the «delivery» of blocks of malachite and corundum and two typesetting images for the cadet church to the St. Petersburg mining cadet corps. In: *Zapiski Gornogo Instituta*. 2012, (196): 368–372. (in Russian)

Телия 1996 — Teliya V. N. *Russian phraseology*. M.: Yazyki russkoj kultury, 1996. 288 p. (in Russian)

Телия 2005 — Teliya V. N. On the phenomenon of reproducibility of linguistic expressions. In: *Yazyk, soznanie, kommunikaciya*. Moscow: MAKS PRESS, 2005. P. 4–42. (in Russian)

О ВОЗМОЖНОМ НЕУЧТЕННОМ ПРЕТЕКСТЕ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ»

ALLA S. STEPANOVA

ON THE POSSIBLE UNKNOWN PRETEXT OF "THE CAPTAIN'S DAUGHTER"

Творчество Ф. В. Булгарина, которое лишь сравнительно недавно стало активно изучаться, включает в себе перспективы для филологических исследований. В частности, исследуются интертекстуальные связи произведений Булгарина и писателей-современников, что дает возможность уточнить его вклад в историю русской литературы, поставить вопрос о его влиянии на литературный процесс. Наше внимание привлекла повесть Булгарина «Бедный Макар» (1825), которая рассматривается в данной статье в качестве возможного претекста такого классического произведения, как роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Этот случай довольно любопытен, поскольку при сопоставлении элементов нарративной структуры двух произведений обнаруживается ряд сходств (совпадения отмечаются на уровне организации повествования, фабулы, отдельных образов и мотивов), тем не менее это не позволяет однозначно решить вопрос об интертекстуальной связи. Дело не только в сложной истории взаимоотношений Пушкина и Булгарина (в свое время Булгарину пришлось оправдываться, будучи обвиненным Пушкиным в плагиате): различие жанрового, смыслового и содержательного потенциала двух произведений также очевидно. Повесть «Бедный Макар» — попытка создания исторического повествования, построенная на соединении разнородных литературных клише (как и «Капитанская дочка»), однако автору не удалось использовать данный прием органично, о чем нагляднее всего свидетельствует нарушенная композиция. В 1830 г. Булгарин без изменений включил повесть в свое собрание сочинений: в ее художественных достоинствах он был уверен.

Ключевые слова: Ф. В. Булгарин; «Бедный Макар»; А. С. Пушкин; «Капитанская дочка»; интертекст.

The author argues that Thaddeus V. Bulgarin's art, which only recently began to be actively studied, is promising for literary research. In particular, the intertextual connections of Bulgarin's works and contemporary writers are investigated; it gives a possibility to clarify his contribution to the history of Russian literature, to raise the question of his influence on the literary process. The article concentrates on Bulgarin's story "Poor Makar" (1825), which is considered to be a possible pretext of such a classic work of Russian literature as the novel "The Captain's Daughter" by A. S. Pushkin. This case is rather curious, since when comparing the elements of the narrative structure of these two works, a number of similarities can be found. The coincidences are noted at the levels of the narration, plot, particular images and motives. Nevertheless, all these similarities do not allow to unambiguously resolve the issue of intertextual connection. The point is not only in the complex history of the relationship between Pushkin and Bulgarin (there was a case, when Bulgarin had to make excuses, being accused by Pushkin of plagiarism), but the difference in the genre, semantics and content of the two works. "Poor Makar", as well as "The Captain's Daughter", is an attempt to create a historical narrative, built on the combination of heterogeneous literary clichés, but Bulgarin, as evidenced by the broken composition, had failed to use this technique organically. In 1830 Bulgarin included the story without changes into his "Collected Works"; it means that he was sure of its artistic merit.

Keywords: Thaddeus V. Bulgarin; "Poor Makar"; A. S. Pushkin; "Captain's Daughter"; intertext.

**Алла Сергеевна
Степанова**

Кандидат филологических наук,
заведующая отделом классической
литературы

► allastepanova@yandex.ru

Издательская группа «Азбука-Аттикус»
Санкт-Петербург, Воскресенская наб., 12

Alla S. Stepanova

Azbooka-Atticus Publishing Group
191 123, St. Petersburg, Voskresenskaja emb., 12

Творческое наследие Ф. В. Булгарина в последнее время все больше привлекает внимание исследователей, но по-прежнему остается недостаточно изученным. К числу наиболее актуальных относится вопрос о месте Булгарина в литературном процессе — о его возможном влиянии на развитие тех или иных тенденций, жанров, тем, сюжетов и т. д., а также об интертекстуальных переключках с писателями первого ряда. Объективно оценить роль Булгарина в истории русской словесности довольно сложно из-за его негативной репутации, — об этом писалось уже неоднократно.

В одной из недавних статей, посвященных Булгарину, речь идет о его повести «Бедный Макар, или Кто за правду горой, тот истый ирой» (1825). По мнению К. А. Баршта, повесть послужила претекстом романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1844–1845, опубл. 1846): именно Булгарин, а не Достоевский стал первым разрабатывать «механизм повествования, основанный на эффекте неумелого, „наивного рассказчика“»; в повести же «Бедный Макар» эта нарративная модель, когда авторское слово передоверено непрофессиональному, простодушному рассказчику, «достигла расцвета» и «оказалась приемлемым подспорьем для начинающего Достоевского. Можно предположить, что Макар из „Бедного Макара“ Ф. В. Булгарина предтеча не только Макара Девушкина, такого же тихого и всеми презираемого домашнего философа, но ряда таких же героев-философов Достоевского в более поздний период творчества» [Баршт 2019: 274, 277–278]. Однако Достоевский переосмысливает счастливый финал в повести Булгарина, отвергая «любимую булгаринскую фавулу о „награждении добродетели“» [Там же: 280].

Идея исследовать влияние нарративных стратегий в произведениях Булгарина на поэтику романа «Бедные люди» представляется нам чрезвычайно перспективной и в будущем заслуживающей рассмотрения. Действительно, экспериментируя с образом рассказчика, он нередко строил повествование от лица кого-то из персонажей, и не только в форме записок, но и в эпистолярном жанре, и можно предположить, что его опыт получил качественно новое продолжение у Достоевского. В отличие от писателей натуральной школы, Булгарин не был сосредоточен на интересе исключительно к городским низам.

В его произведениях рассказчиками могли выступать и бедный чиновник, и подьячий, и провинциалка-дворянка, и гувернер-француз или, например, турецкий философ¹ — словом, герои, занимающие разное положение на социальной лестнице. Тем не менее, в целом стилистически выдержанная, речь ни одного из них не производила того эффекта, которого удалось добиться Достоевскому: повторы, оговорки, самоперебивы и прочие приметы «непрофессионального» письма становятся проявлениями «корчащегося слова с робкой и стыдящейся оглядкой и с приглушенным вызовом» [Бахтин 2019: 310].

На наш взгляд, проецируя находки Булгарина на роман «Бедные люди», следует по крайней мере расширить круг его текстов, в которых повествование строится от первого лица, проанализировать их язык и стиль. Во-первых, герой повести «Бедный Макар» — не «вечный титулярный советник», снижавший популярность в литературе 1830–1840-х гг.: здесь Булгарин обращается к другой исторической эпохе и к другому типу героя. Его Макар окончил кадетский корпус и начал свою карьеру в армии в чине поручика, участвовал в битве при Очакове (1788), затем, выйдя в отставку, стал сотрудником журнала и лишь потом получил место уголовного судьи в провинции, где счастливо женился. Все эти события относятся ко времени правления Екатерины II, которая в финале повести наконец вознаграждает Макара за службу и повышает в чине. Герой вспоминает о своей молодости с высоты прожитых лет, и эта дистанция тоже имеет значение: он уже не «равен» самому себе и не беден, что и заявлено в начале: «Мы живем в век биографий и записок (mémoires), сказал один журналист... В самом деле, ныне не только люди знаменитые, но даже их лакеи и поваренки издают свои записки, а биографическим лексиконам нет конца. <...> Жаль только, что эта мода не существовала тогда, как я был беден: тогда бы я составил из жизни моей по крайней мере несколько томов. Но теперь я богат, толст, в летах, и потому пишу жизнь мою на нескольких страничках, и то в свое собственное удовольствие» [Булгарин 1830: 111–112]². А во-вторых, булгаринского Макара, конечно, трудно назвать непрофессиональным рассказчиком: он человек не только литературно одаренный, но и разбирающийся в литературе, на чем и построен фрагмент

о сотрудничестве в журнале (в отличие от многих, он сумел предвидеть славу Державина и Фонвизина). И даже по приведенной выше цитате можно сказать, что он хорошо знает литературный контекст и понимает, какое место его воспоминания занимают в общей массе изданий.

Наше внимание повесть Булгарина привлекла в связи с другим классическим произведением русской литературы — «Капитанской дочкой» А.С. Пушкина (1836). Итак, мы уже отметили, что основные события повести «Бедный Макар» разворачиваются в конце XVIII в.; повествование идет от первого лица, но рассказчик вспоминает о событиях своей молодости, — таким образом возникает эффект повествовательной «рамки», у героя есть возможность осмыслить прошлое, дистанцироваться от него. Помимо этого, есть и более существенные совпадения, сближающие повесть «Бедный Макар» и «Капитанскую дочку»: и у Булгарина, и у Пушкина сюжет основан на нравственном выборе, который приходится совершать герою. Булгаринский Макар неоднократно выполняет наставление отца «Говори правду, всегда и везде». Петруша Гринев у Пушкина тоже следует отеческому наставлению «...береги платье снову, а честь смолоду» [Пушкин 1978: 262]³, частично эта пословица вынесена в эпиграф («Береги честь смолоду»). Обозначив нравственную коллизию, и Булгарин, и Пушкин проводят своих героев через серию испытаний, которые те достойно выдерживают. В финале «Бедного Макара», как и в «Капитанской дочке», появляется Екатерина II, вершительница справедливости, и герой счастливо женится.

Кстати, в обоих произведениях понятия «правда» и «честь» оказываются близкими, тесно взаимосвязанными. Так, Петруша Гринев, всякий раз, когда решается его участь, говорит правду (перед Пугачевым или перед судьями): «Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебе судья; а я сказал тебе правду»; «Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решил перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надежным». Макар ради правды готов отказаться от выгоды и личного

счастья: «То, что вы мне предлагаете, я готов купить ценою моей жизни — но не чести».

Можно заметить и сходство отдельных образов и деталей. Например, отец болгаринского Макара «был капитаном в гренадерском полку во время Турецкой войны, конченной со славою надначальством Румянцева-Задунайского», но, получив серьезные ранения, вышел в отставку с повышением чина; отец Гринева «в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17... году». Слуга Филипов, которого отец Макара ласково называет Филипычем, беззаветной преданностью своим господам напоминает Савельича — слугу Петруши Гринева. Жилище отца Макара и капитана Миронова украшают изображения битв, в которых им доводилось участвовать: «...над софюю... приклеен был эстамп, признаться, очень дурной гравировки, изображающий Кагульскую битву, а внизу портрет фельдмаршала Румянцева, в черных деревянных рамках без стекла» («Бедный Макар»); «...на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова...» («Капитанская дочка»). Маша Миронова вручает Гриневу шпагу; при известии о награждении Макара государыней, его невеста «сама привязала кресты» к его мундиру. У Булгарина государыня благодетельствовала бедного сироту Макара, не только наградив его орденами, но и пожаловав «повышением чина и прибавкою двойного жалованья»; в «Капитанской дочке» она «устраивает состояние» бедной сироты Маши Мироновой.

Интересен и культурный фон, отчасти совпадающий в двух произведениях. В этой связи ограничимся следующими наблюдениями. 1) «Охота к литературе» пробудилась и в Петруше Гриневе, скучающем в Белогорской крепости: «Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны», — оценивает свое творчество герой, ссылаясь на мнение Сумарокова; болгаринский же Макар явно невысокого мнения и о Сумарокове, и о Хераскове («Публика наша еще была неопытна в суждениях: Сумарокова ставили наравне с Ломоносовым, поэмы Хераскова почитали выше „Илиады“...»), пушкинский издатель использовал отсылки к их творчеству в эпиграфах⁴. 2) Кроме светской литературы, и Булгарин, и Пуш-

кин привлекают фольклорный материал. В повести Булгарина это солдатская песня «Наши в поле не робеют...»⁵ и получившая широкое распространение «солдатская» песня «Мы тебя любим сердечно...» из комической оперы М. М. Хераскова «Добрые солдаты»⁶, — их поет отставной солдат Филипов. В «Капитанской дочке» Пушкина, в значительно большей мере ориентированной на фольклорный контекст, два эпиграфа отмечены как солдатские песни. 3) Макар, всегда и везде говорящий правду, вынужден оставить журнальную деятельность: «Меня огласили литературным еретиком»; занятия литературой приводят Петрушу Гринева к конфликту со Швабриным, и комендант крепости «дружески советовал... оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее».

В подобных случаях, когда фабулы двух произведений поддаются «совместному пересказу» [Степанов 2017: 304–318], а сходство тех или иных деталей поддерживает гипотезу об интертекстуальной связи, неизбежно возникает вопрос о знакомстве автора произведения, написанного или опубликованного позднее, с произведением, созданным раньше по времени. Прямыми свидетельствами о знакомстве Пушкина с повестью «Бедный Макар» мы не располагаем. Тем не менее известно, что Пушкин читал сочинения Булгарина и выступал с их критикой. В личной библиотеке поэта был номер журнала «Северный архив» (1825. № 23. С. 277–305) с первой публикацией повести «Бедный Макар» [Модзалевский 1910: 134] (позднее, при жизни Пушкина, Булгарин включил ее в свое собрание сочинений 1830 г.), — для нас это служит косвенным подтверждением того, что Пушкин мог ее читать, но решающего значения не имеет. И потому характер интертекстуальной связи нуждается в уточнении.

В повести «Бедный Макар» выявляются те же нарративные стратегии, которые действуют в «Капитанской дочке» и которые становились предметом ряда исследований. В первую очередь это облаченное в мемуарную форму построение сюжета по модели волшебной сказки. Элементы волшебного-сказочного сюжета в «Капитанской дочке» были подробно рассмотрены И. П. Смирновым [Смирнов 1972: 284–320] — отеческий наказ (запрет), отъезд из дома, серия испытаний, волшебные помощни-

ки, антагонисты, завоевание невесты; они присутствуют и в сюжете «Бедного Макара». Однако если у Пушкина сказочная структура «обнажена» (например, правдивые ответы Гринева вознаграждаются Пугачевым), то у Булгарина вплоть до последнего испытания героя сохраняется эффект жизненности: говоря правду, Макар каждый раз действует себе во вред, и только в финале эта установившаяся закономерность нарушается.

Нельзя не заметить и разницу в масштабе изображаемых событий. В «Капитанской дочке» судьба конкретного человека включается в широкое историческое повествование, в «Бедном Макаре» речь идет всего лишь о череде бытовых эпизодов с участием главного героя. У Пушкина испытания героя находятся в тесной событийной связи друг с другом, у Булгарина это самостоятельные эпизоды, объединенные общей темой (правдивому человеку в жизни приходится нелегко): неудачи преследуют героя и в кадетском корпусе, и на войне, и на литературном поприще, и на штатской службе, и среди них нельзя выделить более значимое или ключевое событие. Кроме того, нравственный выбор булгаринского героя ни в одном из эпизодов не связан с ситуацией, когда он оказался бы между жизнью и смертью.

Таким образом, завязка и развязка «Бедного Макара» и «Капитанской дочки» действительно обнаруживают сходство (отставной офицер дает сыну наказ, представляющий собой моральную сентенцию; подобно *deus ex machina* появляется Екатерина II, и все заканчивается свадьбой), однако центральные эпизоды (или испытания) получают совершенно иное содержательное наполнение.

Автор «Бедного Макара», хотя и использовал исторический контекст, далек от интерпретации исторических событий, от их концептуального осмысления. И даже Очаковская битва (как и восстание Пугачева, важное событие истории) остается только поводом для воспоминаний о жизненных неудачах: «Не стану распространяться в описании различных случаев этой кампании, доставивших мне три раны, любовь солдат, уважение товарищей и собственную уверенность, что я исполнил долг свой, как следует русскому воину. Но награды пролетели мимо, вместе с теми пулями, которые в меня не попали». Очевидно, что Булгарин при-

держивается традиции дидактической повести, тогда как Пушкин в «Капитанской дочке» ориентируется на исторические романы Вальтера Скотта и создает «лучший русский вальтерскоттовский роман» [Альтшуллер 1996: 205].

Данное положение, в частности, подтверждает и ослабленная любовная линия в повести Булгарина, относящаяся только к последнему эпизоду, — в романах Скотта, напротив, любовь играет «определяющую роль», «она организует действие» [Там же: 16]. Испытание герою, теперь служащему в суде провинциального города, устраивает отец богатой невесты. В результате Макар женится на ней, как неожиданно выясняется, по большой любви: «Знайте же, сударь, что я люблю дочь вашу, люблю более моей жизни, но не променяю на нее моей чести и моего долга!» (для Гринева такого противопоставления — чести и любви — не существует).

Однако обращает на себя внимание довольно развернутая первая часть болгаринской повести, где речь идет о детстве героя, — и не только по сравнению с «Капитанской дочкой»: разница в темпе повествования ощущается внутри самой повести, ее неспешное начало заметно отличается от неожиданного финала. Но рассказчика эта явная композиционная диспропорция как будто не смущает: «Теперь одним скачком перейду к развязке». Возможно, Булгарин таким образом надеялся преодолеть строгую линейность повествования, разбив сюжет на отдельные эпизоды, постепенно ускоряя темп и изменив следование логике жизни на следование логике сказки. (Композиция «Капитанской дочки», по замечанию Ю. М. Лотмана, построена на симметрии эпизодов [Лотман 1995: 220].) А возможно, начало повести следует отнести к попытке создания исторического романа, который Булгарину удастся чуть позже (в 1829 г. будет написан «Димитрий Самозванец», в 1833–1834 гг. — «Мазепа»). Во всяком случае, такая заявка ощущается в начале повести: «...тогда бы я составил из жизни моей по крайней мере несколько томов» [Булгарин 1830: 112].

Интересно, что своего героя Булгарин наделяет автобиографическими чертами. Например, можно провести параллели между первой частью повести и соответствующими местами из его «Воспоминаний». Так, для отца Булгарина разлука с сыном, от-

данным (как и Макар) учиться в кадетский корпус, также оказалась губительной «и ускорила его кончину» [Булгарин 1846: 256]. И конечно, слова Макара о себе: «Меня огласили литературным еретиком, беспокойным, злым человеком, начали доказывать, что я не имею права судить о русской словесности, потому что моя бабушка родилась в трех верстах от прусской границы (а прадед воспитывался в Германии)» — можно напрямую отнести к самому автору. Здесь нет места иронии и самоиронии, присущих пушкинскому рассказчику.

Если записки пушкинского героя «предназначены только для собственной семьи и повествование приобретает тонкий, но ощутимый оттенок исповедальной непосредственности» [Маркович 2011: 32–33], то герой Булгарина пишет для печати, лиричность фрагмента, посвященного детству, сменяется открытой назидательностью и ура-патриотичностью финала.

Как бы то ни было, болгаринский текст не одномерен, в нем наблюдается попытка соединения разнородных жанрово-стилевых элементов, пусть и весьма далекая от пушкинских решений в «Капитанской дочке», где этот принцип позволил расширить смысловой потенциал повествования. Однако эта попытка могла привлечь внимание Пушкина как пример использования различных сюжетных клише, к которым он сам активно прибегал.

Итак, наличие общей фабульной схемы, схожесть нарративных стратегий, с одной стороны, позволяют выдвинуть предположение об интертекстуальной связи двух произведений. С другой стороны, «основной» сюжет материала для сопоставления не дает, за исключением некоторых любопытных деталей — и тут можно поставить вопрос об их репрезентативности для исторической прозы, но для ответа на него требуется самостоятельное исследование. Если же принять версию о том, что Пушкин был знаком с «Бедным Макаром» Булгарина, тогда нужно включить это сочинение в круг претекстов «Капитанской дочки» и говорить о заимствовании и трансформации мотивов и образов нравоучительной повести в пушкинском семейно-историческом романе, их переосмыслении и т. д. Однако сложная история взаимоотношений двух авторов, и в том числе прозвучавшие со стороны Пушкина

в адрес Булгарина обвинения в плагиате, заставляет отнестись к этой версии с большой осторожностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, «Отрывки из тайных записок станционного смотрителя на Петербургском тракте» (1831), «Ах, что ныне за время! (Письмо подьячего Задушатина из столицы к сердечному другу Цаццарапкину в провинцию)» (1827), «Письма провинциалки из столицы» (1830), «Отрывки из записок французского гувернера, находившегося в России» (1823), «Письмо турецкого философа Бубудулу-эфенди к приятелю своему Тютюнджи-эфенди из Европы в Смирну» (1832) и др.

² Здесь и далее цит. по: [Булгарин 1830: 111–144]. В свою очередь повесть Булгарина могла быть своеобразной репликой на комедию в одном действии П.Л. Яковлева «Бедный Макар» (1820), в которой изданные записки «какого-то старого подагрика, на шестидесятом году сделавшегося автором» [Яковлев 1820: 236], доставляют героям немало хлопот.

³ Здесь и далее цит. по: [Пушкин 1978: 258–370].

⁴ Эпиграф, приписанный Сумарокову, сочинен Пушкиным [Томашевский 1978: 539].

⁵ См. полный текст и комментарии: [Русская песня 2017: 593].

⁶ В опере песню исполняет хор солдат. См.: [Херасков 1782: 20].

ИСТОЧНИКИ

Булгарин Ф.В. Сочинения. Ч. V. Изд. 2-е, испр. СПб.: Типогр. А. Смирдина, 1830.

Булгарин Ф.В. Воспоминания. Ч. 1. СПб.: Изд. М. Д. Олехина, 1846.

Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978.

Херасков М. Добрые солдаты. Опера комическая. Изд. 2-е. М.: Университет. типогр., у Н. Новикова, 1782.

[Яковлев] П.Л. Бедный Макар. Комедия в одном действии // Благонамеренный. 1820. № 16. С. 230–244.

ЛИТЕРАТУРА

Альтшуллер 1996 — Альтшуллер М.Г. *Эпоха Вальтера Скотта в России: Исторический роман 1830-х годов*. СПб.: Академический проект, 1996.

Баршт 2019 — Баршт К.А. О двух Макарах. Повествование в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» и модель «простоты в происшествиях и рассказе» Ф.В. Булгарина. В кн.: Баршт К.А. *Достоевский: Этимология повествования*. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 269–282.

Бахтин 1995 — Бахтин М.М. *Проблемы творчества Достоевского*. СПб.: Азбука, 2019.

Лотман 1995 — Лотман Ю.М. Идеальная структура «Капитанской дочки». В кн.: Лотман Ю.М. *Пушкин*. СПб.: Искусство-СПб, 1995.

Маркович 2011 — Маркович В.М. История и современность в прозе Пушкина. В кн.: Пушкин А.С. *Повести Белкина*. СПб.: Азбука, 2011. С. 5–48.

Модзалевский 1910 — Модзалевский Б.Л. *Библиотека А.С. Пушкина: Библиографическое описание*. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1910.

Соболева Михайлова 2017 — *Русская песня и европейский роман в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох*. Соболева Л.С., Михайлова О.А. (сост.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017.

Смирнов 1972 — Смирнов И.П. От сказки к роману. В сб.: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л.: Наука, 1972, (27): 284–320.

Степанов 2017 — Степанов А.Д. «Спящая красавица» сегодня: к вопросу о границах интертекстуального и мифопоэтического подходов. В кн.: *Die Welt der Slaven*. 2017. Jahrgang (2): 304–318.

Томашевский 1978 — Томашевский Б.В. Примечания. В кн.: Пушкин А.С. *Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 511–559*.

REFERENCES

Альтшуллер 1996 — Altshuller M.G. *Walter Scott's Epoch in Russia: Historical Novel of the 1830s*. St. Petersburg, 1996. (in Russian).

Баршт 2019 — Barsht K.A. On two Makars. Narration in the Novel “Poor People” by F. M. Dostoevsky and the Model of “Simplicity in Incidents and Stories” by Th. V. Bulgarin. In: Barsht K.A. *Dostoevskij: Etimologiya povestvovaniya*. St. Petersburg, 2019. P. 269–282. (in Russian).

Бахтин 1995 — Bakhtin M.M. *Problems of Dostoyevsky's Poetics*. St. Petersburg, 2019. (in Russian).

Лотман 1995 — Lotman Yu.M. The Ideological Structure of “The Captain's Daughter”. In: Lotman Yu.M. *Pushkin*. St. Petersburg, 1995. (in Russian).

Маркович 2011 — Markovich V.M. History and Modernity in Pushkin's Prose. In: Pushkin A.S. *Povesti Belkina*. St. Petersburg, 2011. P. 5–48. (in Russian).

Модзалевский 1910 — Modzalevskij B. L. *Biiblioteka A. S. Pushkina: Bibliograficheskoe opisanie*. SPb.: Tipogr. Imp. AN, 1910.

Соболева Михайлова 2017 — *Russian Song and European Lyrical Song in the Manuscript Collection of the Early 19th century: the Emotional Culture at the Turn of Epochs*. L.S. Soboleva, O.A. Mikhailova (comp.). Ekaterinburg, 2017. (in Russian).

Смирнов 1972 — Smirnov I.P. From Fair-tale to Novel. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, 1972, (27): 284–320. (in Russian).

Степанов 2017 — Stepanov A.D. “Sleeping Beauty” Today: the Question of the Boundaries of Intertextual and Mythopoetic Approaches. In: *Die Welt der Slaven* 2017. 62, (2): 304–318. (in Russian).

Томашевский 1978 — Tomashevskiy B. V. Notes. In: Pushkin A.S. *Sobr. soch.* In 10 vol., vol. 6. Leningrad, 1978. P. 511–559. (in Russian).

ПОЭТИКА АПОКАЛИПСИСА: И. А. БУНИН «ОКАЯННЫЕ ДНИ»

TATYANA V. SAFONOVA

POETICS OF THE APOCALYPSE: "CURSED DAYS" BY IVAN BUNIN

В настоящее время к числу малоизученных произведений можно отнести дневниковые записи И. А. Бунина «Окаянные дни», что определяет актуальность поставленной нами проблемы — исследование языковых особенностей данного произведения. Обращаясь к революционной эпохе, писатель трактует все происходящее как гибель Русской земли. Для реализации собственного замысла И. А. Бунин в своем дневнике неоднократно обращается к сюжетам и мотивам книги Нового Завета «Откровение Иоанна Богослова», более известной как «Апокалипсис». Устойчивая смысловая связь реализуется на языковом уровне, что позволяет говорить о «поэтике апокалипсиса» — определенной системе языковых единиц, способствующих воплощению отмеченной параллели.

Как показали наши наблюдения, одним из самых ярких способов связи авторского текста с текстом Священного писания является цитирование. Помимо роли авторских отступлений, передающих чувства писателя, его сугубо индивидуальное отношение к революционным событиям, цитаты выполняют еще одну важную функцию — являются смысловой основой для реализации более сложных имплицитных механизмов взаимодействия авторского нарратива и библейского текста. По результатам исследования, наиболее частотны в этом отношении синонимические и ассоциативные связи слов, использование единиц одной тематической группы, метафорические переносы.

Ключевые слова: поэтика Апокалипсиса, прецедентный текст, аллюзия, метафора, языковая единица.

The author argues that the diary entries “Cursed Days” by Ivan Bunin remain nowadays among the little-studied works, and it determines the relevance of the article’s task: to study the linguistic features of this work. While interpreting the revolutionary era, the writer interprets everything that happens as the death of the Russian land. To implement his plan, Bunin repeatedly refers in his diary to the plots and motives of the New Testament’s “The Revelation to St. John the Evangelist”, better known as “Apocalypse”. A stable semantic connection is realized at the linguistic level, which allows to speak about the “poetics of the Apocalypse”, which is a certain system of linguistic units embodying this parallel. As author’s observations have shown, one of the leading ways of connecting the “Cursed Days” with the text of Scripture is quotation. The quotes play, firstly, the role of digressions, conveying Bunin’s feelings and his individual attitude to revolutionary events, and secondly, play a role of the semantic basis for the implementation of more complex implicit mechanisms of the interaction between the writer’s narrative and the biblical text. According to the research results, the most frequent in this respect are synonymous and associative connections of words, the use of the units of the same thematic group, and metaphorical transfers.

Keywords: Ivan A. Bunin; “Cursed Days”; Apocalypse; citation.

**Татьяна Владимировна
Сафонова**

Кандидат филологических наук, доцент

► safonova76@mail.ru

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого,
кафедра русского языка и литературы
300026 г. Тула, пр. Ленина, д. 125

Tatyana V. Safonova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
300026, Tula, 125 Lenin Avenue

Революция, повлекшая за собой коренную ломку всех устоев жизни русского общества, на долгие годы вошла в русскую литературу как одна из основных тем. В произведениях писателей начала XX века революционное время получило неоднозначную интерпретацию. Кто-то увидел в этой стихии очищающую силу, способствующую рождению нового человека и новой страны с совершенно иной историей и культурой: «Акт революции двойственен: он — насильственен, он — свободен; он есть смерть старых форм; он — рождение новых; но эти два проявления — две ветви единого корня <...>. Революционные силы суть струи артезианских источников; сначала источник бьет грязью; и — косность земная взлетает в струе; но струя очищается; революционное очищение — организация хаоса в гибкость движения новорожденных форм» [Белый 1994: 220]. Кто-то воспринял революцию не просто как крушение старого мира, а как гибель ее первоосновы — вековой культуры, веры, национального самосознания: «Вожди слепые, что вы наделали? Кровь, пролитая на братских полях, обеспогодила сердце человеческое, а вы душу вынули из народа русского.

И вот слышу обезьяний гик. Русь моя, ты горюшь! Русь моя, ты упала, не поднять тебя, не подымешься!» [Ремизов 2000: 405-406]. Определяющей чертой многих произведений данного периода становится устойчивая связь темы революции с архетипическими представлениями о конце света (см., напр.: А. Ремизов «Взвихренная Русь», М. Волошин «Россия распятая», И. Шмелев «Солнце мертвых», В. Розанов «Апокалипсис нашего времени», З. Гиппиус «Петербургский дневник» и др.). Эта идея воплотилась в произведениях в конкретных сюжетах и образах, что позволяет говорить о «поэтике апокалипсиса» — определенной системе языковых единиц, способствующих реализации отмеченной параллели (см. также А. Ш. Бик-Булатов 2015).

Метафора «гибели русской земли» является сюжетообразующей в одном из самых сложных и неоднозначно трактуемых произведений И. А. Бунина — дневниковых записях «Окаянные дни». По идеологическим причинам произведе-

ние долгое время оценивалось исключительно отрицательно и не подвергалось исследованию ни со стороны литературоведов, ни лингвистов. Вместе с тем еще в 30-ые годы М. А. Алданов отметил высокую художественную значимость дневника И. А. Бунина: «Ни к «Окаянным дням», ни тем более к «Серпу и молоту», не должно подходить как к книгам чисто политическим. Это ведь художественные произведения, и есть в обеих книгах страницы, которые могут сравниться с лучшим из всего, что написано Буниным. Но в «Окаянных днях» сокровища изобразительного искусства рассыпаны в самых злых и резких главах» [Алданов 1935: 472]. В настоящее время исследователи творчества И. А. Бунина так же указывают на уникальную художественную форму «Окаянных дней»: «Из лихорадочного, страстного потока слов, срывающихся с языка без раздумий, без всякой подготовки, с ходу, из криков ужаса, охватившего Бунина при виде того, что происходило <...>, из бури бунинских эмоций, едва успевших облечься то в блестящие импровизации, то в схваченные на лету выразительные зарисовки уличных картин и персонажей, а то в неточные и «страшные слова», неумеренные выражения, поспешные оценки <...>, перед глазами встает фигура буквально погибающего от возмущения и бешенства человека — фигура живописная и трагическая <...>, одержимо утверждающая свою правду и готовая ради нее идти своим путем до конца, хоть на дыбу, хоть на крест» [Ильинский 2010]. Не случайно, что для изображения столь трагичных моментов в истории России И. А. Бунин неоднократно обращается именно к библейским мотивам.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что И. А. Бунин нередко прибегает к цитированию фрагментов Священного писания. При этом, как правило, данные прецедентные тексты практически не сопровождаются авторскими комментариями, какими-либо пояснениями, связывающими их с основным повествованием. На первый взгляд, они кажутся относительно самостоятельными частями, выполняющими лишь функцию авторских отступлений для выражения сиюминутных ощущений рассказчика. Однако взаимодействие библейского дискурса, отдельных

композиционных элементов дневника и авторского нарратива в общем оказывается более сложным и глубоким благодаря наличию различного рода языковых механизмов, связывающих в единое целое, казалось бы, разнородные в событийном плане фрагменты. Такая связь может осуществляться посредством ключевых лексем библейского текста, повтор которых, их производных, а также синонимичных слов автор использует, рассказывая о революционных событиях: «Мир, мир, а мира нет. Между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей. И народ Мой любит это. Слушай, земля: вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их». Это из Иеремии, — все утро читал Библию. Изумительно. И особенно слов: «И народ Мой любит это... вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их» [Бунин 2018: 13].

Устаревшее «пагуба» трактуется как 'погибель, гибель, вред' [Ожегов 2018: 733]. У И. А. Бунина встречаем следующие употребления единиц, семантически близких лексеме «пагуба»: «Уже три недели со дня нашей **погибели**»; «Нет, вы не волнуйтесь, Россия **погибнуть** не может уж хотя бы по одному тому, что Европа этого не допустит»; «Потом смотрели старинные книги, — какие виныетки, заглавные буквы! И все это уже навеки **погибший** золотой век»; «Н.Н. говорила, что все **пропало**, что Россия летит в **пропасть**»; «Куда ж нам теперь деваться. **Пропаля** Россия, на тридцать лет, говорят, **пропала!**» [Бунин 2018]. Здесь «пропасть» значит 'погибнуть'. Таким образом, можно установить связь между библейской историей о бедах, посланных народу Иудеи за грехи, и событиями, описываемыми И. А. Буниным в дневнике.

В свою очередь, «погибнуть» употребляется и в значении 'умереть'. «Мертвый», «смерть», «умирать» — одни из самых частотных слов в дневнике писателя, напр.: «**Мертвый** пустой порт, **мертвый**, загаженный город... <...> Перед тем как проснуться нынче утром, видел, что кто-то **умирает**, **умер**. Очень часто теперь вижу во сне **смерти** — **умирает** кто-нибудь из друзей, близких, родных, особенно часто брат Юлий»; «Ах, эти сны

про смерть! Какое громадное место занимает **смерть** в нашем и без того крохотном существовании! А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живем **в оргии смерти**» [Бунин 2018: 35-36]. Абстрактная идея всеобщей гибели, краха мира как наказания переводится в план физической смерти человека — глубоко личное, на наш взгляд, усиливает трагичность повествования в целом.

Развернутая метафора библейского текста «сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей» связана с рядом прямых номинаций тематического поля «ложь — обман», используемых на протяжении всех записей. Напр.: «**Слухи** о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас»; «Во всем **игра, балаган, «высокий» стиль, напыщенная ложь**» [Бунин 2018: 13]; «Читали статейку Ленина, ничтожная и **журническая** — то интернационал, то «русский национальный подъем!» [Бунин 2018: 25]; «Завтра декрет о денационализации банков, думаю, что опять-таки это все сами большевики нас **дурачат**» [Бунин 2018: 25]; «Читал новый рассказ Тренева («Батраки»), отвратительно. Что-то, как всегда теперь, **насквозь лживое**» [Бунин 2018: 28]; «Где у некоторых большевиков кончается самое **подлое** издевательство над чернью, самая **гнусная купля** ее душ и утроб» [Бунин 2018: 41]; «**Лжи** столько, что задохнуться можно. Все друзья, все знакомые, о которых прежде и подумать не смел как о **лгунах**, **лгут** теперь на каждом шагу. Ни единая душа не может не **солгать**, не может не прибавить к своей **лжи**» [Бунин 2018: 45]. Нередко употребляются конструкции с вводным «говорят», что так же заставляет сомневаться в достоверности информации: «Он и Ленин-то, говорят, не настоящий — этого давно убили. Настоящего-то»; «Говорят, что Москва будет во власти немцев семнадцатого марта» [Бунин 2018: 23-26]. Повтор частиц «будто», «будто бы» в пределах одной или близких синтагм подчеркивает идею повсеместно царящего обмана: «Про анархистов: необыкновенно будто бы веселье и любезные люди»; «Очень многие всегда делают вид, что будто имеют такие сведения, которых ни у кого нет»; «В кофейне Филиппова видели будто бы Адрианова, бывшего

московского градоначальника. Он будто бы один из главнейших тайных советников «Совета рабочих депутатов» [Бунин 2018: 23].

Метафора, организующим центром которой становятся библейские образы, позволяет И. А. Бунину высказать свои сомнения по поводу правдивости ключевых символов революции: «Да и сатана каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода» [Бунин 2018: 36]. А в сочетании с контекстуальными антонимами «злоба», «кровожадность», «самоуправство» слова «братство», «равенство», «свобода» окончательно утрачивают свой первоначальный смысл и положительную оценку.

Особое значение в контексте происходящего приобретает фраза «И народ мой любит это», значение которой уточняется И. А. Буниным при характеристике современников: «А кругом нечто поразительное: почти все почему-то веселы — кого не встретишь на улице, просто сияние от лица исходит»; «Бодро, с веселой нежностью (от сожаления ко мне, глупому) тиснет рукой и бежит дальше» [Бунин 2018: 7]; «И начал Маяковский с того, что без всякого приглашения подошел к нам <...>, стал есть с наших тарелок и пить из наших бокалов<...>, Горький хохотал <...>, все ни с того ни с сего заорали и себе <...>, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать»; «а по мосту идут женщины, тогда весь отряд вдруг останавливается и с хохотом мочится»; «огромный грязный пустырь возле вокзала, где народ, визг, гогот, качели и карусели» [Бунин 2018: 60]. Глагол «любить» — ‘быть довольным чем-н., испытывать чувство удовлетворения’ [Ожегов, 2018: 504] — в сочетании «любить это» у И. А. Бунина поясняется словами «веселы», «веселая», «хохотать», «сияние», «хохот», при этом грубопросторечные слова с высокой степенью проявления действия и негативной оценкой «визжать», «выть», «хрюкать», «гогот» не просто передают состояние человека в минуты удовольствия, радости, а, скорее, уже характеризуют крайнюю степень разгула, безудержности, буйства, бесноватости, что назовет писатель «русской вакханалией».

Используемое И. А. Буниным выражение «Утешься ради скорби Иерусалима!» [Бунин 2018: 40] заставляет читателя обратиться к «Книге Ездры» Ветхого завета: «Утешься ради скорби Иерусалима. Ибо ты видишь, что святилище наше опустошено, алтарь наш ниспровергнут, храм наш разрушен, псалтирь наш уничтожен, песни наши умолкли, радость наша исчезла, свет светильник нашего угас, ковчег завета нашего расхищен, святое наше осквернено, и имя, которое наречено на нас, едва ли не поругано» [Ездра 10: 21]. Смысловая связь библейского текста и дневниковых записей И. А. Бунина так же легко устанавливается благодаря ряду языковых соответствий. Напр.: «А у белых, у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, — эксцессов, конечно, быть не должно» [Бунин 2018: 55]. Помимо семантической близости — в данном случае синонимии слов «опустошен», «разрушен», «ниспровергнут», «уничтожен» и «отнято», «поругано», «изнасиловано», «убито», следует отметить и сходство в синтаксических конструкциях. И. А. Бунин так же использует градацию, в основе — перечисление причастных форм, безличность которых при отсутствии косвенного субъекта действия позволяет оценивать все происходящее безотносительно какого-то конкретного лица, а исключительно в масштабах стихии. Перечисление субстантивов в сложной конструкции библейского изречения («святилище», «храм», «алтарь», «псалтирь», «ковчег») ассоциативно связано с аналогичным перечислением номинативов у И. А. Бунина («родина», «колыбели», «могилы», «матери», «отцы», «сестры»). Данная параллель позволяет осмыслить глубоко личное, авторское в контексте всеобъемлющего, всенародного горя.

Нередко автор избегает прямой цитации библейского текста и использует синонимические замены, напр.: «Святейшее из званий, звание **«человек»**, опозорено как никогда. Опозорен и русский человек...» [Бунин 2018: 85]. Ср. из «Книги Ездры»: «и **имя**, которое наречено на нас, едва ли не **поругано**» [Ездра 10:21]. Это позволяет автору уйти от излишней дидактичности и, напротив, придать повествованию больше экспрессии. Этой

же цели служит прием компрессии — сжатия прецедентных фрагментов, напр.: «*Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь — все погибло. Сожрали тощие коровы фараоновых тучных и не только не потучнели, но и сами околевают!*» [Бунин 2018: 108]. Ср.: «*Прошло два года, и фараону приснился сон: будто бы стоит он над Нилом, а из Нила выходят семь коров. Красивые, упитанные, они пасутся в прибрежных зарослях. Следом выходят из Нила другие семь коров, хилые и тощие, становятся с ними рядом — и вот, эти хилые и тощие коровы съедают коров красивых и упитанных!*» [Бытие 41:3]. Оценочный потенциал фразы у И. А. Бунина усиливается за счет ее распространения грубо-просторечным «око-леть» — ‘умереть, издохнуть (о человеке пренебр.)’ [Ожегов 2018: 675].

Использует автор в своем дневнике и устойчивую оппозицию Бог — Дьявол: «*Бог и Дьявол поминутно сменяются на Руси*» [Бунин 2018:113]. При этом репрезентанты семантического поля «Дьявол» в тексте распространены в большей степени. Прежде всего, это непосредственное употребление собственно лексем «дьявол» и «сатана», а также их производных, напр.: «*сатана каиновой злобы*», «*дьявольский мрак*», «*вырвался сам дьявол*», «*дьявольски однообразны эти клоунские выходки*», «*дьявольское однообразие приемов*», «*верят в дьявола*», «*дьявол, нечто дьявольское*» и др. Отмечается также активность лексемы «черт» в ее самостоятельном употреблении или в составе фразеологизмов, напр.: «*творится черт знает что*», «*связал меня черт*», «*черт ногу сломит*», «*да черт... чертом представляется, козлекает*», «*сам черт не найдет*», «*черт знает*», «*черт с ними*».

Семантическое поле «Бог» представлено в тексте дневника более разнообразно, однако единицы данной группы менее частотны, напр.: «*как Бог на душу положит*», «*О, Боже мой, Боже мой!*», «*по приказу самого Архангела Михаила не приму большевистского правописания*», «*распять Христа*».

Устойчивые языковые связи ядерных лексем отмеченной оппозиции с другими единица-

ми на основе синонимии, ассоциаций, образной и тематической близости позволяют И. А. Бунину в рамках данного контраста охарактеризовать современников, время и место событий.

Всех героев эпохи писатель делит на людей прошлого и людей нового времени. И если в портретных зарисовках первых преобладают единицы с положительной оценкой, то основой для портретов лиц революции становятся слова и обороты с отрицательной коннотацией. Напр.: «*А среди прочих, сидящих и стоящих, возвышаясь над всеми на целую голову, стоит великан военный в великолепной серой шинели, туго перетянутой хорошим ремнем, в серой круглой военной шапке, как носил Александр Третий. Весь крупен, породист, блестящая коричневая борода лопатой, в руке в перчатке держит Евангелие. Совершенно чужой всем, последний могокан*» [Бунин 2018: 21]. Особая смысловая нагрузка здесь приходится на слова и сочетания «чужой всем», «последний могокан», «Евангелие» как единственное, что дает силы и сохраняет веру, и «возвышаясь на целую голову», трактуемое не только в прямом, но и в переносном смысле — ‘О превосходстве кого-либо над кем-либо в умственном развитии, в знании, умении и т.п.’ [Федоров 2008: 147]. Ср.: «*Голоса утробные, первобытные. Лица <...> у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cavefiguret». На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно*» [Бунин 2018: 25]. Здесь следует отметить употребление лексемы «клеймо», применительно к человеку слово выступает с отрицательной оценкой — ‘позорный знак, выжигаемый на теле преступника’, ‘свидетельство чего-либо позорного, унижительного’ [Ожегов 2018: 423]. Однако, на наш взгляд, важно в данном случае и упоминание слова в библейском тексте — клеймо зверя: «*Он принуждает всех — малых и великих, богатых и бедных, свободных и рабов — поставить клеймо на правую руку или на лоб и требует, чтобы никто не имел права ни покупать, ни продавать, если нет на нем клейма: имени зверя или числа его имени*» [Откровение 13:15]. Эта аллюзия объясняет другую характерную черту людей нового времени, о которой неоднократно

говорит автор, — их буквально звериную сущность, одержимость и бесноватость, отсюда широкое употребление слов «звериный», «зверство», «животное», «бешенство», «бешеный», «сумасшедший» и др., напр.: *«Речь Ленина. О, какое это животное!»*; *«вылетает с Никитской животное в кожаном картузе»*, *«дьявольскую одержимость»*; *«бесноватых рать»*, *«краснорожая баба, с бешеным дикарским рылом»*; *«в отвалившихся от бешенства»*, *«превратившийся в бешеный»*, *«все сошли с ума»*, *«как в сумасшедшем доме»*; *«отчаянные зверства»*; *«осатанели от пьянства, от кокаина, от своеволия»*.

В свою очередь, семантика слова «зверство» в тексте И. А. Бунина конкретизируется рядом фраз и выражений, характеризующих поступки людей нового времени, напр.: *«читал о стоящих на дне моря трупах, — убитые, утопленные офицеры»*, *«революционный трибунал ежедневно выносит смертные приговоры»*, *«нынче будут казнены шестьдесят человек»*, *«оципали перья с живых павлинов и пустили их, окровавленных»*.

Крайняя степень жестокости, по мнению И. А. Бунина, порождает лишь желание мести, так же в его крайних проявлениях, ср. использование гиперболы и сарказма в следующем фрагменте: *«Какая у всех свирепая жажда их погибели! Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга»* [Бунин 2018: 45].

Контраст как основной прием используется И. А. Буниным и при воссоздании пространства Москвы и Одессы. С необыкновенным трепетом и любовью описывает автор старые улочки, храмы, величественные особняки: *«Но вот тихий переулок, совсем темный, идешь — и вдруг видишь открытые ворота, за ними, в глубине двора, прекрасный силуэт старинного дома, мягко темнеющего на ночном небе, которое тут совсем другое, чем над улицей, а перед домом столетнее дерево, черный узор его громадного шатра»* [Бунин 2018: 27-28]. Как правило, И. А. Бунин избегает подробных описаний: во всеобщем хаосе, охватывающем по ходу повествованию все больше пространства,

как внимательный наблюдатель, он отмечает наиболее значимые детали, служащие теперь полутонами, полунамеками былого величия и чистоты уходящей в прошлое России, отсюда частотность в тексте лексем «золото», «золотой», «небо», напр.: *«золото куполов»*, *«с золотым крестиком»*, *«золотые огоньки свечей»*, *«вся площадь блестит золотом и зеркалами»*, *«вечернее небо»*, *«на ночном небе»*.

Цветовая палитра новой России совершенно иная. Основу подобных описаний составляют прилагательные «черный», «мрачный», «грязный», «кровавый», «красный», напр.: *«грязная темная погода»*, *«черная вывеска»*, *«в мокром асфальте жидкой кровью текут отражения от красных флагов»*, *«черные знамена»*, *«мрачный вечер «первого мая»»*, *«возвращался под дождем по темному, мрачному городу»*, *«сентябрь семнадцатого года, мрачный вечер, темные с желтоватыми щелями тучи»*. Дополняют описания слова и выражения, устойчиво воспринимаемые нами как резко отрицательные, грубые и, соответственно контрастирующие с лексемами «золото», «блеск», «небо», напр.: *«отражение от красных флагов, обвисших от дождя и особенно паскудных»* [Бунин 2018: 41]; *«начиная от самой Москвы и до самой Орши, где все платформы и пути были буквально залиты рвотой и испражнениями»* [Бунин 2018:119].

Картины эпохи получают у И. А. Бунина и специфическую реализацию в звуке. Голос нового времени — всегда дисгармоничное многоголосие, состоящее из обрывистых фраз, революционных лозунгов, телефонных звонков, шороха сора, криков и ругательств. Этим объясняется широкое использование автором глаголов и существительных с семой «неприятные звуки»: *«все ни с того ни с сего заорали себе, стали бить сапогами в пол»*, *«стали хохотать, визжать, хрюкать»*, *«все pokrыл истинно трагический вопль»*, *«с ревом неслись грузовики»*, *«хохот, щелканье орехов»*, *«грозочущие грузовики»*. Значение существительных «голос» и «крик» уточняется прилагательными с ярко выраженной отрицательной коннотацией, напр.: *«истерический крик»*, *«голоса утробные, первобытные»*, *«наглый и твердый крик»*, *«злые крики»*, *«неистовый крик»*, *«с пронзительными криками»*.

Многочисленные повторы данных сочетаний, ряды сравнений и метафорических переносов, гипербола усиливают ощущение какофонии, подчеркивают сюрреалистичность происходящего. Напр., у И. А. Бунина телефон не просто звонит — он «звонит, не умолкая, <...> из него сыплется огонь», он «трещит, звенит и сыплет красные огненные искры»; представитель новой власти не просто говорит — он «кричит, заикаясь, со слюной во рту»; «мальчишки орут, как черти, <...> дудят в тысячу дудок»; «наскудная старушонка <...> кричит на всю улицу». В этом диком, режущем слух многоголосии единственно благозвучно церковное пение.

На долю эпизодов, связанных с описанием уходящих в прошлое и воспринимаемых как идеологический атавизм церковных обрядов, приходится лишь незначительная часть в общей структуре произведения. Поэтому И. А. Бунин выбирает слова и их сочетания с однозначно положительной оценкой, символизирующие вечные ценности — добро, справедливость, сострадание: «Часто заходим и в церковь, и всякий раз с восторгом до слез охватывает пение, поклоны священнослужителей, каждение, все это благолепие, пристойность, мир всего того благого и милосердного, где с такой нежностью утешается, облегчается всякое земное страдание» [Бунин 2018: 123-124].

Не менее значимо при характеристике голоса уходящей эпохи и отсутствие всякого рода звуков — тишина, контрастирующая с постоянным диким криком нового времени: «Сейчас опять идем в архиерейский сад, часто теперь туда ходим, единственное чистое, тихое место в городе»; «И все-таки в саду чудесно, безлюдно, тишина» [Бунин 2018: 123-124].

Несмотря на явное описание «окаянных дней» революции в апокалипсическом ключе, к непосредственному использованию текста «Откровения Иоанна Богослова» И. А. Бунин не прибегает. Данная связь устанавливается благодаря традиционным в представлении читателя образам и символам книги пророчества, получающим у писателя языковую репрезентацию посредством устойчивых слов и выражений. Напр.: «Третий вылил свой сосуд на реки и водные источники,

и они превратились в кровь» [Откровение 16:2]. У И. А. Бунина отмечается широкое использование компонента «кровь» в сочетании со словами, в значении которых присутствует сема 'вода', что и может служить аллюзией к знамению Апокалипсиса: «реки крови», «от трона текут потоки крови», «жидкой кровью текут отражения от красных флагов».

Частотное сочетание лексемы «кровь» и с другими словами, в том числе в составе устойчивых оборотов библейского происхождения, что позволяет И. А. Бунину воссоздать ужасающие в своих проявлениях и масштабах картины злодеяний новой власти: «шагать по колено в крови», «пьяны от вина и крови», «проливать кровь», «бешеная горилла уже буквально захлебывается кровью». В дневнике писателя подобные фразеологизмы не столько средство собственной интерпретации и оценки происходящего, сколько способ объективного отражения современной ему действительности, поэтому писатель всякий раз намеренно натуралистично конкретизирует абстрактный фразеологический образ, напр.: «Приехал Д. — бежал из Симферополя». Там, говорят, «неописуемый ужас», солдаты и рабочие «ходят прямо по колено в крови». Какого-то старика полковника живьем зажарили в паровозной топке» [Бунин 2018: 12].

Свидетельством скорого появления зверя в «Откровении» служит утрата времен: «времени больше не будет!» [Откровение 10:11]. И. А. Бунин так же обращается к этому пророчеству в ироничных и подчас гротесковых высказываниях относительно перехода революционной власти на новое время: «С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что по-ихнему нынче уже восемнадцатое»; «8 часов вечера, а по «советскому» уже половина одиннадцатого»; «По вечерам жутко мистически. Еще светло, а часы показывают что-то нелепое, ночное» [Бунин 2018: 7, 51-53]. Показательно здесь и неоднократное употребление слов и выражений со значением 'полное отсутствие света' — темнота, тьма, мрак: «улицы, как всегда теперь во тьме», «еще гуще мрак неба», «Никитская без огней, могильно-темна», «темная погода», «мрачный вечер», «вечерел темный день поздней осени», «совсем почти темно». Ср. в «От-

кровении»: «Четвертый ангел затрубил — и была поражена треть солнца, треть луны и треть звезд. Они на треть затмилась, и треть дня была без света, как и треть ночи» [Откровение 8:3].

Единственным избавлением от всех мук в эти «окаянные дни» И. А. Бунин видит в смерти: «Мимо нас несут покойника (не большевика). «Блаженни, иже избрал и приял еси, Господи...» Истинно так. Блаженны мертвые» [Бунин 2018: 90]; «Несущие <...>, тряся гроб, бегут со всех ног. А на углу стоит старуха и, согнувшись, плачет так горько <...>. Я бормочу: — «Ну будет, будет, Бог с тобой!» — спрашиваю: — «Родня, верно, покойник-то?» А старуха <...> с трудом выговаривает: — Нет... Чужой... Завидую...» [Бунин 2018: 52-53]. В «Откровении»: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее...» [Откровение 9:12].

Таким образом, текст Священного писания у И. А. Бунина становится своеобразным смысловым каркасом, на основе которого и создается уникальный по своей сути языковой строй дневника. Используя многочисленные и разнообразные по характеру языкового воплощения смысловые связи с библейскими пророчествами, писатель воссоздает на страницах своего произведения поистине трагические, воспринимаемые исключительно в апокалипсическом ключе картины смены эпох и прощается с великим прошлым России.

ИСТОЧНИКИ

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2012. 1407 с.

Бунин И. А., Розанов В. В., Шмелев И. С. *Окаянные дни. Апокалипсис нашего времени. Солнце мертвых*. М.: Мартин, 2018. 384 с.

Ожегов С. И. *Толковый словарь русского языка*. Скворцов Л. И. (ред.). М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. 1360 с.

Ремизов А. М. *Собрание сочинений*. Т. 5. *Взвихренная Русь*. М.: Русская книга, 2000. 688 с.

Федоров А. И. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

ЛИТЕРАТУРА

Алданов 1935 — Алданов М. А. И. А. Бунин. *Собрание сочинений*. Изд. «Петрополис», 1935 год. Тома IX и X. *Современные записки*. 1935. Кн. 59. С. 472.

Белый 1994 — Белый А. *Символизм как миропонимание*. М.: Республика, 1994. 525 с.

Бик-Булатов 2015 — Бик-Булатов А. Ш. Поэтика Апокалипсиса в культурософской публицистике России пореволюционного времени (1917–1918 гг.). *Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2015, (18, вып. 27): 87–94.

Ильинский 2020 — Ильинский И. М. *Белая правда Бунина (заметки о бунинской публицистике)* [Электронный ресурс] URL: <http://ilinskiy.ru/publications/stat/belpravda.php?print=Y> (дата обращения: 25.09.20)

REFERENCES

Алданов 1935 — Aldanov M. A. I. A. Bunin. *Collected Works*. Vol. IX–X. In: *Sovremennye zapiski*. Moscow, 1935. P. 472. (in Russian).

Белый 1994 — Belyj A. (1994) *Symbolism as a world view*. Moscow, 1994. (in Russian).

Бик-Булатов 2015 — Bik-Bulatov A. Sh. Poetics of the Apocalypse in the Cultural and Philosophical Journalism of Russia in the post-revolutionary period (1917-1918). In: *Nauchnye vedomosti. BelGU. Serija Gumanitarnye nauki*. 2015, (18): 87–94. (in Russian).

Ильинский 2020 — Il'inskiy I. M. *White really Bunin (Bunin notes on journalism)*. URL: <http://ilinskiy.ru/publications/stat/belpravda.php?print=Y> (date of application 25.09.20)

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ РОМАНА «ПЕТРОВЫ В ГРИППЕ И ВОКРУГ НЕГО» (СТИХОТВОРЕНИЕ Н. ГУМИЛЕВА «ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ» И РОМАН А. САЛЬНИКОВА)

NATALIJA D. STRELNIKOVA

THE EXPERIENCE OF READING THE NOVEL "PETROVS IN THE FLU AND AROUND IT" BY ALEXEI SALNIKOV
AND THE POEM "THE TRAM THAT LOST ITS WAY" BY NIKOLAY GUMILYOV

**Наталья Даниловна
Стрельникова**

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка

► tashastrel@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»

Ул. Профессора Попова, дом 5

Natalija D. Strelnikova

Electrotechnical University "LETI"

Professor Popov street, 5

Статья посвящена интерпретации романа А. Сальникова. «Петровы в гриппе и вокруг него» рассматривается как роман-путешествие, трансцендентальное путешествие души, чтобы понять себя и осознать цель пребывания в этом мире. В статье предпринимается попытка прочтения романа А. Сальникова сквозь призму стихотворения Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай». При сопоставлении разножанровых произведений поэта и писателя ключевыми образами-символами стали трамвай и троллейбус. Именно эти виды транспорта оказываются мистическими перевозчиками героев Гумилёва и Сальникова в иной мир. Действие баллады и романа разворачивается в двух пространствах, одно из которых связано с потусторонними странствиями души. Роман о Петровых начинается с поездки в троллейбусе, в котором случаются странные встречи и неожиданные сюжетные повороты. Трамвай, появившийся в начале XX века, стал характерной приметой времени 20-30-х гг. и нашёл своё отражение в прозе и поэзии XX века. Наиболее ярким воплощением этого образа является баллада Н. Гумилёва. Если трамвай в самых разных текстах (Булгаков, Пастернак) связывается со смертью, то лирический образ синего троллейбуса имеет иную семантику и вписывается в другой контекст. Он воспринимается как знак эпохи «оттепели», место преодоления душевной боли, связывается с понятием единения и взаимопомощи и ассоциируется прежде всего с именем Б. Окуджавы. Сопоставление двух текстов позволяет по-новому взглянуть на роман Сальникова, хотя предложенный вариант прочтения не является единственно возможным.

Ключевые слова: троллейбус, трамвай, грипп, абсурд, переправа, АИД.

The article is devoted to the interpretation of the novel "Petrovs in the Flu and Around It" by Alexei Salnikov, which is viewed as a travelogue novel or a transcendental journey of a soul trying to understand itself and realize the purpose of its being in this world. The author attempts to read Salnikov's novel through the prism of Nikolay Gumilyov's poem "The Tram That Lost Its Way". When comparing the works of different genres written by the poet and by the writer, the tram and trolleybus became the key symbolic images. It is these types of transport that turn out to be the mystical carriers of Gumilyov's and Salnikov's heroes to another world. The ballad and the novel are set in two spaces, one of which is associated with the otherworldly wanderings of the soul. The novel about the Petrovs begins with a trip in a trolleybus, where strange encounters and unexpected plot twists occur. The tram, which appeared at the beginning of the 20th century, became a characteristic sign of the times of the 1920s – 1930s; it and was reflected many times in prose and poetry of the 20th century. The most striking embodiment of this image is

Gumilyov's ballad. In some texts (Bulgakov, Pasternak) the tram is associated with death, but in other works (Okudzhava) the lyrical image of a blue trolleybus has a different meaning and belongs to a different context. It is perceived as a sign of the "Thaw" era, as a place helping to overcome mental pain, and is associated with the concept of unity and mutual assistance. Comparison of the two texts allows to take a fresh look at Salnikov's novel, although the proposed reading option is not the only possible one.

Keywords: trolleybus; tram; flu; absurdity; ferriage; Hades.

Роман А. Сальникова, впервые напечатанный в 2016 г. в журнале «Волга», отдельной книгой вышел в 2018 г. и сразу привлёк внимание читателей. Действительно, точно найденное название, отражающее болезненное состояние героев, — удачная метафора, переходящая в символ: то, что с нами происходит сейчас. «Петровы в гриппе и вокруг него» — книга, которая до сих пор находится на пике популярности и неослабевающего интереса со стороны критиков, продолжая порождать всё новые толкования и интерпретации. Например, Е. Шульман и О. Прохорова считают, что Сальников написал «роман о покойнике» [Шульман, Прохорова 2018]. Авторы убедительно аргументируют свою мысль, приводя многочисленные доказательства. Трудно не согласиться, например, с тем, что если вторая глава — «Сны Петрова» — начинается со слов: «Петров *очухался* засветло, сначала ему показалось, что его *разбудила* тишина» [Сальников 2018: 55], причем, просыпается Петров в катафалке, не чувствуя своего тела, то, вероятно, речь идёт не о живом человеке. «Если Петров действительно умер вначале, то все последующее действие романа — это мытарства его души <...> Петрова выпускают из ада пожить, и делает это сам Аид, потому что благодарен за сына своего. <...> Он может отпустить Петрова, как он отпускает Орфея <...> его отпускают <...> — чтобы написал этот роман об аде» [Шульман, Прохорова 2018].

Реальность, фиксируемая Сальниковым, безрадостна, агрессивна и безумна до абсурда. Впрочем, «ад — это мы сами» [Довлатов 1993: 28], и эта мысль присутствует в «Петровых...». Роман Сальникова можно прочитать по-разному. Например, как книгу «об этой странной уродливой действительности, как писали критики позапрошлого века, которая душит и давит, не отпускает от

себя, и вырваться из которой нет сил. Об “окружающих существах”, как говорит Петрова, аборигенах этого мира, которые мало напоминают людей. И о писательских исключительных, “супергеройских” амбициях, столь же страстных, сколь и тщательно замаскированных. Ну, и о звере, притаившемся в человеке» [Александров 2018].

В романе можно выделить два плана повествования: один из них связан с потусторонними странствиями души главного героя, другой представляет собой фантастически-реалистические картины жизни и быта современного Екатеринбургa и Екатеринбургa детства героя. Такая трактовка вызывает аллюзию с романом М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Прочитав историю маскарадного костюма с головой и без головы как отсылку к эпизоду с украденной из гроба головой Берлиоза, которого переехал трамвай, Е. Шульман и О. Прохорова продолжают сопоставление романов: «А Петров едет на троллейбусе, а где троллейбус — там трамвай рядом. Вспомним, что именно в троллейбусе Маргарита слушает историю об украденной голове Берлиоза» [Шульман, Прохорова 2018]. В итоге подобных рассуждений авторы статьи приходят к заключению, что «Петровы в гриппе и вокруг него» есть новый вариант романа «Мастер и Маргарита».

Роман о Петровых начинается с поездки в троллейбусе, в котором всегда случаются странные встречи, образ *троллейбуса* в романе Сальникова чрезвычайно значим. Действие спектакля по роману, премьеры которого состоялась в январе 2019 года в Гоголь-центре в Москве, происходит в троллейбусе. По замыслу режиссёра А. Фёдорова салон троллейбуса то становится читальным залом библиотеки, то превращается в квартиру Петровых. Одна из рецензий на спектакль называется «Троллейбус из другого мира» [Рутковский 2020].

«Петровы в гриппе...» — роман-путешествие, но не обычное, а трансцендентальное путешествие души, путешествие к себе и в себя, в попытках разобраться, кто он и зачем пришёл в этот мир сейчас. Троллейбус же в этой мистерии становится транспортом-перевозчиком, медиумом, переносящим Петрова в иной мир.

Всё изложенное выше натолкнуло на мысль сопоставить роман А. Сальникова со стихотворением Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (1919/1920). Представляется, что существует прямая связь между этими текстами, а «Мастер и Маргарита» условно занимает промежуточное положение между ними.

Итак, начнём с тезиса: «где троллейбус — там трамвай рядом».

Лирический герой баллады Гумилёва, неожиданно для себя оказавшись на подножке летящего на скорости трамвая, совершает мистическое путешествие сквозь *бездну времён*, проносясь *сквозь рошу пальм/ через Неву, через Нил и Сену* [Гумилев 1988: 331], попадая в царство мёртвых, в иной мир. Он становится свидетелем своих прежних жизней и очевидцем собственной казни в прошлом. Трамвай оказывается мистическим перевозчиком, своего рода лодкой Харона.

В.Я. Пропп, рассказывая о разных видах переправы в иной мир в мифах и сказках народов мира, пишет: «Формы переправы сливаются, ассимилируются, переходят друг в друга <...> все виды переправы указывают на единую область происхождения: они идут от представлений о пути умершего в иной мир» [Пропп 1986: 202]. Связь между миром этим и тем осуществлялась медиумом-посредником: птица, конь или олень, лодка. «Полет героя на коне отражает другую фазу тех же представлений, что и езда на птице» [Пропп 1986: 210] и т. д. Переправа в царство мёртвых с использованием разных видов и способов передвижения является обязательным элементом процесса инициации, где инициация есть смерть-перерождение и освобождение от прежней жизни. Этот процесс происходит с лирическим героем «Заблудившегося трамвая» и с Петровым, героем Сальникова. Перед смертью-инициацией вся жизнь в виде отдельных ярких вспышек, фрагментов воспоминаний пронесётся в сознании иницируемого.

Почему Сальников выбирает троллейбус, а не трамвай, наравне с другими видами общественного транспорта функционирующий в Екатеринбурге? Для ответа на этот вопрос надо восстановить некоторую предысторию. Трамваи в России появились в начале XX века и сразу за-

воевали популярность. Новый вид передвижения занял определённое место не только на улицах городов, но и в литературе: появились образ трамвая, тема трамвая, миф о трамвае [Тименчик 1987: 135–143]. Трамвай становится одним из ключевых символов литературы 20-х гг. XX века. Наиболее ярким выражением темы стала, несомненно, баллада Гумилёва. Философское и *магическое*, как считал сам Гумилёв [Одоевцева 1988: 273], произведение, по жанру баллада, вмещает в себя много смыслов, рождает бесконечные ассоциации. Гумилёв обращается «к сравнительно редкому в литературе XX века средневековому жанру видения» [Спиваковский 2008]. По воспоминаниям И. Одоевцевой, поэт рассказывал, что «сразу нашёл первую строфу, как будто получил её готовой, а не сам сочинил» [Одоевцева 1988: 272], он «очень ценил “Трамвай”», считал «почти чудом», вызванным «сумасшедшим вдохновением», когда «все пятнадцать строк сочинены в одно утро без изменений и поправок» [Одоевцева 1988: 273].

Баллада Н. Гумилёва повлияла на М. А. Булгакова и на Б. Л. Пастернака [Ичин 1991]. В обоих случаях этот популярный вид транспорта связан со смертью: трамвай отрезает голову Берлиозу, в трамвае умирает Юрий Живаго.

«Вобрав в себя многие черты предшествующей культурно-бытовой феноменологии трамвая, “Заблудившийся трамвай” надолго определил восприятие этого объекта городского пейзажа в отечественной словесности» [Тименчик 1987: 141]. Яркий образ гумилёвского трамвая вызвал целую волну *трамвайных* стихов (О. Мандельштам, В. Набоков, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, Вл. Соловьев, Ю. Кузнецов, Е. Винокуров, О. Чухонцев, А. Кушнер, Ю. Мориц, И. Уткин, Н. Коржавин, Б. Чичибабин, Э. Рязанов, Д. Самойлов, Я. Смеляков, И. Бродский и др.) [Бельская 1998] с различными по тональности вариациями. Для поэтов начала XX века трамвай был заметной приметой времени, необходимым элементом современной цивилизации. Трамваи сравнивались с животными, птицами, наделялись человеческими эмоциями, однако постепенно образ трамвая начинает растворяться вместе с уходящей эпохой.

Троллейбусы появились позже: в Москве — в 1933 г., в Ленинграде — в 1936 г., в Свердловске — в 1943 г. Этот относительно молодой вид транспорта не породил столь мощную литературу, как трамвай. Тем не менее, «Полночный троллейбус» или «Последний троллейбус» Б. Окуджавы, написанный в 1957 г., обессмертил *синий троллейбус* как знак эпохи «оттепели». Это стихотворение о спасении и поддержке, прежде всего, о взаимовыручке и преодолении душевной боли: *Когда мне невмочь пересилить беду, / Когда подступает отчаянье, / Я в синий троллейбус сажусь на ходу, / В последний, / В случайный.* Лирический образ *синего троллейбуса* имеет другую семантику, чем *красный трамвай*, и вписывается в другой контекст. Троллейбус, будучи аналогом трамвая, не ограничен рельсами, и потому символически далёк от семантики поезда, но рогами, как у оленя, устремлён в небо и связан с ним. Изменились звук и цвет. По сравнению с трамваем троллейбус почти бесшумен. В стихах Б. Окуджавы трамвай неизменно красный, например, в «Телеграфе моей души» (1959): *Лишь ползут из тишины, / Сердце разрывая, / Как извозчики войны, / Красные трамваи ...* Или в стихотворении «Красные цветы» (1963): *О, эти красные цветы / Я от земли их отрываю. / Они как красные трамваи / Среди полдневной суеты.*

В главе «Сны Петрова» герой сначала видит *синий троллейбус* вдаль, затем садится в *пустую тройку*, заставляющую вспомнить поэму Н. В. Гоголя «Мёртвые души» и его *птицу-тройку*, одновременно ассоциирующуюся с «Заблудившимся трамваем» Н. Гумилёва. Заметим, что в отличие от мужа, Петрова предпочитает ездить на трамвае.

Стоит назвать ещё один текст, посвящённый образу *троллейбуса*. Это песня В. Цоя «Троллейбус (1985 г.): «Мое место — слева, и я должен там сидеть, / Не пойму, почему мне так холодно здесь, / Я не знаком с соседом, хоть мы вместе уж год, / И мы тонем, хотя каждый знает, где брод, / И каждый с надеждой глядит в потолок, / Троллейбуса, который идет на восток, <...>». Эта песня звучит в спектакле о Петровых по роману Сальникова в театре Гоголь-центр. Мотивы отсутствия *шофёра*, т. е. водителя, неизвестности *пути* являются

ключевыми, но троллейбус идёт, хотя *мотор заржавел*. Песня заканчивается оптимистически: *«Мы сидим, не дыша, смотрим туда, / Где на долю секунды показалась звезда, / Мы молчим, но мы знаем, нам в этом помог / Троллейбус, который идет на восток ...»*. Любопытно, что несмотря на столь разные стихотворения-песни Б. Окуджавы и В. Цоя, написанные соответственно в эпоху «оттепели» и во времена так называемого «застоя», между ними есть общее, а именно: некая сплочённость *пассажира* в молчании и идея спасения, заключённая в коллективном движении в троллейбусе.

Наконец, учитывая время действия «Петровых...», канун Нового года, цветовую гамму и символику праздника, значимый образ Снегурочки, ассоциативную связь троллейбуса с оленем, *синий троллейбус* в контексте времени и места уместнее и эстетически гармоничнее, чем *красный трамвай*.

Итак, ключевым образом-символом, необходимым для понимания произведения в целом и позволяющим сопоставить разножанровые тексты Гумилёва и Сальникова, стали *трамвай* и *троллейбус*, функция которых — служить медиумом для связи мира живых с миром мёртвых. Необходимо также подчеркнуть, что тексты разделяет век, почти сто лет, но оба написаны в переломные исторические моменты, накануне ожидания глобальных перемен, поэтому центральным событием является *путешествие* и попытка предугадать, что дальше, *за перекрёстком*. Пребывание героя в пограничном состоянии между жизнью и смертью, сном и явью, живыми и мёртвыми, странствия его души, оглядывание на пройденный жизненный путь с выхватываемыми из памяти фрагментами воспоминаний — всё это происходит с Петровым. Странности в логике излагаемых событий, запутанный сюжет, призрачность, зыбкость, нарушенная хронология и временные пропуски в ткани повествования, как сознательно пропущенные звенья цепи в развитии рассказываемой истории, почти до самого конца романа не складываются в единый пазл.

Сквозным мотивом является мотив сна, а что есть сон как не пограничное состояние между жизнью и смертью, да и окно трамвая / трол-

лейбуса, за которым проносится жизнь героя, его прошлые жизни и ипостаси, представляет собой границу между двумя реальностями, двумя мирами, здешним и нездешним, потусторонним.

Оба текста — о путешествии внутрь себя, о познании себя истинного, себя другого, себя в различных ипостасях и ликах. Лирический герой Гумилёва совершает кругосветный полёт (Россия, Европа, Африка, Азия, Россия), вырвавшись за пределы земного пространства, соприкоснувшись со своими прежними жизнями, преодолев время. увидев живых и мёртвых «у входа / В зоологический сад планет» [Гумилёв 1988: 332]. Герой Сальникова тоже «заблудился» в себе, кто же он настоящий: автослесарь, писатель, автор комиксов, где граница между фантомами его воображения и реальностью? В этой связи мы согласны с догадкой Е. Шульман и О. Прохоровой о том, что и Сергей, и Петрова, и Петров-младший — это лики, ипостаси, маски, персонажи комиксов, сочиняемых Петровым, тёмное *подсознательное* несостоявшегося писателя.

Если герою Гумилёва, *заблудившемуся «навеки / В слепых переходах пространств и времён»* [Гумилёв 1988: 263] для возвращения к *собственному Я* необходим сумасшедший полёт на *трамвае*, похожем на огнедышащего дракона, то Петров может освободиться «от сырого бессознательного, которое порождает страшную хтонь» [Шульман. Прохорова 2018], только оказавшись за гранью жизни, пройдя посвящение-инициацию через смерть, поэтому кстати, роман разделён на 9 глав. Это 9 дней, в течение которых душа после смерти прощается с телом, но АИД / Аид отпускает его из царства мёртвых, чтобы он написал о *Петровых в гриппе*. Написал о том, что с ними и с нами, людьми, живущими сейчас, происходит сегодня. Написал, чтобы зафиксировать безумную реальность и сумасшествие торжествующего абсурда как очевидец.

Аид / АИД возвращает Петрову жизнь в благодарность за своего сына, само существование которого стало возможно благодаря бессознательному детскому движению Петрова четверть века назад. Здесь заключена важная мысль о связи всего сущего, о том, что ничто не исчезает

бесследно, о том, как незначительный поступок или слово может отозваться в будущем совершенно непредсказуемым, казалось бы, образом повлиять на судьбу другого человека. Заметим: в стихотворении Н. Гумилёва «Рабочий» (1916), тематически связанном с «Заблудившимся трамваем», звучит та же мысль, пророчески и страшно: «*Пуля, им отлитая, просвищет / Над седою, вспененной Двиной, / Пуля, им отлитая, отыщет / Грудь мою, она пришла за мной. <...> Это сделал в блузе светло-серой / Невысокий старый человек*» [Гумилёв 1988: 260].

Композиционно повествование в обоих произведениях замыкается в кольцо, то есть авторы в конце возвращаются к началу. Лирический герой Гумилёва — с новым пониманием любви и обретением веры: «... *я никогда не думал, / Что можно так любить и грустить*» [Гумилёв 1988: 332]. Мэтр, Мастер, Поэт, пророчески видя своё будущее, заказывает *панихиду* по себе. Слесарю Петрову античным богом Аидом дан шанс стать, наконец, Писателем, что стало возможным после смерти-инициации, в которой умер слесарь и родился писатель. Последняя глава романа возвращает к первой.

Наконец необходимо иметь в виду, что «Заблудившийся трамвай» вбирает в себя ключевые моменты балладных сюжетов с их трагическими ситуациями героев, подвластных зловещей бесовской игре высших сил их жизнью. Вследствие этого скрытого, но напряжённого диалога с самыми значительными образцами русской и мировой баллад гумилёвское стихотворение приобрело архетипический, мифологический статус» [Ичин 1991]. В основе сюжета «Заблудившегося трамвая» несложно разглядеть «фантастические сновидения» баллад Э. По и Бодлера, а также заимствованные из сказки Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес» «темы путешествия в «иной мир» и мотив «снятия головы», «палача», «билета», «вагона», «машиниста» и др.» [Ичин 1991].

Рамки статьи не позволяют исчерпывающе представить весь спектр пересечений рассматриваемых произведений, тем более, подробно остановиться на мотивах, например, взаимоотношения язычества и христианства как некоего единого

комплекса и проанализировать отражение этих представлений в них.

Сопоставление стихотворения Н.С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (1919) и романа А.Б. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (2016) даёт возможность по-новому взглянуть на роман современного уральского писателя, лауреата премии «Национальный бестселлер» (2018), и найти в нём новые смыслы.

ИСТОЧНИКИ

Гумилёв Н. Стихотворения и поэмы. Сост., подг. текста и примеч. М.Д. Эльзона. Л.: Советский писатель, 1988. (Б-ка поэта. Большая сер.). 632 с.

Довлатов С. Собрание сочинений в трёх томах. Т. 1. СПб.: Издательство «Лимбус-пресс», 1993. 416 с.

Одоевцева И.В. На берегах Невы: Литературные мемуары/ Вступ. статья К. Кедрова. М.: Художественная литература, 1988. 334 с.

Сальников А. Петровы в гриппе и вокруг него. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 411 с.

ЛИТЕРАТУРА

Александров 2018 — Александров Н. О романе «Петровы в гриппе». Психодиагностика. [Электронный ресурс] //URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/17200-petrovy-v-grippe-psihoanaliz> (дата обращения: 13.05.2020).

Бельская 1998 — Бельская Л. Как «заблудившийся трамвай» превратился в «трамвай-убийцу»? [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/219/> (дата обращения: 17.05.2020).

Ичин 1991 — Ичин К. Межтекстовый синтез в «Заблудившемся трамвае» Гумилёва [Электронный ресурс] // gumilev.ru/about/27/ (Дата обращения 16.05.2020).

Пропп 1986 — Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 366 с.

Рутковский 2020 — Рутковский В. Троллейбус из другого мира [Электронный ресурс] // Радио Свобода URL: <https://www.svoboda.org/a/30391055.html> (дата обращения: 17.05.2020)

Спиваковский 2008 — Спиваковский П. У входа. Анализ стихотворения Н.С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/270/> (дата обращения: 14.05.2020).

Тименчик 1987 — Тименчик Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии. В сб.: Учёные записки ТГУ. Вып. 754. Тарту, 1987. С. 135–143.

Шульман, Прохорова 2018 — Шульман Е., Прохорова О. Антиписатель, антиписатель и очень хороший человек [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/avtoslesar-antipisatel-i-ochen-horoshij-chelovek/> (дата обращения: 14.05.2020).

REFERENCES

Aleksandrov 2018 — Aleksandrov N. O romane «Petrovy v grippe». Psihoanaliz. [About the novel by Petrov in the flu]. Available at: <https://www.colta.ru/articles/literature/17200-petrovy-v-grippe-psihoanaliz> (accessed: 13.05.2020).

Бельская 1998 — Bel'skaja L. How a lost tram turned into a killer tram. Available at: <https://gumilev.ru/about/219/> (accessed: 17.05.2020).

Ичин 1991 — Ichin K. Intertext synthesis in Gumilyov's Lost Tram. Available at: gumilev.ru/about/27/ (accessed: 16.05.20.)

Пропп 1986 — Propp V.Ja. The historical roots of the fairy tale. Leningrad, 1986. (in Russian)

Рутковский 2020 — Rutkovskij V. A trolleybus from another world. Available at: [// svoboda.org/a/30391055.html](https://svoboda.org/a/30391055.html) (accessed: 17.05.20)

Спиваковский 2008 — Spivakovskij P. At the entrance. Analysis of Gumilyov's poem «The Lost Tram». Available at: <https://gumilev.ru/about/270/> (accessed: 14.05.20)

Тименчик 1987 — Timenchik R.D. To the symbolism of the tram in Russian poetry. In: Uchjonye zapiski Tartuskogo Gosudarstvennogo Universiteta. vol. 754. P. 135–143. (in Russian)

Шульман, Прохорова 2018 — Shul'man E., Prohorova O. Anti-locksmith, anti-writer and just a good person. Available at: <https://gorky.media/context/avtoslesar-antipisatel-i-ochen-horoshij-chelovek/> (accessed: 14.05.2020).

И. Н. Сухих

УРОКИ ФЕДОРА АБРАМОВА

Юбилей Федора Александровича Абрамова (он родился 29 февраля 1920 года) по понятным причинам прошел скромно. Я, как, вероятно, и многие, не смог принять участие в научной конференции и торжествах в Архангельске. Однако в одной из старых компьютерных папок сохранился диалог с корреспондентом газеты «Санкт-Петербургские ведомости» Полиной Виноградовой, который состоялся десятилетие назад, по случаю некруглой даты писателя и нашего ленинградского универсанта. Газета, в отличие от журнала и книги, живет один день. В интернете эта публикация отсутствует. Поэтому я рискую предложить читателям «Мира русского слова» давний — но отредактированный — текст. Потому что мой взгляд на творчество Абрамова не изменился.

Игорь Николаевич, какое место занимает творчество Федора Абрамова в современном литературном контексте?

— Конечно, творчество Федора Абрамова — это уже классика, его произведения изучаются в школе и стали частью истории литературы. Но современность — явление динамичное, неустойчивое. Писатели похожи на пловцов: кто-то сейчас хорошо заметен в литературном море, кто-то с трудом барахтается или даже тонет. Какая-то потеря интереса, временное забвение настигает многих. Так получилось со многими представителями того направления, которое называют «деревенской прозой» и к которому принадлежал Абрамов.

Но прав Иосиф Бродский: «Писатели, особенно замечательные, в конце концов не умирают; они забываются, выходят из моды, переиздаются. Постольку, поскольку книга существует, писатель для читателя всегда присутствует».

Подлинная литература выдерживает испытание временным забвением. Федору Абрамову в этом смысле повезло больше, чем многим. Больше двух десятилетий постановки по его романам «Братья и сестры» и «Дом» сохраняются в репертуаре Малого драматического театра — Театра Европы. Благодаря труппе Льва Додина абрамовскую прозу узнал весь мир (они не побывали разве что в Антарктиде и Австралии). И пока спектакль пользуется таким успехом у публики разных стран, тетралогия Федора Абрамова остается важной частью современной культуры.

Сегодня молодые люди способны чему-то научиться у пинежских крестьян, описанных Абрамовым?

— Судьба деревенской прозы парадоксальна. Главным адресатом этой прозы все-таки было поколение «шестидесятников», то есть свидетелей описываемых событий, как правило, тоже вышедших из деревни интеллигентов в первом поколении. Когда постепенно этот круг интеллигенции начал рассеиваться, «деревенская проза» потеряла своего читателя. И одно из самых живых и интересных явлений литературы 1960-х-конца 1970-х годов вдруг оказалось как будто не слишком нужным. Замечательные писатели: Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Астафьев — растеря-

лись, в большей или меньшей степени переживали кризис, потеряли голос. Это несправедливо, потому что они сказали важную правду о русской истории XX века, правду, о которой можно узнать только из их искренней и честной прозы.

Но, я повторяюсь, подлинное искусство не может исчезнуть бесследно. И сегодня есть студенты, которые из всех русских писателей второй половины XX века называют наиболее близким себе именно Федора Абрамова.

Спустя годы главным всегда оказываются не историческая достоверность, но какие-то нравственно-философские аспекты. Если молодой человек, читая историю семьи Пряслиных, сумеет воспринять чужую боль, как свою собственную, значит, ему роман покажется злободневным, вне зависимости от того, какой век на дворе. Наверное, те, кто умеет сопереживать называют Абрамова близким писателем.

— Совершенно верно, сегодня нужно пристальнее вглядываться в суть, раскрывать внутренние смыслы. Учиться у пинежских крестьян, населяющих прозу Абрамова, порядочности и честности. Лев Додин в «Братьях и сестрах» так и расставил акценты. И большинство зрителей — молодые ребята — воспринимают спектакль не просто как историческую правду, но, прежде всего, как возможность найти ответ на какие-то значимые лично для себя вопросы.

Может быть, дело в том, что герои Федора Абрамова по-настоящему живые, им симпатизируешь и сопереживаешь. Потому истории, рассказанные Абрамовым, так органично смотрятся на театральной сцене, и обретая «плоть и кровь» получают большой зрительский отклик.

— Главный недостаток современной литературы — отсутствие характеров. Много выдумывают, фантазируют, провоцируют, но редкий современный писатель способен создать полноценный характер, который артисту было бы интересно сыграть, который можно было любить или ненавидеть. Не случайно один из сборников Шукшина так и называется «Характеры». Из такого рода «характеров» состоит вся абрамовская проза, и романы, и чудесные повести. В конце концов, какие-то исторические реалии устаре-

вают, многие детали уже не имеют значения, но остаются эти самые «характеры», которые и есть изначальная «материя жизни». И если персонажи описаны эмоционально, с любовью и состраданием, они затрагивают душу читателей любых поколений (об этом свидетельствует опыт всей не устаревающей классики XIX столетия). Федор Александрович умел так писать.

Игорь Николаевич, вам не кажется, что малая проза Абрамова несправедливо находится в тени его тетралогий?

— Это касается не только абрамовских повестей и рассказов, но и сборника миниатюр «Травмурава». Вообще, русская литература не склонна серьезно относиться к «малым формам». Почему Чехов всю жизнь переживал, что не может написать роман? Ему даже собственные повести и рассказы казались чем-то недостаточно значительным на фоне предшествующей романной традиции. Считается, что русская литература — это, прежде всего, роман, а разного рода рассказы, повести, эссеистика большим успехом у издателей не пользуются. Даже рецензию на рассказ мало где можно прочесть, критики такие вещи будто не замечают. А ведь у нас так много блестящих писателей, которым достался талант рассказчика, но не романиста (вспомнить хотя бы Юрия Казакова). К тому же, практически все литературные премии ориентированы на «большой жанр». И эта жанровая иерархия, к сожалению, определяет и читательское мнение, даже на психологическом уровне.

Есть сегодня писатели, продолжающие абрамовскую традицию «честного разговора о жизни»?

— В сущности, эта традиция русского реалистического, социально-психологического романа с подробно прописанным бытом, продуманными сюжетными конфликтами, неспешным развертыванием фабулы и очень аккуратным использованием диалектной лексики. Здесь содержание, как правило, важнее стилистических особенностей. И в широком плане любая литература, которая пытается рассказать что-то о реальной жизни, продолжает эту традицию.

Если же сузить вопрос и говорить только о традиции деревенской прозы, можно назвать

имя волгоградского писателя Бориса Екимова. Он уже много десятилетий продолжает пахать эту ниву. Он пишет о том, что сегодня происходит в деревне на юге России (его «малая родина» — Калач-на-Дону, как у Абрамова и Белова — север, а у Распутина и Астафьева — Сибирь). Борис Екимов регулярно публикуется в «Новом мире», издаются его книги. Ему больше восьмидесяти лет. Но он много ездит, общается с крестьянами, в общем, ведет «репортаж с места событий».

Уехал их Москвы и много лет живет в селе Бахта на Енисее писатель с известной фамилией, Михаил Тарковский, внук известного поэта и племянник великого кинорежиссера. Он продолжает традиции сибирской прозы В. Астафьева и В. Распутина, называя их «речными писателями». Он, кстати считает, что «деревенская проза будет жить, пока будет жива Россия».

Федор Александрович называл главным своим произведением роман-трилогию «Чистая книга», который не успел завершить. Сквозная идея недописанного текста — противостояние святости и греха, когда образы праведников Артемия Веркольского и Иоанна Кронштадтского контрастируют с жестокостью большевиков и страшными последствиями революции. Судя по всему, Федор Александрович уже не верил в возможность очищения (хотя и был убежден, что «чистота спасет мир») и тем более искупления...

— Мы же понимаем, что главные книги, как правило, не оканчиваются (вспомним «Мертвые души»). Далеко не всегда то, что автор считает лучшим, выглядит таковым в глазах последующих поколений. На весах утопии будущее всегда кажется лучше, чем то, что есть в реальности.

Для понимания замысла бескомпромиссной «Чистой книги», полной метафизических вопросов греховности и прощения, мне кажется, важны события, происходившие в Ленинградском университете в конце 1940-х годов. В «деле профессоров-космополитов», преследовании замечательных ученых М. К. Азадовского, Г. А. Гуковского, Б. М. Эйхенбаума, работавших на кафедре истории русской литературы ЛГУ, Федор Александрович, тогда аспирант, увы, выступил на стороне гонителей. И в какой-то мере, его

дальнейшие поступки были попыткой оправдаться перед самим собой, искупить вину. В похожей ситуации оказался позднее один из лучших поэтов советской эпохи Борис Слуцкий после того, как он двенадцать минут, стоя на трибуне, осуждал Пастернака. Это выступление (соблюдение партийной дисциплины) он так и не смог себе простить. Точно такая же психологическая травма — неизбежное последствие компромиссов с собственной совестью. Часто именно предательство самого себя оставляет глубокие раны.

Однако могу сказать о том, что видел сам. В 1982 году Абрамов, как обычно, с огромным темпераментом и напором, выступал на юбилее Георгия Пантелеймоновича Макогоненко и потом участвовал в банкете. Макогоненко был любимым учеником Гуковского, он многое делал для сохранения памяти об учителе. Вряд ли он пригласил бы на свой праздник человека, с которым не поддерживал если не дружеские, то хорошие отношения.

Понятно, что он имел дело уже с другим Абрамовым.

Но понимание жизни, как искупления к Федору Абрамову пришло гораздо раньше. Он чувствовал личную ответственность за всех погибших во время войны.

Это была его постоянная душевная боль. Он неоднократно говорил, что с фронта вернулось только три процента мужчин его поколения. Александр Твардовский писал: «Я знаю никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны / В том, что они — кто старше, кто моложе / Остались там, и не о том же речь / Что я их мог, но не сумел сберечь / Речь не о том, но все же, все же, все же...» И это «все же» — навязчивая мысль, неизлечимая рана писателей послевоенной эпохи.

Т. А. Сироткина, Е. М. Ананьева,
Е. Д. Брызгалина, И. Р. Куралёва,
М. М. Сизых, Ф. М. Аль-Наджар

DOI: 10.24411/1811-1629-2021-1-72-78

АУТЕНТИЧНЫЕ ТЕКСТЫ О СПОРТЕ В ОБУЧЕНИИ РКИ: ЖАНРОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ И ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

TATIANA A. SIROTKINA, EKATERINA M. ANANYEVA, ELENA D. BRYZGALINA,
IRENA R. KURALEVA, MARIA M. SIZYKH, FATEN M. AL-NAJAR
AUTHENTIC TEXTS ON SPORTS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE:
GENRE VARIABILITY AND LINGUODIDACTIC VALUE

В статье рассматривается возможность использования аутентичных текстов о спорте в обучении РКИ. Анализируются современные лингвистические концепции как основа практики обучения РКИ, определяется роль спортивного дискурса в современной коммуникации, описывается лингводидактический потенциал аутентичных текстов о спорте. Делается вывод о том, что набор тем в обучении РКИ, отражая существенные аспекты жизни российского общества, должен демонстрировать студентам разнообразие устных и письменных жанров современной русской речи и обладать существенным лингвокультурологическим потенциалом, который целесообразно выявлять на фоне соотносимой информации, релевантной для родной лингвокультуры обучающихся. Работа с аутентичными текстами о спорте, отобранными с учетом жанрово-стилевой вариативности, стратифицированными в соответствии с требованиями к уровням владения русским языком и снабжёнными системой коммуникативно ориентированных (в том числе и игровых) заданий, позволяет студентам осваивать не только тематические номинативные и эмоционально оценочные языковые средства, но и употреблять их в связанных со спортом эмоциональных ситуациях с учётом русских поведенческих норм, что способствует формированию у иностранцев русской коммуникативной компетенции, в том числе и её эмоциональной и эмотивной составляющих.

Ключевые слова: аутентичный текст, русский язык как иностранный, спортивный дискурс, лингводидактическая интерпретация текста

The article discusses the possibility of using authentic texts about sports in teaching RFL, analyzes modern linguistic concepts as the basis for the practice of teaching RFL, determines the role of sports discourse in modern communication, describes the linguodidactic potential of authentic texts about sports. It is concluded that the set of topics in teaching RFL, reflecting the essential aspects of the life of Russian society, should demonstrate to students the diversity of oral and written genres of modern Russian speech and have significant linguocultural potential, which is advisable to identify against the background of correlated information relevant to the native linguistic culture of students. Working with authentic texts about sports, selected taking into account genre and style variability, stratified in accordance with the requirements for the levels of Russian language proficiency and equipped with a system of communicatively oriented tasks (including games), allows students to master not only thematic nominative and emotionally evaluative linguistic means, but also to use them in emotional situations related to sports, taking into account Russian behavioral norms, which contributes to the formation of Russian communicative competence in foreigners, including its emotional and emotive components.

Keywords: authentic texts; sports; Russian as a Foreign language; genre variability; linguodidactic value.

Татьяна Александровна Сироткина

Доктор филологических наук, профессор
► sirotkina71@mail.ru
Сургутский государственный педагогический университет

Екатерина Михайловна Ананьева

Кандидат философских наук,
старший преподаватель
► e.ananeva@spbu.ru
Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета

Елена Дмитриевна Брызгалина

Преподаватель
► chugunova_elena12@mail.ru
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ирена Робертовна Куралёва

Кандидат филологических наук, доцент
► 0307irena@gmail.com
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Мария Михайловна Сизых

Старший преподаватель
► sizykh_maria@mail.ru
Байкальский государственный университет

Фатен Мухаммед Аль-Наджар

Доктор исторических наук, профессор
► fatena_mn@yahoo.com
Университет Абу-Даби
(Объединённые Арабские Эмираты)

1. Современные лингвистические концепции как основа практики обучения РКИ

В соответствии с актуальными тенденциями в мировой лингводидактике основным направлением преобразования практики преподавания русского языка как иностранного (далее — РКИ) стала когнитивно-коммуникативная научная парадигма, предполагающая обучение русскому языку одновременно и как средству общения, и как источнику сведений о русской картине мира. Данный подход, с одной стороны, фокусирует организацию обучения РКИ на такой единице, как дискурс, поскольку именно дискурс — это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата)» [Караулов 1989: 8], а с другой стороны — требует учёта того факта, что «формы языка мы усваиваем только в формах высказываний и вместе с этими формами. Формы языка и типические формы высказываний, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом. Научиться говорить — значит научиться строить высказывания (потому что говорим мы высказываниями, а не отдельными предложениями и, уж конечно, не отдельными словами). Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические)» [Бахтин 1986: 448–449]. В связи со сказанным, набор тем учебного курса по РКИ, отражая существенные аспекты жизни русского человека и российского общества, должен одновременно демонстрировать иностранцу по отношению к каждой теме и сфере общения разнообразие жанров русской письменной и устной речи (см. о лингвистических основаниях и методических принципах современного подхода к преподаванию РКИ, например, в [Хорохордина 2018]).

Целью настоящей статьи является демонстрация лингвометодического потенциала аутентичных текстов о спорте по отношению к уровням владения РКИ.

2. Спортивный дискурс в современной коммуникации и лингводидактике

Спорт занимает значительное место в современном мире и как зона демонстрации физических

возможностей человека, и как сектор бизнеса и политики, и как часть образа жизни современного человека, и как сфера коммуникации. Он притягателен своей динамичностью и эмоциогенностью. Немецкий исследователь культуры повседневности Петер Слотердаjk подчёркивает, что независимо от того, приобщается ли человек к спорту как зритель или как участник, спорт формирует поле высокого напряжения, стремление вверх, «вертикальное натяжение» (Vertikalspannung) [Sloterdijk 2009: 48–49], привлекая людей большей динамичностью и яркостью, чем их привычная жизнь, ориентированная на нормативные для поведения современного человека «меру и сдержанность» [Слотердаjk, Хайнрихс 2015: 33]. В «нормальной» жизни «чрезмерно» эмоциональные жанры, характерные, например, для речи болельщиков, фактически полностью редуцированы, что, в частности, критически отмечает известными работами по герменевтике и эстетике Ханс-Ульрих Гумбрехт в своей книге с говорящим названием «Похвала красоте спорта» [Гумбрехт 2009], выделяя тем самым и ещё один аспект спорта — эстетический. Таким образом, освоение в аудитории РКИ темы спорта позволяет обучать иностранцев не только тематическим средствам номинации, но и эмотивно-оценочным единицам, что способствует формированию у инофонов соответствующей нормам русского коммуникативного поведения эмоциональной и эмотивной компетенций [Шаховский 2009: 39].

С широкой причастностью к сфере спорта большого числа людей в разных социальных и коммуникативных ролях связаны особенности формирования языкового облика спортивного дискурса и его влияние на речь других сфер общения. Как отмечают исследователи, «происходит взаимонаправленная трансформация языковых единиц: с одной стороны, лексика из разных видов человеческой деятельности получает в спортивном контексте новое звучание, с другой, — единицы, относящиеся изначально исключительно к сфере спорта, получают семантическое развитие за пределами спортивного дискурса» [Сергеев, Бондарева, Праздницына 2019: 485].

В силу широкого интереса к спорту при ограниченности доступа на «живые» спортивные мероприятия большинство первичных текстов

спортивной тематики порождается в сфере медийной коммуникации, где выделяются такие группы жанров, как информационные, аналитические, художественно-публицистические, рекламные [Добросклонская 2008: 42–43]. К спортивным информационным жанрам прежде всего относятся новостные сообщения о событиях в мире спорта, текстовые интернет-трансляции матчей спортивных игр, спортивные радио- и телерепортажи. Спортивные медиатексты аналитических (комментарий, статья, интервью, обзор) и художественно-публицистических жанров (очерк, эссе) сегодня, как правило, отражают широкое взаимодействие разных пластов стилистических средств от обиходно-бытового, повседневного до литературно-художественного. Наблюдается и тенденция к смещению границ жанров, их гибридизации, что особенно характерно, по наблюдениям исследователей, для так называемых новых спортивных СМИ, связанных со спортивными шоу или спортивной интернет-коммуникацией [Малышева 2011: 8].

Тема спорта, согласно государственным образовательным стандартам и требованиям к сформированности коммуникативной компетенции в сфере РКИ, включена в тематическую основу обучения на каждом из уровней владения РКИ в составе блока «Свободное время, отдых, интересы» [Государственный образовательный стандарт 1999, 2001а, 2001б; Требования 2009], при этом начиная с уровня В2 и выше её освоение в аспекте РКИ сопрягается со стилистической вариативностью, а на уровнях С1 и С2 — и с личностно-ориентированным измерением, предполагающим в том числе знакомство как с текстами о выдающихся деятелях спорта, так и с текстами, созданными ими [Нахабина и др. 2001; Иванова и др. 1999а; Иванова и др. 1999б; Владимирова и др. 2001; Андрушина и др. 2009]. Словом, присутствие спортивной тематики предполагается на всех этапах обучения РКИ с усложнением текстов в структурном и информативном планах по мере повышения уровня обучающихся во владении русским языком.

3. Аутентичные тексты о спорте в обучении РКИ

Для практики обучения владению русским языком как иностранным особенно ценна возмож-

ность опоры в обучении на аутентичные тексты — такие тексты, которые изначально не создавались с ориентацией на практику обучения, не адаптировались под эти задачи, но позволяют студентам знакомиться с оригинальными образцами современной русской речи. Когнитивно-коммуникативное направление современного обучения обуславливает интерес к широкому кругу источников, при этом «рецепты, песни, опросы, прогнозы погоды, газетные статьи, рекламные странички, литературные тексты» [Рогалева 2019: 136] призваны служить образцами текстов, которые функционируют в реальной коммуникации. Роль аутентичного текста состоит в том, что он «мотивирует обучающегося, ставя его на место носителя языка и позволяя ему иметь прямой доступ к языку, как с точки зрения культуры, так и с точки зрения языка» [Рогалева 2019: 137].

В связи со сказанным особенно значима проблема отбора аутентичных текстов, которые можно без адаптации предложить аудитории, начиная уже с низких уровней владения языком. В нашем случае для решения учебных задач на элементарном и базовом уровнях (А1-А2) могут быть использованы такие тексты спортивного дискурса, как **афиши** спортивных мероприятий, а также **заголовки** и **анонсы** материалов СМИ, включающие в себя, например, сообщения о результатах спортивных баталий, победах и проигрышах спортсменов.

Для первого сертификационного уровня (В1) считаем уместным использовать **новостные сообщения** о спорте. Например, интернет-сообщение о переносе европейского футбольного чемпионата в связи с эпидемией коронавируса, представленное в сети Интернет. Текст представляет собой три информативных монолога: сообщение ведущей программы «Время», речь репортера и переведенная с английского языка речь интервьюируемого. Языковые особенности представлены в таком тексте наличием спортивной соревновательной лексики: *футбольный чемпионат, турнир, финал Еврокубка, первенство Европы*, употребление спортивной лексики в переносном значении *удар коронавируса пропускает большой спорт, взяли тайм-аут минимум до 10 апреля*, временные конструкции *этим летом, до 10 апреля, с 11 июня по 11 июля 2021 года*.

Работу с данным материалом и подобными ему логично построить без опоры на письменной текст: учащимся может быть доступна письменная версия звучащего текста только после выполнения всех заданий. Предтекстовые задания логично сосредоточить на введении в тематику текста, языковое и смысловое прогнозирование с опорой на иллюстрацию, на снятие лексических трудностей, семантизацию новой лексики, лексико-грамматическую работу с языковыми единицами. Притекстовые задания могут быть направлены на разные типы восприятие информации при прослушивании: аудирование с поиском заданной информации (например, *Какое событие произойдёт летом 2021 года?*), аудирование с общим пониманием информации (*О чём это сообщение?*) или аудирование с полным пониманием информации (в качестве опоры может быть предложен тест множественного выбора, заполняемый в ходе прослушивания или после него). После текстовые задания можно сформулировать как задания на подстановку усвоенных слов и выражений, на пересказ воспринятой новостной информации в режиме обыденного диалогического общения с её последующим комментированием и обсуждением.

Для решения коммуникативных задач в объеме второго сертификационного уровня (B2), как предписывают Требования, иностранец должен уметь вербально реализовывать оценочные интенции, например, хвалить, порицать, осуждать, одобрять, высказывать радость, восхищение, удивление, разочарование [Андрюшина и др. 2009: 8–9]. Для формирования данных коммуникативных навыков считаем целесообразным использовать жанр «кричалки», так как, являясь речевым жанром с оценочной доминантой, дополняемой в некоторых случаях императивными и информативными элементами, он реализует прежде всего коммуникативное намерение поддержки и прославления родной команды и деморализации, осуждения, высмеивания и уничижения противника. Разумеется, необходим тщательный отбор кричалок с преимущественно эксплицитным выражением содержания.

Предтекстовую работу в аудитории целесообразно начать с беседы с опорой на фотографии команд разных футбольных клубов, предлагая студентам ответить на вопросы и выполнить задания типа:

- Как Вы думаете, какая тема сегодняшнего урока?
- Что такое «Динамо», «Спартак», «Рубин», «Локомотив», «Ростсельмаш»?
- Какой футбольный клуб называют «Локо»? Почему?
- Опишите форму спортсменов. Почему на футболках футболистов из клуба «Локомотив» написано «РЖД»?

Кроме того, необходимо в ходе беседы актуализировать лексические единицы спортивной соревновательной тематики (например, *болеть за кого? сломить кого? обойти кого? поддержать кого? оставить кого? болельщик, фанат, трибуна, команда, клуб, форма, и т. п.*), а также оценочные фразеологические сочетания (*высший класс, звёздный час, высшая школа, болеть всей душой*).

Активизации знаний о каждом из клубов, изображённых на иллюстрациях, будет способствовать задание, направленное на восполнение во фрагменте «кричалки» его пропущенного названия:

Красно-белые, вперёд!
Вас никто не обойдёт.
Знаем мы наверняка,
что нет сильнее!
Ред-грин, Ред-грин
Ты сердце моё,
Зелено-красные цвета
Со мною навсегда!

Немаловажно, что данное задание требует фокусирования как на содержании (поиск соответствия между цветовой гаммой формы игроков и названием их клуба), так и на рифме, которая может «подсказать» пропущенное слово. Таким образом, здесь «кричалки» становятся материалом не только для существенного обогащения знаний инофонов о спорте в стране изучаемого языка, но и для совершенствования фонетических навыков. Студентов стоит стимулировать и к говорению при выполнении данного задания, предложив аргументировать свой выбор названия команды для восполнения пропуска в «кричалке».

Притекстовые задания могут быть направлены на развитие умения соотносить речевые стереотипы с выражаемыми ими оценочными коммуникативными намерениями. Для этого обучающимся предлагается прослушать несколько фрагментов «кричалок», объединённых общей интенцией, и определить её путём выбора из предложенных вариантов, например:

- а) восхваление силы команды;
- б) выражение болельщиками верности своей команде;
- в) выражение болельщиками любви к своей команде;
- г) подбадривание команды для активизации её атакующих действий.

1. Нет сильнее Спартака... / Локо — это сила... / Rubin сильнее всех...

2. Вперёд, мой клуб! Вперёд, родной! / Спартак, иди вперёд...

3. Лишь в одну команду мы верим! За неё всегда мы болеем! Никогда в беде не оставим! / Мы пришли болеть! За своих ребят!

4. «Спартак» Москва — моя любовь! / Эй! «Динамо», ты мой любимый клуб!

В послетекстовой работе можно использовать игровые задания. Например:

Представьте, что Вы футбольные фанаты. За какую команду Вы болеете? Составьте футбольные кричалки на основе выделенных моделей из предыдущих упражнений. Поддержите своей кричалкой футболистов любимой команды.

При этом на экране демонстрируется запись футбольного матча. Преподаватель останавливает запись в любой момент, когда на экране появляются спортсмены определённого клуба, студенты должны поддержать кричалкой игрока или команду, фанатов которого они представляют.

На уровне В2 студентам может быть предложен поликодовый художественно-публицистический текст — видеоочерк, например, «Лев Яшин — величайший вратарь за всю историю футбола!» (фрагмент документального фильма). Жанровая принадлежность данного текста может быть определена как монолог описательно-повествовательного характера с элементами рассуждения и эксплицитно выраженной оценкой. Главной методической целью при работе со звучащим текстом является развитие аудитивных навыков, поэтому предлагается задание на понимание основного содержания видеоочерка, а также на понимание наиболее значимой смысловой информации, отражающей намерения говорящего. После прослушивания текста можно предложить тестовые задания с множественным выбором:

1. У Льва Яшина было ... детство

- А) счастливое
- Б) трудное
- В) беззаботное

2. В своём первом футбольном матче Л. Яшин ...

- А) показал себя прекрасным вратарём
- Б) пропустил мяч в свои ворота

В) никак не смог себя проявить

<...>

Автор фильма рассказывает о Льве Яшине с ...

- А) гордостью и благодарностью
- Б) удивлением и восхищением
- В) удовольствием и надеждой

Автор фильма от слушателей ...

- А) ждет обратной связи
- Б) ждет сочувствия
- В) ничего не ждет

Данный текст относится к публицистическому стилю речи, он написан в жанре биографического очерка. Поэтому можно предложить задания на сравнение информационной структуры стандартного текста биографии известного человека с данным текстом:

А. Вспомните, как пишутся биографии известных людей. Заполните в таблице колонку, составив план типового текста «Биография известного человека».

Б. На основании видеоочерка заполните в таблице колонку «Биография Льва Яшина».

Биография известного человека	Биография Льва Яшина
1. Где и когда родился.	1. ...
2. В какой семье: родители.	2. ...
...	

В. Как вы объясните тот факт, что в видеоочерке не рассказывается о некоторых фактах биографии Льва Яшина? (Кто адресат этого фильма?)

Результаты проведённого анализа видеоочерка о Льве Яшине могут выступать в качестве информационной модели и её речевой реализации в биографическом очерке при создании собственного рассказа учащегося о жизни, достижениях и неудачах своего любимого спортсмена. Для этих целей в послетекстовой работе небезынтересно применить проектный метод и, разделив группу на 2-3 команды, предложить каждой создать очерк о своём любимом спортсмене, используя в презентации доступные фото- и видеоматериалы.

Обратим внимание на то, что в сегодняшней русской лингвокультуре существенное место занимают **эго-тексты**, представляющие собой «корпус автобиографических текстов, существующий в многообразии жанров скрепой которых является авторское «Я», выступающее генерирующим центром идей, переживаний и действий» [Митина 2008: 3].

С такого типа текстами при освоении темы спорта в РКИ следует знакомиться уже на уровне В2, причём целесообразно начинать с жанра **интервью**, где текст сегментирован на вопросно-ответные единства, которые, по наблюдениям К.А. Роговой, «обнаруживают определённые закономерности в своей организации, <...> в области индивидуальных тем ведущим становится соотношение событие / факт или, может быть, точнее — общее положение и его конкретизация, в том или другом порядке» [Рогова 2019: 51], что облегчает инофонам восприятие информации. Указанный алгоритм нашёл подтверждение при анализе нами фрагмента беседы журналиста с легендарной фигуристкой Ириной Родниной. Выявленные закономерности в развёртывании автобиографической информации в интервью спортсмена позволяют организовать работу в аудитории РКИ над развитием умений прогнозирования.

Работу над эго-текстами имеет смысл продолжить на третьем сертификационном уровне (С1), где мы предлагаем такой жанр, как **биографическое эссе** — рассказ спортсмена о своей жизни в спорте. Текст данного жанра может отличаться активным использованием элементов разговорного стиля, оценочной лексики, разговорных форм личных имен и обращений. Поэтому предтекстовая работа может строиться в форме подводящего диалога: Встречались ли вы с формами обращения *мам, пап* вместо *мама, папа*? Или *Иваныч, Михална* вместо *Олег Иванович, Ирина Михайловна*? В каких ситуациях русские используют данные формы? Какое отношение может выражать говорящий, используя при обращении к собеседнику форму личного имени *Лёха* вместо *Алексей, Алёша*? Какую роль в русской речи играют прозвища?

Важным в работе на данном уровне освоения языка представляется анализ стилистической роли синтаксических средств. Поэтому логично будет включить в притекстовые задания не только работу с лексическими единицами текста о спорте, но и ответ, например, на вопрос о том, почему автор, вспоминая конкретные ситуации, использует не прямую, а косвенную речь. Послетекстовые задания должны быть направлены на адаптацию полученной информации к личному опыту, например, обучающиеся излагают в жанре эссе

свои размышления на тему «Кого можно назвать легендой спорта?»

Обратим внимание на ещё одну особенность работы с текстами о спорте в сфере РКИ. Следует помнить, что Россия — страна с богатыми спортивными традициями и выдающимися достижениями как в летних, так и в зимних видах спорта, однако некоторые из видов спорта могут оказаться экзотическими для жителей стран с другим климатом и иными традициями. В связи с этим всегда стоит, говоря об определённом виде спорта, найти информацию о его развитии на родине студентов. Скажем, в арабской аудитории разговор о выдающихся достижениях в фигурном катании Ирины Родниной стоит сопроводить информацией об усилиях по развитию фигурного катания в ОАЭ единственной в арабском мире фигуристки, выступившей на международных соревнованиях, Захры Лари.

4. Заключение

Набор тем в обучении РКИ, отражая существенные аспекты жизни российского общества, должен демонстрировать студентам разнообразие устных и письменных жанров современной русской речи и обладать существенным лингвокультурологическим потенциалом, который целесообразно выявлять на фоне соотносимой информации, релевантной для родной лингвокультуры обучающихся. Работа с аутентичными текстами о спорте, отобранными с учетом жанрово-стилевой вариативности, стратифицированными в соответствии с требованиями к уровням владения русским языком и снабжёнными системой коммуникативно ориентированных (в том числе и игровых) заданий, позволяет студентам осваивать не только тематические номинативные и эмоционально-оценочные языковые средства, но и употреблять их в связанных со спортом эмоциогенных ситуациях с учётом русских поведенческих норм, что способствует формированию у иностранцев русской коммуникативной компетенции, в том числе и её эмоциональной и эмотивной составляющих.

ИСТОЧНИКИ

Иванова и др. 1999а — Иванова Т.А., Попова Т.И., Рогова К.А. и др. Государственный образовательный стандарт

по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение. М.–СПб.: Златоуст, 1999.

Иванова и др. 1999b — Иванова Т.А., Попова Т.И., Рогова К.А. и др. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение. М.–СПб.: Златоуст, 1999.

Владимирова и др. 2001 — Владимирова Т.Е. и др. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. М.–СПб.: Златоуст, 2001.

Нахабина и др. 2001 — Нахабина М.М. и др. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. М.–СПб.: Златоуст, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1986 — Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. В кн.: Бахтин М.М. *Литературно-критические статьи*. М., 1986.

Гумбрехт 2009 — Гумбрехт Х.У. *Похвала красоте спорта*. М.: Исторические исследования, 2009.

Добросклонская 2008 — Добросклонская Т.Г. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ*. М., 2008.

Караулов Петров 1989 — Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. В кн.: ван Дейк Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Прогресс, 1989. С. 5–11.

Мальшева 2008 — Мальшева Е.Г. *Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011.

Митина 2008 — Митина С.И. *Философский эго-текст: бытие в культуре*. Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2008.

Рогалева 2019 — Рогалева А.А. Концепция аутентичности учебного языкового текста. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019, т. 8, (1 (26)): 136–138.

Рогова 2019 — Рогова К.А. Интервью как эго-жанр: ориентиры человека культуры В сб.: *Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Тезисы докладов международной научной конференции*. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. С. 50–52.

Сергеев, Бондарева, Праздницына 2019 — Сергеев С.А., Бондарева Е.П., Праздницына Ю.С. Специализированные тексты спортивной тематики на уроках РКИ. В сб.: *Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сб. науч. статей к 30-летнему юбилею Санкт-Петербургского института иностранных языков. Серия «Концептуальный и лингвальный миры»*. СПб., 2019. С. 484–489.

Слотердаjk, Хайнрихс 2015 — Слотердаjk П., Хайнрихс Г. *Солнце и смерть. Диалогические исследования*. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.

Андрюшина и др. 2009 — Андрюшина Н.П. и др. *Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант*. М. – СПб.: Златоуст, 2009.

Хорохордина 2018 — Хорохордина О.В. Лингвистические основания и методические принципы современного учебника по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа обучения. *Ценности и смыслы*. 2018 (5 (57)): 152–167.

Шаховский 2009 — Шаховский В.И. *Язык и эмоции в аспек-*

те лингвокультурологии: учеб. пособ. по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та. Волгоград: Перемена, 2009.

Sloterdijk 2009 — Sloterdijk P. *Du must dein Leben ändern. Über Religion, Artistik und Anthropotechnik*, 2009. S.48–49.

REFERENCES

Бахтин 1986 — Bahtin M.M. The problem of speech genres. In: Bahtin M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i*. Moscow, 1986. P. 428–472. (In Russian)

Гумбрехт 2009 — Gumbrecht H.U. *Praise for the beauty of the sport*. Moscow, 2009 (In Russian)

Добросклонская 2008 — Dobrosklonskaya T.G. *Medialinguistics: a systematic approach to learning the language of the media*. Moscow, 2008. (In Russian)

Караулов Петров 1989 — Karaulov Ju.N., Petrov V.V. From grammar of text to cognitive discourse theory. In: T.A. van Deijk. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija*. M.: Progress, 1989. P. 5–11. (In Russian)

Мальшева 2008 — Malysheva E.G. *Russian sports discourse: theory and methodology of linguo-cognitive research*. Author's abstract. dis. ... Dr. Filol. sciences. Omsk, 36 p. (In Russian)

Митина 2008 — Mitina S.I. *Philosophical his-text: being in culture*. Author. diss. ... Doctor of Philosophy. Saransk, 43 p. (In Russian)

Рогалева 2019 — Rogaleva A.A. The concept of authenticity of educational language text. *Baltiiskij humanitarnyj zhurnal*. 2019, v. 8, (1 (26)): 136 – 138. (In Russian)

Рогова 2019 — Rogova K.A. Interview as his-genre: landmarks of a person of culture. In: *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovanij. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Azhur», 2019. P. 50–52. (In Russian)

Сергеев, Бондарева, Праздницына 2019 — Sergeev S.A., Bondareva E.P., Prazdnicyna Y.S. Specialized texts on sports topics in the lessons of RKI. In: *Lingvistika XXI veka: tradicii i innovacii: sb. nauch. statej k 30-letnemu yubileju Sankt-Peterburgskogo instituta inostrannykh yazykov. Seriya «Konceptual'nyj i lingval'nyj miry»*. Sankt-Peterburg, 2019. P. 484–489. (In Russian)

Слотердаjk, Хайнрихс 2015 — Sloterdajk P., Hajnrrihs G. *Sun and death. Dialogue research*. Moscow: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2015 (In Russian)

Андрюшина и др. 2009 — Andryushina N.P. & oth. *Requirements for Russian as a foreign language. First level. Shared ownership. Second level*. Moscow–Sankt-Peterburg.: Zlatoust, 2009. 32 s. (In Russian)

Хорохордина 2018 — Khorokhordina O.V. Linguistic foundations and methodological principles of a modern textbook on Russian as a foreign language for an advanced stage of education. *Cennosti i smysly*. 2018 (5 (57)): 152–167. (In Russian)

Шаховский 2009 — Shahovskij V.I. *Language and emotions in the cultural linguistics: textbook in elective subjects “Language and Emotions” and “Linguoculturology of Emotions” for students, undergraduates and postgraduates of Institute of foreign lang., Volgogr. state ped. university*. Volgograd: Peremena, 2009. (In Russian)

Sloterdijk 2009 — Sloterdijk P. *Du must dein Leben ändern. Über Religion, Artistik und Anthropotechnik*, 2009. P.48–49.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЕКТА «СИМВОЛЫ РОССИИ»

NATALIA S. SHUBINA

PROJECT WORK WITH FOREIGN AUDIENCE IN TEACHING RUSSIAN LANGUAGE: ORGANIZATION EXPERIENCE OF THE PROJECT "SYMBOLS OF RUSSIA"

В статье представлен опыт организации проектной деятельности иностранных учащихся в рамках дисциплины «Страноведение России» на примере китайских студентов, обучающихся по программе двойного диплома Петрозаводского государственного университета и Анхойского педагогического университета КНР по направлению «Филология». В ходе проведения исследования были использованы методы перспективного моделирования учебных ситуаций, методы интерпретативного и контекстуального анализа, а также наблюдение за работой обучающихся в ходе осуществления проектной деятельности и обобщение личного практического опыта в учебном процессе. В статье описаны принципы и этапы работы над проектом «Символы России». Реализация каждого из этапов проекта в иностранной аудитории, в частности китайской аудитории, имеет свои специфические особенности. В статье анализируются затруднения иностранных студентов, плохо знакомых с реалиями России, при выборе символа, отражающего характер, менталитет и духовные ориентации русского народа; недочеты при самостоятельном подборе материала и описании выбранного символа в связи с недостаточно свободным владением русским языком; ошибки при подготовке презентации, недостатки в ходе выступления перед аудиторией с докладом. Показан лингвострановедческий потенциал отдельных символов (культурных, архитектурных, технических и др.), а также способы адаптации описания артефактов России для иностранных студентов, владеющих русским языком на разных уровнях. Представлены рекомендации преподавателям, планирующим организацию проектной деятельности в иноязычной аудитории.

Ключевые слова: эффективные методы обучения, метод проектов, страноведение, лингвострановедение, символы России

The article presents the experience of organizing project work with foreign students within the discipline "Russian Area Studies" on the example of Chinese students studying under the double diploma program at Petrozavodsk State University and at Anhui Pedagogical University of the People's Republic of China in the "Philology" field. In the research work there were used methods of perspective modeling of educational situations, methods of interpretive and contextual analysis, as well as monitoring of students' work during the implementation of the project and summarizing personal practical experience in the educational process. The article describes principles and stages of work on the "Symbols of Russia" project. The implementation of each stage of the project in the foreign audience, in particular the Chinese one, has its own specific features. The author analyzes some difficulties of foreign students, who are not familiar with Russian realities, in their choosing symbols that reflect the character, mentality and spiritual orientations of the Russian people; shortcomings in the independent selection of the material and description of the chosen symbol due to insufficient fluency in the Russian language; mistakes in the presentation preparation; shortcomings in the report presentation to the audience. The article indicates linguistic and cultural potential of particular cultural, architectural, technical,

**Наталья Сергеевна
Шубина**

Кандидат филологических наук, доцент

► nfomina81@yandex.ru

*Петрозаводский государственный
университет*

Петрозаводск, проспект Ленина, д. 33

Shubina Natalia

*Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Lenin avenue, 33*

and other symbols, as well as the ways of adapting the description of Russian artifacts for foreign students who speak Russian at different levels, and gives some recommendations to teachers planning to organize project activities for foreign-language audience.

Keywords: effective teaching methods; project method; country and area studies; language studies; symbols of Russia.

Проектная деятельность как один из приемов обучения

Внедрение проектного обучения как дидактического приема в современную систему российского высшего образования обусловлено федеральным образовательным стандартом образования, в соответствии с требованиями которого выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен быть готов к решению различных профессиональных задач, в том числе к участию в проектной деятельности и ее реализации. Проектное обучение — это вид специально организованной деятельности студентов, направленной на проведение исследования, ограниченного во времени, результаты которого должны быть представлены в виде какого-либо конечного продукта деятельности.

Метод проектов и исследовательская деятельность являются сегодня «востребованными образовательными технологиями, которые применяются практически во всех предметных областях» [Казакова 2013: 102], по ряду причин. Проектная деятельность, синтезируя в себе «элементы познавательной, преобразовательной, профессиональной, трудовой, исследовательской, коммуникативной, учебной и практической деятельности» [Антюхов 2010: 27], повышает мотивацию студентов и их самостоятельность при освоении материала, раскрывает их творческий потенциал, «способствует преодолению культурного барьера в общении и адекватному взаимодействию с представителями других культур» [Буре 2017: 30], «позволяет сделать учебный процесс лично значимым для студента» [Дмитриева 2018: 26], «формирует личную ответственность за результаты своей деятельности» [Казабеева 2014: 137].

Существуют различные виды проектов, реализуемых в вузах: 1) индивидуальные и групповые, 2) исследовательские, инженерно-конструкторские, организационные, стратегические и арт-проекты [Евстратова, Исаева, Лешукова 2018: 22], 3) моно-

проекты, межпредметные и надпредметные проекты [Авилова, Кислякова 2017: 143], 4) краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные, 5) проекты с открытой, явной и скрытой координацией и др. Структура проектов разных типов, этапы выполнения проектов, описание полученных результатов достаточно подробно освещены в научно-методической литературе, однако особенности проектной деятельности в иноязычной аудитории затронуты крайне скупо.

Целью данной работы является описание проекта «Символы России», реализуемого в рамках курса «Страноведение России», изучением которого занимаются китайские студенты, обучающиеся по программе двойного диплома Петрозаводского государственного университета и Анхойского педагогического университета КНР по направлению «Филология».

В ходе проведения исследования были использованы методы перспективного моделирования учебных ситуаций, методы интерпретативного и контекстуального анализа, а также наблюдение за работой обучающихся в ходе осуществления проектной деятельности и обобщение личного практического опыта в учебном процессе.

Цели и задачи проекта «Символы России»

При изучении иностранного языка невозможно обойтись без знакомства с культурой, историей, достопримечательностями, природой, традициями и обычаями населения, говорящего на этом языке: «изучение мира носителей языка направлено на то, чтобы помочь понять особенности речеупотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические и тому подобные коннотации единиц языка и речи» [Тер-Минасова 2008: 31]. Достижению этой цели способствует курс «Страноведение России», который предполагает погружение иностранных студентов, изучающих русский язык, в реалии повседневной действительности русского народа.

При разработке программы обучающей дисциплины «Страноведение России» учитывался опыт преподавателей-практиков, считающих основной задачей изучения данного курса создание целостной картины, отражающей характер, менталитет и духовные ориентации народа «на основе исторических фактов, достижений отечественной научной мысли и новой информации, высказываний

Описание проекта

Тип проекта	<i>Исследовательский с прикладным применением</i>
Название проекта	<i>Символы России</i>
Подразделение — инициатор проекта	<i>Кафедра русского языка как иностранного Института филологии ПетрГУ</i>
Руководитель проекта	<i>Шубина Н. С. — доцент кафедры русского языка Института филологии ПетрГУ</i>
Описание содержания проектной работы	<i>Выявление символов России, характеризующих географию, историю и культуру страны, их описание и представление информации в виде сообщения с презентацией</i>
Цель и задачи проекта	<p><i>Цель проекта:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>изучить символы, характеризующие географию, историю и культуру России, выявить их лингвострановедческий потенциал.</i> <p><i>Задачи проекта:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>определение круга символов, представляющих Россию;</i> • <i>сбор материала по различным источникам (словарям, страноведческим изданиям, интернет-ресурсам);</i> • <i>общение с носителями языка;</i> • <i>анализ и обобщение собранных данных;</i> • <i>представление информации в виде сообщения / презентации</i>
Виды деятельности, выполняемые студентом в проекте / отработываемые навыки	<ol style="list-style-type: none"> <i>1) поиск информации в страноведческой литературе, словарях и в сети Интернет;</i> <i>2) работа с информационными ресурсами;</i> <i>3) обработка большого объема информации;</i> <i>4) работа с текстовым редактором и PowerPoint;</i> <i>5) выступление с докладом перед аудиторией</i>
Сроки реализации проекта	<i>6 семестр, 14 недель</i>
Тип занятости студента	<i>контактная и удаленная работа</i>
Интенсивность (часы в неделю)	<i>2 ч. в неделю (в рамках общего количества часов, выделяемых на самостоятельную работу)</i>
Вид проектной деятельности	<i>индивидуальная</i>
Требования к студентам, участникам проекта	<p><i>Умение работать со специальной, научной и справочной литературой</i></p> <p><i>Умение анализировать и обобщать полученную информацию</i></p> <p><i>Умение пользоваться электронными ресурсами</i></p> <p><i>Базовые навыки работы в текстовом редакторе и PowerPoint</i></p> <p><i>Усидчивость</i></p> <p><i>Ответственность</i></p> <p><i>Организованность</i></p> <p><i>Владение русским языком на уровне не ниже B2</i></p> <p><i>Творческие навыки</i></p>
Планируемые результаты проекта	<i>Сообщение с презентацией</i>
Образовательные программы	<i>направление «Филология», профиль «Русский язык как иностранный»</i>

многих замечательных сынов России» [Вьюнов 2017: 5]. Страноведческий материал должен помогать обучающимся не только в овладении лексикой и грамматикой, но в формировании умения «понимать культурные и социальные особенности поведения носителей языка и знаковые отсылки к традициям» [Токарева 2004: 3]. По сути, дисциплина «Страноведение России» — это не только знакомство с географическими, историческими, экономическими, социально-политическими фактами о государстве, но и создание фоновых пред-

ставлений о России, помогающих в осмыслении дополнительной семантической нагрузки слов и высказываний носителей русского языка.

Многоаспектность этой учебной дисциплины, в рамках которой необходимо представить обучающимся разнообразную информацию, наталкивает на мысль об использовании в процессе обучения метода проектов, в связи с чем студентам из Китая было предложено участие в проекте «Символы России», идея создания которого возникла под влияни-

ем коллекции «Моя страна. Собери карту России» (издатель — ООО «Ашет Коллекция»)¹. Цель этого проекта — представление наиболее ярких и значимых достопримечательностей страны, артефактов истории и культуры России, а также выявление их лингвострановедческого потенциала.

Этапы реализации проекта «Символы России»

Работа над проектом включает в себя несколько этапов: 1) выбор символа России, 2) подбор материала и описание выбранного символа, 3) подготовка презентации, 4) выступление перед аудиторией с докладом. Реализация каждого из этапов проекта в иностранной аудитории, в частности китайской аудитории, имеет свои специфические особенности.

Первой трудностью стал выбор обучающимися символа России. Перспективность проектной работы во многом определяется содержательной ёмкостью выбранного символа и возможностью выхода на лингвострановедческий комментарий, что говорит о важности данного этапа. Все практикующие преподаватели при организации проектного обучения рекомендуют делать акцент на самостоятельности студентов, которые, ориентируясь на собственные интересы, выбирают объект изучения. Данный принцип позволяет достичь максимальной мотивированности обучающихся, что повышает качество работы.

Однако иностранным студентам сложно определиться с объектом своего исследования вследствие недостаточной степени знакомства с реалиями России. «Навязывание» определенного символа не является выходом из положения, так как блокирует творческую активность обучающихся. Решением проблемы оказалось представление выбора из возможных вариантов в соответствии с общими интересами учащихся: для увлекающихся историей были предложены мемориал «Защитникам Советского Заполярья в годы Великой Отечественной войны» в Мурманске, Обдорский острог и др., для интересующихся природой, животным миром — карельская береза, амурский тигр, камчатские вулканы и др., для стремящихся побольше узнать о культуре России — скульптура «Медный всадник», хохлома, Ипатьевская летопись, кокошник и др., о гастрономических особенностях — морошка, алтайский

мёд, чавыча и др., об архитектурном своеобразии — Спасская башня Московского Кремля, Преображенская церковь архитектурного ансамбля Кижи, Кафедральный собор в Калининграде, Эрмитаж, Дворцовый мост и др., о технических достижениях — порт Дудинка, космодром Плесецк, атомный ледокол «Ленин», Красноярская ГЭС и др.

Предоставление возможных вариантов для изучения позволяет реализовать важную цель проекта — охватить всю Россию территориально, представив наиболее яркие особенности северных и южных, западных и восточных регионов; затронуть разные исторические периоды развития российского государства, включая древние времена, эпоху самодержавия, советский этап, современность.

В 2019–2020 учебном году китайскими студентами были выбраны следующие темы для проектов: «Спасская башня», «Кижи — жемчужина Карелии», «Медный всадник», «Чысхаан — повелитель холода», «Бурый медведь», «Мечеть Кул-Шариф», «Челябинские тракторы», «Атомный ледокол «Ленин»», «Автомобиль «Жигули»», «Русский национальный костюм», «Родина-мать зовёт», «Лиса», «Полезные ископаемые. Алмаз», «Транссибирская магистраль», «Хоккей», «Первый космонавт Гагарин».

Выбранные символы следует признать удачными, так как они позволяют всесторонне описать жизнь русского человека, помогая понять характер, менталитет и духовные ориентации русского. В частности, в ходе обсуждения символа «Мечеть Кул-Шариф» студентка обратила внимание не только на архитектурные особенности памятника, но и на многонациональность России, разнообразие религиозных течений, сосуществующих в гармонии. Также были упомянуты и другие достопримечательности Казани — третьей столицы России.

В докладе о скульптуре «Медный всадник» было сказано не только о мужестве и величии Петра I, силе русского народа, преодолевающего все трудности, но и о Пушкине — солнце русской поэзии, название поэмы которого увековечено в памятнике.

Сообщение о памятнике «Родина-мать зовёт» — главном монументе ансамбля «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане в Волгограде — напомнило о жесточайшей сталинградской битве в годы Великой Отечественной войны

и о стойкости русского народа, сумевшего оказать сопротивление фашистским захватчикам.

Атомный ледокол «Ленин» поразил иностранных студентов, с одной стороны, технической мощью и прогрессивностью научной мысли исследователей послевоенного периода, решившихся применять ядерную силовую установку, с другой — бесстрашием русских моряков, прокладывающих в суровых условиях северный морской путь вдали от родного дома.

Несмотря на то что одним из требований к участникам проекта было заявлено владение русским языком не ниже уровня В1, нужно сказать, что обучающиеся с более низким уровнем также могут заниматься осуществлением проектной деятельности. Рамки проекта «Символы России» являются гибкими и весьма подвижными, глубина анализа зависит от уровня подготовленности участников. Например, студент, владеющий русским языком на элементарном уровне, может выбрать в качестве объекта изучения Деда Мороза, представив внешний вид, функции главного символа русского нового года, сопоставив его с Санта-Клаусом. Для более серьезного анализа можно привлечь к рассмотрению «друзей» Деда Мороза — карельского Талви Укко, татарского Кыш Бабая, казахского Колотун Бабая и др., продемонстрировав многообразие российских регионов, имеющих свои уникальные особенности. Высокий уровень владения русским языком позволяет обучающимся погрузиться в реалии российской культуры и рассмотреть легенды о карельском морозце Паккайне, купеческом сыне, или о любовной истории Чысхаана, якутского повелителя холода.

Следующий этап проекта — подбор материала. Чаще всего современные студенты, как русские, так и иностранные, при поиске информации обращаются к различным электронным ресурсам. Однако несмотря на то, что многие достаточно свободно пользуются веб-сайтами, навык оценивания информации сформирован у обучающихся не в полной мере. В ходе работы над проектом студенты учатся критически относиться к различным интернет-ресурсам, в чем им помогает преподаватель-наставник, рекомендуя обращаться к достоверным источникам. В частности, хорошим помощником в сборе информации по проекту «Символы России» стал мультимедийный лингвострановедческий словарь

«Россия» [Мультимедийный лингвострановедческий словарь 2014-2020].

Помимо слабой ориентации на просторах «русского» Интернета нужно отметить еще одну проблему — отсутствие культуры цитирования: китайские студенты часто «забывают» указывать источник информации, копируя «чужой» текст, не оформляя ссылок на используемые материалы, списки литературы и т.д. Это важная часть исследовательской работы, на которую нужно обращать внимание обучающихся.

Первые (довольно скудные при свободном использовании многообразных интернет-ресурсов) результаты работы по сбору материала заставили внести коррективы. Как оказалось, доступность большого объема информации не всегда обеспечивает хороший результат исследования. Возможно, это объясняется недостаточно свободным владением русским языком, может быть, это проявление особенностей менталитета студентов. Для решения этой проблемы был составлен примерный план доклада, в соответствии с которым обучающимся при подготовке сообщения необходимо было осветить ряд пунктов: 1) название символа (Что это? Как называется? Кто дал название? Почему так называется? Что означает название?), 2) местонахождение символа (Где он находится? В какой части России находится? В каком городе? Где распространено?), 3) описание / характеристика / перечисление свойств и качеств (Какой он? Какой цвет имеет? Какую форму, размер?), 4) символичность (Почему это символ России? Почему этот символ важен для россиян? Какое значение имеет этот символ для россиян? Почему россияне это любят, чтят, уважают? С каким историческим событием связан символ? С какими традициями связан символ? О каких национальных особенностях говорит символ?). Поиск информации по ключевым понятиям, как показала практика, значительно облегчает работу студентам. Отвечая на поставленные вопросы, обучающиеся смогли подобрать интересный материал, всесторонне осветив выбранные объекты, хотя чаще всего не решались выходить за рамки представленного плана, боясь проявить самостоятельность.

Самым сложным оказался последний вопрос, который требует не механического и бездумного

представления энциклопедических сведений, а осмысления содержания доклада. Ответить на вопрос, почему этот символ так важен для россиян, не являясь представителем данной нации, действительно очень трудно, поэтому руководителю проекта необходимо продумать ряд подсказок, направляющих размышления студентов в нужное русло.

Приведем примеры наводящих вопросов: Откуда появилось название острова Кижь? Почему первый российский автомобиль называют «копейкой»? Почему именем Кул-Шарифа названа мечеть? В результате чего появилось название постамента скульптуры «Медный всадник» — Гром-камень? Этимологические изыскания заставляют студентов размышлять о значимости выбранных символов.

Еще один прием, заставляющий студентов делать собственные выводы, — это наблюдение за тем, как исследуемый объект закрепляется в языке в виде фразеологических оборотов, повторяющихся метафор и перифраза. Например, фразеологизмы с компонентом «медведь» (*медведь на ухо наступил, медвежья услуга, медвежий угол*) студентка связала с представлениями носителей языка о внешнем виде медведя и его поведении, а именно о большом размере, неуклюжести, нелюдимости и грозном облике. Интересными были рассуждения другой студентки о номинациях лисы, которую называют рыжей плутовкой, лисичкой-сестричкой, Патрикеевной, кумушкой, коварной хищницей. Представляя символ «Транссибирская магистраль», обучающемуся удалось объяснить, почему железную дорогу России называют «артерией» или «позвоночником» России.

Самым трудным, но эффективным в плане обогащения сообщения способом расширить доклад является вопрос о сопоставлении с традициями своей страны. Наблюдения над межкультурными различиями позволили обучающимся в некоторых случаях выявлять национально-культурные компоненты семантики анализируемых символов. Например, в русских сказках лиса — это олицетворение коварства и хитрости, образ отрицательный, она беззастенчиво пользуется добротой и жалостью других, демонстрируя поведение искусного манипулятора. В китайской же культуре лиса связана с нечистой силой, нередко представлена в виде оборотня (лиса принимает облик красивой девушки

и пленяет своими чарами молодого мужчину), то есть ее демонические силы, сверхъестественные способности проявляются сильнее и отчетливее, чем в русской культуре.

Обязательная часть проектной работы — подготовка презентации: «результат проекта должен быть видимым и иметь некоторые практические последствия» [Чиркова 2020: 60]. На данном этапе обучающиеся продемонстрировали хорошее владение инструментами создания ярких и интересных презентаций: использовали иллюстрации, анимационные эффекты, различные способы выделения ключевой информации, вставляли аудио (например, в презентации о лисе — аудиосказка «Лиса и журавль») и видеофрагменты (например, в презентации о Гагарине — видеофрагмент с запуском ракеты «Восток» и знаменитым «Поехали!»), что помогает создавать визуальную опору для понимания текста сообщения на русском языке в иностранной аудитории.

На данном этапе проявились собственно лингвистические трудности. Во-первых, нетипичные для русскоязычных студентов ошибки, связанные с искажением грамматических форм («что такая мечеть», «из Спасской башни раздались звучные и мелодичные боя», «неприкрепленные стулы»), синтаксических конструкций («гордостью страны “Ленин” является не только первый и самый мощный в мире атомный ледокол, но и самый красивый и удобный»), употреблением слов без учета их семантики («здесь много известных зодчеств», «способности (вместо особенности) памятника»), нарушением орфографических и пунктуационных норм, с которыми руководителю проекта, преподающему русский язык иностранцам, приходится сталкиваться довольно часто. Важно не оставлять без внимания эти недочеты, осознавая, что главной целью проекта наряду с получением страноведческой информации является совершенствование языковых навыков.

Второй проблемой стало использование оригинального «русского» текста без упрощения. Например, при рассказе о Спасской башне студентка из Китая увлеклась архитектурными терминами: «Внизу Спасская башня представлена удлиненным параллелепипедом. В верхней части каждой из его сторон расположены семь полуциркульных оконных рам, выделенных белокаменным поясом. Верхняя

часть башины представлена четвериком с часами, над которым возвышается восьмигранный объём, украшенный арками, колоннами и балюстрадами. Они завершаются восьмигранной крышей с пролётами готической формы». Длинный текст, содержащий специализированную лексику, сложно воспринимать иностранным студентам, это затрудняет понимание, поэтому обучающимся было рекомендовано переработать материал, сократив предложения и применив лексические замены.

Использование неадаптированного текста привело к еще одной проблеме. Студенты применяли перевод на родной язык отдельных слов, в редких случаях — целых предложений, что противоречит основному правилу занятий — преимущественному употреблению русского языка. Совместное обсуждение сформировавшейся проблемы привело к следующему решению: обучающиеся старались представлять информацию на слайдах с помощью более простых конструкций со знакомыми словами и только в случае невозможности замены лексики прибегать к переводу, заранее записывая новые слова на доске.

Еще одна тенденция, которая наблюдалась при реализации проекта в китайской аудитории, состояла в чрезмерном украшении презентации символами и рисунками, не соответствующими тематике выступления: на слайдах о Чысхаане — якутском повелителе холода — присутствовали цветы, яркие летние краски, на слайдах о лисе — красавице русских лесов — символика Китая (красные фонари, традиционные зонтики, пиалы, пергамент с иероглифами и т.д.).

Последний этап — представление проекта — важен для контроля самостоятельности работы студентов, оценки осмысленности подбора материала, определения уровня владения русским языком. Публичное выступление даже у опытного оратора вызывает волнение и трудности, поэтому проблемы обучающихся были предсказуемы. Основные — это фонетические искажения слов вследствие нечеткости артикуляции, а также привязанность к письменному тексту (у многих китайских студентов отлично развит навык чтения, тогда как реализация навыков аудирования и говорения требует приложения особых усилий). Таким образом, проектная деятельность способствует совершенствованию и коммуникативных способностей обучающихся, яв-

ляющихся важной частью обучения русскому языку.

Успешность проведения проекта «Символы России» подтверждается большой заинтересованностью обучающихся, которые в ходе работы не только формировали навык проведения самостоятельных исследований, умение обрабатывать большой объем информации, используя различные ресурсы (научную литературу, словари, энциклопедии, сеть Интернет), но и развивали коммуникативные способности, совершенствовали свои знания в области русского языка, работали над развитием культуроведческой компетенции.

Таким образом, реализация проекта «Символы России» в иноязычной аудитории показала возможность применения и высокую продуктивность данного вида деятельности в ходе организации образовательного процесса. Проект выступил, с одной стороны, приемом обучения, с другой — средством практического применения знаний и умений, полученных в ходе обучения, трансформируя организацию учебного процесса: иностранные студенты, исследуя различные символы России, применяли знание русского языка, одновременно расширяя свое представление о языке и культуре русского народа.

Итак, подведем итоги в виде некоторых рекомендаций преподавателям, планирующим организовывать проектную деятельность в обучении иностранных студентов.

Во-первых, нужно понимать, что работа с иностранными студентами требует от преподавателя большей чуткости и внимательности к обучающимся, так как многие трудности связаны с необходимостью адаптироваться к новому климату, социально-бытовым условиям, культуре.

Во-вторых, важно учитывать некоторые особенности менталитета иностранных учащихся. В частности, китайские студенты отличаются высокой дисциплинированностью, исполнительностью при четко сформулированных задачах и плане работы, однако почти полное отсутствие творческой направленности, неумение (или боязнь) представлять собственное видение, свою точку зрения затрудняет «полет мысли» и делает практически невозможным решение нестандартных задач. Для преодоления этой проблемы руководителю проекта необходимо подумать о стимулирующих творческую активность приемах.

В-третьих, нельзя забывать о том, что страноведческий курс входит в программу обучения студентов русскому языку, потому внимание к лингвистическому аспекту не должно ослабевать. Участие в проекте расширяет знания студентов в области истории России, дает возможность познакомиться с удивительными строениями и произведениями народных умельцев, способствует получению дополнительной информации о природных особенностях страны, но также улучшает владение русским языком, развивает лингвистическое чутье, помогая раскрывать культурный и исторический потенциал языковых единиц, выявлять межкультурные связи, получать дополнительные знания об изучаемом языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Коллекция «Моя страна. Собери карту России» (издатель – ООО «Ашет Коллекция») помимо текстовых материалов, представленных в красочных журналах, включает в себя карту России в виде пазла, фигурки животных, достопримечательностей России, персонажей в традиционных костюмах, которые повышают интерес обучающихся и их вовлеченность в проведение исследования.

ИСТОЧНИКИ

Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия». Инновационный сетевой проект. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2014–2020 г. URL: <https://ls.pushkininstitute.ru>

ЛИТЕРАТУРА

Авилова, Кислякова 2017 — Авилова Е.Р., Кислякова Н.Х. Метод проектов: история возникновения, типология, структура. В сб.: *История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научной конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ*. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2017. С. 143–147.

Антюхов 2010 — Антюхов А.В. Проектное обучение в высшей школе: проблемы и перспективы. *Высшее образование в России*. 2010 (10): 26–29.

Буре 2017 — Буре Н.А. Проектная деятельность и использование новых информационных технологий на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории. *Вестник научных конференций*. 2017 (1–2 (17)): 27–30.

Вьюнов 2017 — Вьюнов Ю. А. Русский культурный архетип: страноведение России: учебное пособие. Москва : Издательство «Флинта», 2017. 496 с.

Дмитриева 2018 — Дмитриева Д. А. Применение метода проектов при обучении русскому языку иностранных студентов-медиков. *Карельский научный журнал*. 2018. Т.7, (1 (22)): 25–28.

Казабеева 2014 — Казабеева В.А. Метод проектов в обучении иностранных студентов русскому языку. *Актуальные про-*

блемы естественных и гуманитарных наук. 2014, (4–2): 137–139.

Казакова 2013 — Казакова Е.В. Метод проектов в системе педагогических технологий обучения русскому языку как иностранному. *Известия Волгоградского государственного технического университета*. 2013. Т.12, (2 (105)): 101–105.

Евстратова, Исаева, Лешуков 2018 — *Проектное обучение: практики внедрения в университетах*. Евстратова Л. А., Исаева, Н. В., Лешукова О.В. (ред.). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2018. 152 с.

Тер-Минасова 2008 — Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово / Slovo, 2008. 264 с.

Токарева 2004 — Токарева Н.Д. *Россия и русские: учебное пособие по страноведению для изучающих русский язык*. Дубна: Издательство Феникс+, 2004. 376 с.

Чиркова 2020 — Чиркова В. М. Основные принципы и этапы проектной деятельности учащихся при изучении иностранного языка. *Региональный вестник*. 2020, (2 (41)): 60–62.

REFERENCES

Авилова, Кислякова 2017 — Avilova E.R., Kisiakova N.Kh. Project method: origin, typology, structure. In: *Proceedings of the conference: Istoriia Rossii i Tatarstana: itogi i perspektivy entsiklopedicheskikh issledovaniy (Russia, Kazan', 31 may)*. Kazan', 2017. P. 143–147. (in Russian)

Антюхов 2010 — Antiukhov A.V. Higher school project education: challenges and perspectives. In: *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2019, (10): 26–29. (in Russian)

Буре 2017 — Bure N. A. Project work and using new information technologies in Russian language classes with a foreign audience. In: *Vestnik nauchnykh konferentsii*. 2017, (1–2 (17)): 27–30. (in Russian)

Вьюнов 2017 — V'iunov, Iu. A. *Russian cultural archetype: Russian country studies*. Moscow, 2017. (in Russian)

Дмитриева 2018 — Dmitrieva D.A. Applying of the project method in teaching Russian to foreign students of medical department. In: *Karelskii nauchnyi zhurnal*. 2018, vol. 7, (1 (22)): 25–28. (in Russian)

Казабеева 2014 — Kazabeeva V.A. Project method in teaching Russian language to foreign students. In: *Aktual'nye problemy estestvennykh i gumanitarnykh nauk*. 2014, (4–2): 137–139 (in Russian)

Казакова 2013 — Kazakova E. V. Method of projects in the system of pedagogical technologies of teaching Russian as a foreign language. In: *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2013, vol. 12, (2 (105)): 101–105. (in Russian)

Евстратова, Исаева, Лешуков 2018 — *Project training: implementation practice in universities*. Evstratova L. A, Isaeva N. V., Leshukov O. V. (ed.). Moscow, 2018 (in Russian)

Тер-Минасова 2008 — Ter-Minasova S.G. *Language and intercultural communication*. Moscow, 2008. (in Russian)

Токарева 2004 — Tokareva N.D. *Russia and Russians*. Dubna, 2004 (in Russian).

Чиркова 2020 — Chirkova V.M. Basic principles and stages of students' project work in foreign language learning. In: *Regional'nyi vestnik*. 2020, (41): 60–62. (in Russian)

Ю. Б. Жидкова,
О. Н. Мазунина

ЭЛЕКТРОННОЕ ПИСЬМО: РЕАЛИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИЛИ ЛИШНИЙ ОБЪЕКТ ОБУЧЕНИЯ?

JULIA B. ZHIDKOVA, OLGA N. MAZUNINA

EMAIL: THE REALITY OF DISTANCE LEARNING OR AN EXTRA LEARNING OBJECT?

Юлия Борисовна Жидкова

Кандидат филологических наук, доцент

► zhidkova_juliabori@mail.ru

Ольга Николаевна Мазунина

Старший преподаватель

► olya4e@yandex.ru

Воронежский государственный
университет

394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, д. 40 а,
учебный корпус № 6

Julia B. Zhidkova,
Olga N. Mazunina

Voronezh state university

394068, Voronezh, Holzunova str., 40 a, aca-
demic building No. 6.

Статья посвящена анализу коммуникативной письменной речи иностранцев. В ней отмечается, что обучение речевой деятельности в письменной форме не теряет своей актуальности с точки зрения процесса воспитания коммуникативной культуры. При проведении исследования учитывались особенности контингента учащихся предвузовского этапа обучения. В статье приводятся особенности перехода к дистанционной форме обучения в Институте международного образования Воронежского государственного университета. Кроме того, в статье перечислены инструменты, которые использовались в ИМО ВГУ в условиях дистанционного формата обучения. Авторы рассматривают результаты интернет-переписки с иностранными учащимися с учетом осознания ими комплекса экстралингвистических факторов, определяющих речевое поведение. Анализируются составляющие электронного письма, которое стало средством коммуникации между преподавателем и учащимся. Обращается внимание на оформление электронного письма, его структурные и этикетные элементы. При этом авторы характеризуют дискурс языковой личности иностранца, который воспроизводится в реальной ситуации. Уделяется внимание и трудностям, которые препятствуют формированию умений осуществлять речевую деятельность на иностранном языке. Авторы убеждены, что в изменившихся условиях преподавания русского языка как иностранного письменная речь должна стать объектом обучения иностранных учащихся. В завершение статьи предлагается тренинг как средство формирования коммуникативной компетенции и создания адаптационно-образовательной среды.

Ключевые слова: дистанционное обучение, электронное письмо, дискурс учащегося.

The article is devoted to the analysis of foreigners' communicative written speech. It notes that teaching writing does not lose its relevance from the point of view of the process of creating a communicative culture. The study took into account the peculiarities of the contingent of students belonging to the pre-university stage of education. The article describes the features of the transition to distance learning at the Institute of International Education, Voronezh State University. In addition, the article lists the tools that were used at IIE of VSU in the context of a distance learning format. The author considers the results of Internet correspondence with foreign students, taking into account their awareness of a complex of extralinguistic factors that determine speech behavior. The objects of analysis are components of an e-mail, which has become a means of communication between a teacher and a student. A special attention is drawn to the format of the e-mail, its structural and etiquette elements. At the same time, the authors characterize the discourse of foreigner's linguistic personality, which is reproduced in a real situation. Attention is also paid to the difficulties that hinder the formation of the skills helping to carry out speech activity in a foreign language. The author is convinced that in the changed conditions of teaching Russian as a foreign language, written speech should become an object of teaching foreign students. At the end of the article, training is proposed as a means of forming communicative competence and creating an adaptive educational environment.

Keywords: distance learning, email, learner discourse.

В новых условиях работы вуза, обусловленных пандемией, ИМО ВГУ должен был разработать новую гибкую систему учебного процесса, учитывающую собственный потенциал в дистанционном обучении, а также индивидуальные, возрастные и национальные особенности учащихся, их материальное состояние и информационно-коммуникационные возможности. В течение нескольких дней при нехватке времени, вызванной резким переходом к дистанционной форме обучения, кафедры ИМО должны были скоординировать свою работу в новых аспектах с лабораторией новых образовательных технологий ИМО и обеспечить работу с учащимися. Преподаватели не были ограничены в выборе инструментов. При проектировании и создании сценариев занятий использовалась система Moodle, приложение WhatsApp, электронные учебные и контролирующие материалы, разработанные в лаборатории новых образовательных технологий ИМО и доступные через Интернет: 1) электронные учебные пособия-тренажеры по грамматике и лексике; 2) интерактивные видеоуроки; 3) интерактивные приложения к печатным учебным пособиям; 4) электронные тесты в «Учебно-тестовой системе ИМО» по русскому языку и другим дисциплинам; 5) электронные контрольные работы; 6) компьютерные презентации в Power Point по фонетике, лексике и научному стилю речи; 7) учебные мультимедийные материалы для дистанционного использования; 8) образовательный канал лаборатории ИМО (www.youtube.com). Для проведения онлайн-занятий использовались программы Skype, Zoom.

Переход к дистанционной форме обучения произошел достаточно быстро, многие учащиеся не имели адресов электронной почты, поэтому потребовался сложный ряд оперативных действий, чтобы наладить обратную связь. Отправка выполненных работ учащихся проводилась средствами электронной коммуникации. Преподаватели направляли работу учащихся, комментировали результаты выполнения заданий, давали рекомендации по дальнейшей учебной деятельности. Проверка письменных заданий осуществлялась с помощью графических редакторов Photoshop, Microsoft Paint или, что называется, вручную.

При очевидной интернет-зависимости учащиеся оказались не готовы к общению через Интернет на русском языке. В условиях дистанционного обучения учащиеся предвузовского этапа вынуждены были не только организовать себя для выполнения заданий и изучения теоретического материала, но и оформить электронное письмо преподавателю для отправки выполненных заданий на проверку и продумать собственное высказывание в нем. Ведь особенно сложным для иностранных учащихся является осознание комплекса экстралингвистических факторов, определяющих речевое поведение. Говоря о требованиях к оформлению электронного письма, мы имеем в виду четыре составляющих: 1) указание темы, 2) приветствие, обращение, 3) вопрос, просьба к преподавателю (если нужно), 4) прикрепленные файлы (горизонтально, все файлы в одном письме).

В связи с этим возникает требование времени — обучение электронной переписке, предполагающей решение важных экстралингвистических задач средствами русского языка. При обучении иностранных учащихся письменной речевой деятельности целей и задач может быть множество. Оформление электронных писем прежде указывали как второстепенную задачу, признавая переписку в мессенджерах и соцсетях некой доминантой в общении на учебные темы и навигатором учебного процесса. Однако оказалось, что речевому общению в электронной форме нужно учить. Мы не можем опускать важные структурные и этикетные элементы письма, демонстрирующие национальную культуру. Общение по Интернету — это отсроченный диалог, а диалогическое взаимодействие рассматривается как неотъемлемая часть образовательного процесса, обеспечивающего формирование коммуникативной культуры учащихся. Здесь под культурой мы подразумеваем понимание ситуации общения и знание связанных с ней особенностей речевого поведения.

В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности интернет-переписки, а именно электронные письма иностранных учащихся гуманитарного профиля обучения и высказывания-сообщения в них как единицы речевого общения, обладающие смысловой целостностью. В результате электронной переписки мы получили своеобразный дискурс, воспроизводимый реальной языковой личностью в процессе

реальной жизненной ситуации, часто игнорирующий ролевые отношения и раскрывающий низкую степень языковой и речевой компетенции, незнание русских клишированных формул, привязанных к ситуациям общения, а также отсутствие навыков речевого общения в письменной форме.

В инструктивном письме, направленном учащимся администрацией ИМО, было обозначено, что в строке «Тема» нужно напечатать свое имя и номер группы. Только 21 % соблюдали это требование. 10 % учащихся копировали тему из письма преподавателя, что соответствовало теме и дате занятия. В основном указанную информацию печатали в самом письме, что уже становится подписью (25% учащихся). Многие в строке «Тема» печатали приветствие или основной текст своего сообщения. Например, 1) *Я Мередов Ресул учительница. Здравствуйте* 2) *Извините Юлия Борисовна мой телефон не работал поэтому сейчас отправлю!!!* 3) *Я таблицу не выполнила отличие не нашла с текстом они же похожие мне трудно!* (В статье сохранены пунктуация и грамматика учащихся. — Прим. авторов).

Следует отметить, что представители дальнего зарубежья (Китай, Вьетнам, Замбия, Сирия) пытались соблюдать правила речевого этикета и оформления электронного письма. Так как туркмены составили 70 % от общего числа учащихся, нам приходится учитывать особенности именно этого контингента. По наблюдениям преподавателей, у туркменских учащихся не развит навык продуцирования текста (письменные сообщения учащихся в электронных письмах мы рассматриваем как продукт речевой деятельности). Трудности с формированием умений, позволяющих осуществлять речевую деятельность на русском языке, и с усвоением ценности коммуникативной культуры связаны с понятием сепарации (одной из форм аккультурации). Кроме того, «учащиеся не знают названий самых элементарных коммуникативных действий (приветствие, прощание, благодарность, удивление, сомнение и т. д.), не могут по-русски выразить разные реакции» [Куркина 2020]. В данном случае мы даже не касаемся глагольного управления, составления вопросов, определения рода существительного и т. п. Но мы убеждены, что успешное освоение лексики и грамматики, а также пунктуации может произойти только через речевую деятельность.

При работе над электронным письмом (при всей демократичности жанра) от учащегося требуется четкое понимание того зачем, кому, для чего он пишет. Основная особенность электронного письма — сочетание компонентов устного и письменного этикета. В письме используются приветствия, свойственные устной русской речи (*Доброе утро, Сергей Владимирович! Здравствуйте!*). В начале обучения, как правило, учащимся предлагается единая форма обращения — преподаватель. Однако в дальнейшем следует обратить внимание на специфику обращения по имени-отчеству, поэтому неверным представляется обращение по должности во втором семестре обучения (*Здравствуйте, преподавательница; Извините учитель, что-то не так с моим почтовым ящиком*). И уже совсем недопустимо обращение по имени-фамилии (*Извините Юлия Жидкова мая домашняя задание опоздал*).

Кроме того, необходимо зафиксировать норму обращения на «вы» в сознании иностранца, то есть следовать русским этикетным традициям. В конце концов это противоречит привычному контактно-му общению в аудитории: 1) *Здравствуйте Юлия Борисовна у тебя была фотография моего письма;* 2) *Уважаемый Юлия Борисовна. Время моей домашней работы истекло. Надеюсь, ты сможешь простить меня.* Конечно, исправление ошибок коммуникантов представляет собой определенную проблему. Следует обсудить ошибки уже в аудитории или демонстрировать правильные речевые образцы, максимально повторяя лексику и грамматические конструкции, которые уже использовали участники «беседы». На начальном этапе изучения русского языка как иностранного преподаватель должен участвовать в естественной беседе, не изменяя конструкций, чтобы стимулировать учащихся к использованию изучаемого языка в общении [Власова 2018].

По словам А.В. Кожеко, электронная переписка не является уже сложившимся эпистолярным жанром, ее закономерности еще формируются и обретают новые формы [Кожеко 2018]. В связи с тем что электронная переписка разными участниками общения понимается по-своему, между коммуникантами может возникнуть непонимание, обида и т. п. Несмотря на то что овладение навыками социально-бытового общения входит в Образовательную про-

грамму, государственные стандарты и требования по РКИ, в реальном процессе обучения этому уделяется недостаточно времени, и учащиеся часто попадают в неловкое положение, нарушая правила и нормы коммуникации. Об этом свидетельствует анализ содержательной стороны дискурса учащихся. В электронных письмах учащиеся, преимущественно туркмены, демонстрировали навязчивость в требовании ответа от преподавателя, не принятую в речевом общении в письменной форме у носителей русского языка. Например, 1) *Преподавательница Ольга Мазунина. Я отправил свою задание. Дайте мне знать при получении.* 2) *Добрый день! Юлия Борисовна, вы получили мой проверочная работа?* 3) *Вы получили домашнее задание Я же вам отправил но ответить не приехал.*

Итак, электронная переписка, в связи с конкретными условиями и в зависимости от ее назначения, — это уже не только письменная речь, используемая для поддержания личного общения, она используется теперь в академических целях, а следовательно, должна стать объектом обучения иностранных учащихся. Представляется целесообразным ввести тренинг (приблизительно 40 часов) как эффективное средство формирования коммуникативной компетенции и создания адаптационно-образовательной среды для иностранных учащихся. В ходе тренинга, реализующего обучение коммуникативной письменной речи, необходимо сформировать у учащихся умения оценить учебные речевые ситуации, осознать коммуникативные задачи, которые должны быть решены в таких ситуациях, а также реализовать задачи общения адекватными языковыми средствами [Жидкова, Мазунина 2019]. Для этого рекомендуются следующие виды заданий: 1) Прочитайте письмо. Назовите тему письма и ответьте на вопросы. (Зачем нужно заполнять строку «Тема»? Как автор начинает письмо? Какие ещё варианты обращения и приветствия мог использовать автор письма? Как автор заканчивает письмо?). 2) Восстановите полный текст письма, которое студентка написала в ВГУ. Используйте слова из списка. 3) Напишите письмо декану факультета / администратору / менеджеру по электронной почте. Все задания такого рода сопровождаются скриншотами экрана.

Таким образом, при обучении письменной речи необходимо обращать внимание на культуру письма, способность выражать различные интенции в письменной форме, решать коммуникативные задачи в условиях дистантного и дистанционного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

Власова 2018 — Власова Н. А. Использование мессенджеров как обучающей среды в преподавании РКИ: основные методические принципы и приемы. В сб.: *II Международный конгресс преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ «Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность»*. III Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан»: сборник статей. Русецкая М. Н., Колтакова Е. В. (ред.). М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 170–175.

Жидкова Мазунина 2019 — Жидкова Ю. Б., Мазунина О. Н. Письменная речь в деловом и повседневном общении на русском языке. *Русский язык за рубежом*. 2019, (2): 102–107.

Кожеко 2015 — Кожеко А. В. Эпистолярные жанры: традиционные и современные формы. *Современные проблемы науки и образования*. 2015, (2–3). URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23775> (дата обращения: 20.07.2018).

Куркина 2020 — Куркина А. С. К вопросу обучения РКИ туркменских студентов-бакалавров 1 курса. В сб.: *Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: сборник материалов VI Международной научно-методической конференции*. Пляскова Е. А. (отв. ред.). Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. С. 69–73.

REFERENCES

Vlasova 2018 — Vlasova N. A. Using messengers as a learning environment in teaching Russian as a foreign language: basic methodological principles and techniques. In: *Proceedings of the International congress “Dovuzovskii etap obuchenii v Rossii i mire: iazyk, adaptatsiia, sotsium, spetsial’nost”*. *Proceedings of the Russian conference “Aktual’nye voprosy realizatsii obrazovatel’nykh programm na podgotovitel’nykh fakul’tetakh dlia inostrannykh grazhdan” (Russia, Moscow, 20–21.09.2018)*. Rusetskaia M. N., Koltakova E. V. (eds.). Moscow, 2018. P. 170–175. (in Russian)

Жидкова, Мазунина 2019 Zhidkova Iu. B., Mazunina O. N. Written speech in business and everyday communication in Russian. In: *Russkii iazyk za rubezhom*. 2019, (2): 102–107. (in Russian)

Кожеко 2015 — Kozheko A. V. Epistolary genres: traditional and modern forms. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*. 2015, (2–3). “Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23775> (accessed 20.07.2018)”. (in Russian)

Куркина 2020 — Kurkina A. S. On the issue of teaching Russian as a foreign language to Turkmen bachelor students of the 1st year. In: *Proceedings of the International conference “Problemy prepodavaniia filologicheskikh distsiplin inostrannym uchashchimsia” (Russia, Voronezh, 24–25. 01. 2020)*. Pliaskova E. A. (ed.). Voronezh, 2020. P. 69–73. (in Russian)

О. С. Биккулова,
М. И. Ивкина

ЧАТ-БОТ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

OLGA S. BIKKULOVA, MARINA I. IVKINA
CHAT-BOT IN THE METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Ольга Сергеевна Биккулова

Специалист
по учебно-методической работе
► olga.bikkulova@gmail.com

ГАОУ ДПО Центр Педагогического
Мастерства
119270, г. Москва,
ул. Хамовнический вал, дом 6

Марина Игоревна Ивкина

Преподаватель
► marina_poy@mail.ru

Институт русского языка
и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, ул. Кржижановского 24/35, стр. 1

Olga S. Bikkulova
GAOU DPO Centr
Pedagogicheskogo Masterstva

119270, g. Moskva,
ul. Hamovnicheskij val, dom 6

Marina I. Ivkina
Institute of Russian Language and Culture
Lomonosov Moscow State University
Moscow, 117218,
ul. Krzhizhanovskogo, 24/35, korp. 1

Статья посвящена использованию возможностей чат-бота, продукта искусственного интеллекта, который может дополнять традиционные очные форматы обучения, учебные материалы. В статье рассматривается обучение лексическим единицам студентов-иностранцев, изучающих русский язык как иностранный. MyRUSkey bot — обучающий бот на английском и русском языке, который предлагает пользователю ежедневно 1 из топ-100 самых частотных слов русского языка с комментариями, вопросами и заданиями. За основу списка самых употребительных 100 слов был взят частотный словарь русского языка. Чат-бот — это инструмент для последовательного обучения. Целью создания бота является развитие интереса иностранных пользователей к русскому языку и знакомство с наиболее популярными лексическими единицами изучаемого языка. Чат-бот может использоваться, начиная с нулевого этапа обучения. Бот MyRUSkey позволяет освоить короткий лексический минимум уровня А1. Он выполняет 4 основные функции: обучающую, развлекательную, мотивационную, напоминающую. Бот построен по нарастающей трудности: английский язык объяснений постепенно вытесняется русским, слова, которые студент учил с ботом прежде, используются в дальнейшем. Сама технология создания чат-ботов имеет широкие возможности для построения разного вида курсов.

Ключевые слова: дистанционное обучение; микрообучение; новое в образовании; русский язык как иностранный; чат-бот.

The article is devoted to using the capabilities of a chatbot, an artificial intelligence product that can complement traditional face-to-face training formats and educational materials. The article deals with the teaching of lexical units of foreign students studying Russian as a foreign language. MyRUSkey bot is a training bot in English and Russian, which daily offers the user 1 of the top 100 most frequent words of the Russian language with comments, questions and tasks. The list of the most common 100 words was based on the frequency dictionary of the Russian language. A chatbot is a consistent learning tool. The purpose of creating a bot is to develop the interest of foreign users in the Russian language and familiarity with the most popular lexical units of the target language. The chatbot can be used starting from the zero stage of training. MyRUSkey bot allows you to master a short vocabulary level A1. It performs 4 main functions: educational, entertaining, motivational, reminding. The bot is built according to increasing difficulty: the English language of explanations is gradually being replaced by Russian, the words that the student learned with the bot before are used in the future. The very technology of creating chat bots has ample opportunities for building different types of courses.

Key words: e-learning; microlearning; new in education; Russian as a foreign language; chat bot.

Появление Интернета и развитие онлайн-образования положительно повлияло на методику преподавания русского языка как иностранного, в некоторой степени лишь дополнив традиционные очные форматы обучения новыми онлайн-разработками. Наряду с социальными сетями, видеоблогами, онлайн-платформами одним из необычных и

неизученных инструментов для преподавания является чат-бот.

Чат-бот (chat — ‘беседовать’, bot сокр. — ‘robot’) — компьютерная программа, созданная для имитации реального диалога виртуального собеседника (искусственного интеллекта) с пользователем. Чат-бот может задавать вопросы, отвечать голосовыми или письменными сообщениями в рамках заданного администратором (модератор бота, автор его текстовых и аудиосообщений) алгоритма. История чат-ботов отражает историю развития искусственного интеллекта и началась до создания персональных компьютеров и распространения сети Интернет. Родоначальником современных чат-ботов считается английский математик и криптограф Алан Тьюринг, который в 1930-е гг разработал теорию машинного обучения. Первым виртуальным голосовым помощником, который отвечал на вопросы собеседника на естественном языке, была программа Элиза, созданная в 1966 году Джозефом Вейзенбаумом и предназначенная для имитации активного слушания психотерапевта. В 2010-е годы с появлением онлайн-мессенджеров (WhatsApp, FacebookMessenger, Telegram, WeChat и др.) чат-боты получили широкое распространение. В 2018 году социальная сеть Facebook опубликовала статистику: количество активных чат-ботов в FacebookMessenger превысило 300 тыс.¹

Использование чат-бота обосновано в тех областях, где присутствуют повторяющиеся задачи, которые для удобства могут быть автоматизированы. Боты различаются по базовому принципу работы: одни работают по готовому алгоритму (который задает администратор-модератор), другие используют машинное обучение (то есть могут обучаться на корпусе текстов, а значит, развиваться).

Сегодня онлайн чат-боты применяются в основном в маркетинге (рекомендации клиентам, прием и оформление заказов), сервисном обслуживании (напр., техническая поддержка, справочная служба), HR (поиск сотрудников), образовании и, конечно, в развлечении. К чат-ботам в широком смысле относятся все голосовые помощники, в том числе Алиса (Яндекс), Siri (Apple), GoogleNow, Alexa и др.²

Чат-боты в сфере образования до сих пор используются мало (относительно чат-ботов в марке-

тинге и сервисе). Например, среди ботов в Telegram есть такие, которые учат языкам (@AndyRobot³), теории первой помощи и выживания (@FastAid_bot⁴), математике (@memorization_bot⁵), проверяют грамотность (@Grammarnazibot⁶), проверяют произношение (@PronunciationBot⁷) и др.

Чат-боты решают широкий спектр задач по автоматизации коммуникации с пользователем. При создании образовательных чат-ботов оказываются востребованными следующие возможности. Чат-бот способен:

- давать информацию в рамках образовательного процесса — линейно и «порционно»;
- администрировать процесс обучения или подачи документов в образовательную организацию;
- отвечать на вопросы студентов;
- проверять ошибки;
- напоминать о времени занятий.

В связи с актуальностью внедрения онлайн-ресурсов в образовательный процесс весной 2020 года был разработан экспериментальный чат-бот для преподавания русского языка как иностранного.

MyRUSkeybot⁸ — обучающий бот на английском и русском языках, который предлагает пользователю ежедневно 1 из 100 самых частотных слов русского языка с комментариями, вопросами и заданиями.

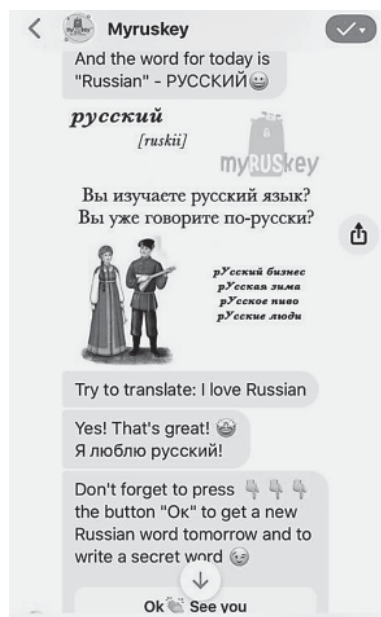

Рисунок 1 – Образец разговора MyRUSkeybot с пользователем.

Чат-бот общается с пользователем заранее заданными текстовыми сообщениями. Пользователь, подписавшийся на ежедневные сообщения бота⁹, может ознакомиться с материалом сообщения, ответить на вопросы в нем (их уже прочтет администратор и ответит пользователю самостоятельно), перейти по ссылкам в сообщении бота, нажать на кнопку внизу сообщения, чтобы получить новую лексическую единицу через 24 часа.

Чат-бот разработан в сервисе рассылок Sendpulse и действует на платформе FacebookMessenger.

Целью создания бота является развитие интереса иностранных пользователей к русскому языку и знакомство с наиболее популярными лексическими единицами изучаемого языка. Чат-бот может использоваться, начиная с нулевого этапа обучения.

За основу списка самых употребительных 100 слов был взят частотный словарь русского языка [Ляшевская, Шаров 2009]. Из него были исключены верхние строки, состоявшие из предлогов и союзов, в «топ-100» вошли полнозначительные слова разных частей речи, местоимения, слова-предложения «да-нет», несколько частиц. Некоторые глаголы представлены видовой парой — несовершенного и совершенного вида, некоторые оформлены отдельными сообщениями. Некоторые слова объединены в рамках одного сообщения по смыслу или по словообразовательной общности.

Текущий список слов чат-бота MyRUSkey:

большой	интересный	деньги	пойти
быть	помнить	имя	известный
дом	он/она/оно/ они	уже	сказать
я	сегодня	что	личный
любить	лучший	красный	брать-взять
ты	хотеть	играть	маленький
русский	знать	день	видеть-увидеть
говорить	последний	надо (нужно)	простой
можно (мочь)	компания	рука	чувствовать
работа, работать	опять	смотреть- посмотреть	серьезный
город	Ну	важный	просить

да-нет	делать-сделать	ждать	проблема
год	слово	думать	ладно
хороший (хорошо)	час	еще	понимать-понять
новый	страна	это	старый
машина	настоящий	давно	узнать
конечно	спросить- спрашивать	вода	московский
мы	странный	очень	должен
жизнь (жить)	нельзя	начинать- начать	легкий
друг	открыть - открывать	тоже (также)	ответить-отвечать
идти-ходить	время	красивый	современный
сильный	обычный	давай → давать	удивиться
писать	человек	молодой	дорогой
вместе	читать	рядом	слушать ↔ слышать
история	прошлый	плохой	реальный

Образовательный чат-бот отвечает общедидактическим принципам обучения русскому языку как иностранному:

- принцип доступности (представленные лексические единицы входят в лексический минимум А1),
 - принцип системности (лексические единицы представлены линейно — от самых частотных до менее употребительных),
 - принцип активности (для получения новой лексической единицы необходимо отвечать на сообщения бота),
 - принцип сознательности (пользователь получает не просто слово, но лексический и культурный комментарий от преподавателя, а также стимул употребить слово в речи),
 - принцип наглядности (все лексические единицы дополнены ярким иллюстрированным материалом),
 - принцип регулярности (образовательный чат-бот рассчитан на 100 дней регулярного пользования, в случае промедления пользователя с ответом длительность увеличивается).
- Следует остановиться на функциональных особенностях MyRUSkeybot:
- Бот имитирует живую переписку (имеет имя и даже характер, обращается к пользователю по имени).

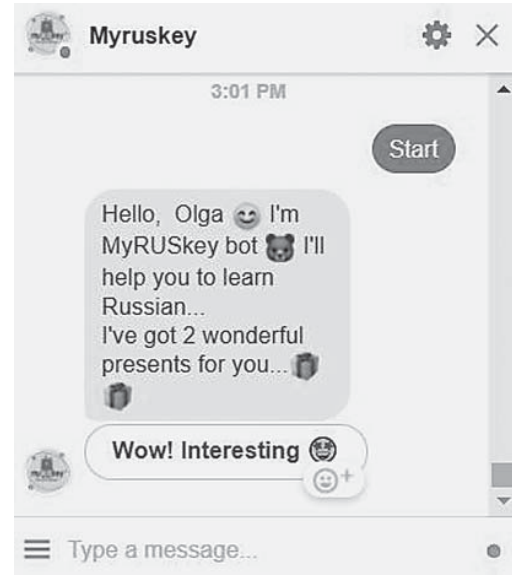
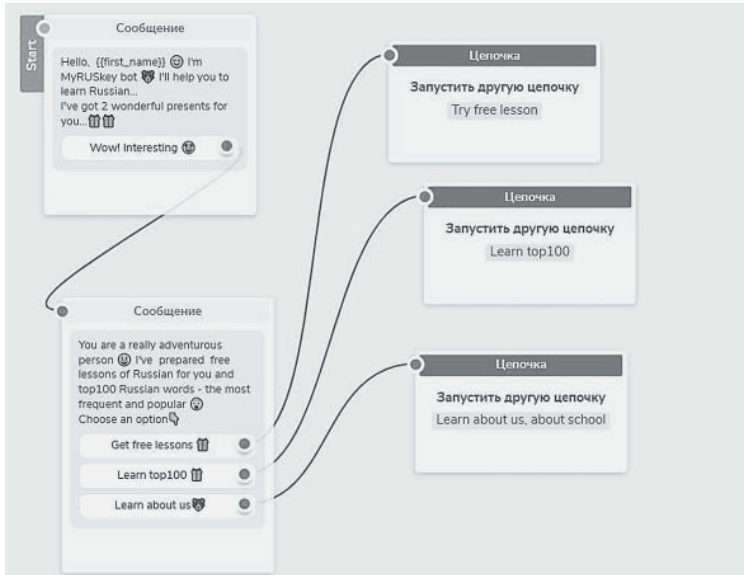

Рисунок 2 – Образ начала разговора с ботом на стороне разработчика. Алгоритм взаимодействия.

Рисунок 3 – Начало разговора с ботом (со стороны пользователя).

- Работает 24/7 (не зависит от разницы во времени, и подстраивается под часовой пояс каждого пользователя: он выдает следующее слово ровно через 24 часа после того, как пользователь взаимодействовал с ним, а значит, подстраивается под активное для пользователя время).

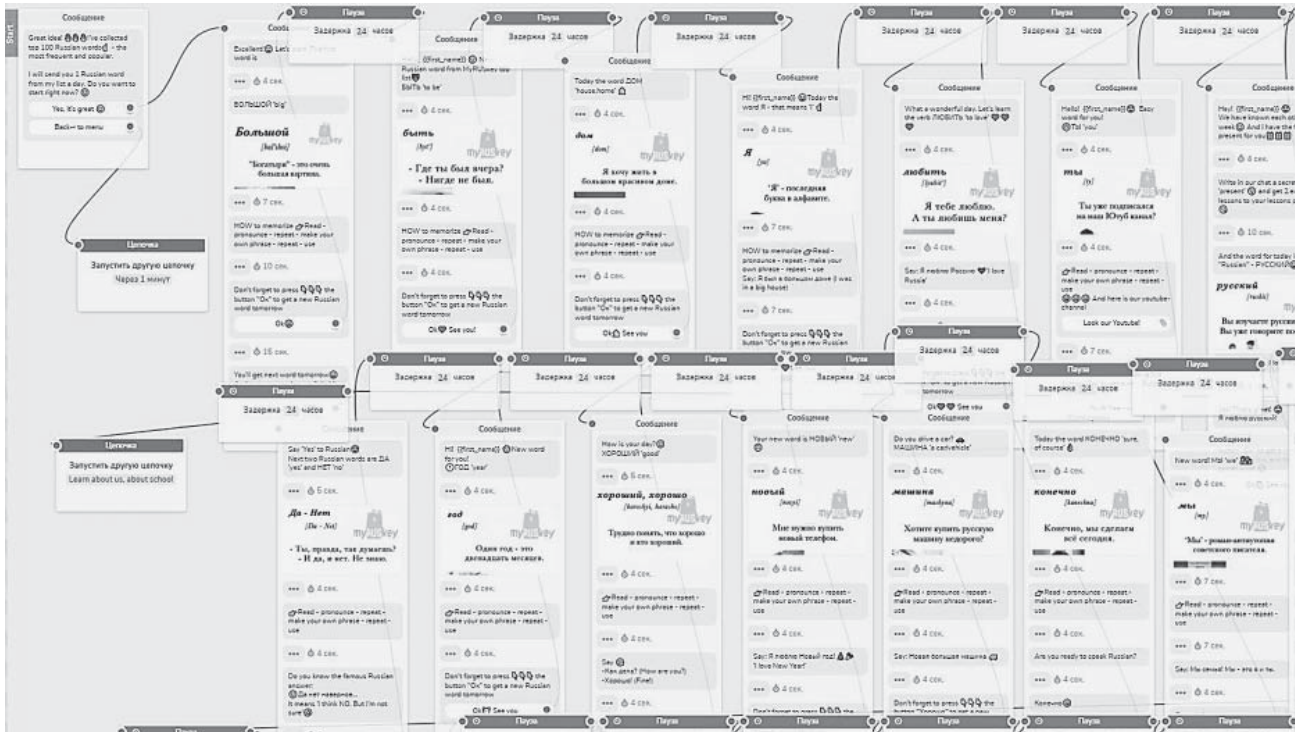

Рисунок 4 – Алгоритм действий бота MyRUSkey: сообщение со словом дня, за ним следует задержка 24 часа и снова сообщение.

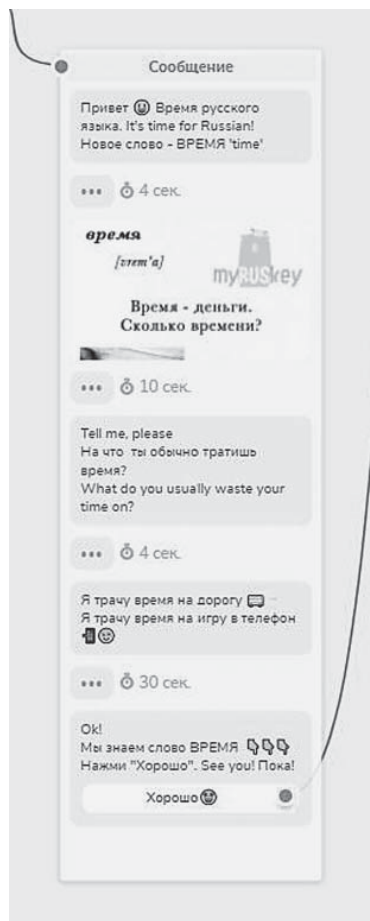

Рисунок 6 – Пример статистики бота в сервисе Sendpulse за 30 дней (середина июля – середина августа 2020г). Учитывает как сообщения бота, так и переписку администратора с пользователем.

Каждое сообщение имеет сходную структуру: Приветствие → Представление нового слова с переводом → Картинка → Текст / Небольшое задание / видео → Позитивный финал → Кнопка.

Среди положительных характеристик стоит отметить имитацию процесса печати текста (часто сообщения даны с задержкой). Временная задержка (обозначена на рис.5 значком часов и временным интервалом - 4/10/4/30 сек.) дает пользователю дополнительное время, чтобы прочесть и понять текст.

Есть и отрицательные характеристики, точнее, ограничение функций сервиса рассылок Sendpulse. Так, есть ограничения на добавляемые файлы, что проявляется в отсутствии возможности прикрепить аудиофайл с голосовым сообщением, то есть озвучить текст сообщения.

В исследовании рассматривается возможность использования чат-бота MyRUSkey при обучении наиболее популярным словам русского языка, которые входят в лексический минимум уровня А1. Данный формат обучения позволяет достичь положительной динамики изучения русского языка. При этом чат-бот стимулирует обучающихся пользоваться изучаемыми структурами – прочитать вслух слово и вариант его употребления, создать свой вариант употребления. Чат-бот позволяет выполнять задания как в синхронной, так и в асинхронной форме. Мы видим возможность использования MyRUSkeybot в нескольких моделях смешанного обучения:

- модели Face-to-Face, позволяющей дополнять основной учебный процесс в классе с преподавателем выполнением онлайн-заданий бота;

- Нацелен на обучение лексике русского языка (в меньшей степени грамматике и культурологии).

- Построен по нарастающей трудности (английский язык объяснений постепенно вытесняется русским, слова, которые мы выучили прежде, используются в дальнейшем).

- Сообщения приходят через 24 часа после прочтения предыдущего (то есть напоминают о том, что нужно позаниматься).

- Пользователь заходит на страницу Facebook онлайн-школы MyRUSkey и через 1 минуту в окне сообщений появляется приветствие от чат-бота.

Пользователь нажимает на кнопку в сообщении, и бот-пишет ему новое сообщение. В дальнейшем пользователь выбирает одну из нескольких кнопок или возвращается назад. Когда он переходит на ветку бота с топ-100 слов, сообщения приходят не сразу, а с заданной периодичностью в 24 часа.

Рисунок 5 – Образец ежедневного сообщения для слова «время» (со стороны разработчика).

- модели Online-lab, в которой преподаватель использует возможности чат-бота на уроке со студентами и дополняет своими заданиями на расширение лексической сочетаемости и практического использование новых слов;

- или модели Onlinedriver, позволяющей организовать виртуальный образовательный мир с участием преподавателя и студентов.

Стоит ещё раз повторить, что чат-бот является лишь дополнительным стимулирующим форматом, способствующим более эффективному обучению русскому языку как иностранному. И, конечно, он может стать работающим инструментом не только в руках обучающихся, но и в руках преподавателя. Так, преподаватель, работая с начинающими студентами, может внедрять чат-бот MyRUSkey в свои занятия (как дома, так и в классе). Или преподаватель со студентами, уже достигшими уровня А1, будет использовать бот для повторения лексического материала.

Чат-бот — это инструмент для последовательного обучения. Бот MyRUSkey позволяет освоить короткий лексический минимум уровня А1. Он выполняет 4 основные функции: обучающую, развлекательную, мотивационную, напоминающую. Однако сама технология создания чат-ботов имеет широкие возможности для построения разного вида курсов. С момента запуска бота в 2020 году уже накоплена небольшая статистика использования и виден интерес со стороны пользователей, хотя наибольший уровень вовлеченности у преподавателей РКИ, а не у самих обучающихся.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <https://venturebeat.com/2018/05/01/facebook-messenger-passes-300000-bots/>

² Следует отметить, что голосовой помощник уже успешно опробован для построения вводного фонетико-грамматического курса в практике РКИ [6]

³ <https://andychatbot.com/>

⁴ https://t.me/FastAid_bot

⁵ <https://memorizationbot.com/>

⁶ <https://tgram.ru/bots/grammarnazibot>

⁷ <https://t.me/pronunciationbot?start=botostore>

⁸ <https://m.me/103464041005416>

⁹ Так как чат-бот MyRUSkey находится в открытом доступе, то использовать его могут как студенты школы MyRUSkey, так и другие пользователи социальной сети Facebook, которые напишут сообщение на странице Facebook школы MyRUSkey.

ИСТОЧНИКИ

Ляшевская, Шаров 2009 — Ляшевская О. Н., Шаров С. А. *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. М.: Азбуковник, 2009.

ЛИТЕРАТУРА

Гатулин, Колупаева 2017 — Гатулин Р.Р., Колупаева Д.А. Использование мессенджера Telegram для реализации технологии электронного обучения в вузе. *Санкт-Петербургский образовательный вестник*. 2017, (11–12): 15–16.

Маликова 2017 — Маликова В.Н. Использование программы Telegram как средства мобильного обучения. В сб. *Инновационные тенденции развития системы образования: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 19 февр. 2017 г.)*. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 75–78.

Матвеева, Золотарюк 2018 — Матвеева Н.Ю., Золотарюк А.В. Технологии создания и применения чат-ботов. *Научные записки молодых исследователей*. 2018, (1): 28–30.

Михайлов, Михайлов 2004 — Михайлов В.А., Михайлов С.В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества. В сб. научных трудов «*Актуальные проблемы теории коммуникации*». СПб., 2004. С. 34–52.

Руденко-Моргун, Архангельская, Аль-Кайси 2019 — Руденко-Моргун О.И., Архангельская Л.В., Аль-Кайси А.Н. Интеллектуальный голосовой помощник Алиса на уроках русского языка как иностранного (Уровень А1). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019, (2): 239–244.

REFERENCES

Гатулин, Колупаева 2017 — Gatulin R. R., Kolupaeva D. A. The use of the Telegram messenger for the implementation of e-learning technology in the university. *Sankt-Peterburgskii obrazovatelnyi vestnik*. 2017, (11–12): 15–16. (in Russian)

Маликова 2017 — Malikova V. N. (2017) *Using the Telegram program as a means of mobile learning*. In: *Innovacionnye tendencii razvitiya sistemy obrazovaniya: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii*. Cheboksary: CNS "Interaktiv Plus" Publ., 2017. P. 75–78. (in Russian)

Матвеева, Золотарюк 2018 — Matveeva N. Yu., Zolotaryuk A. V. Tehnologiya sozdaniya i primineniya chat-botov. *Nauchnye zapiski molodyh issledovatelei*. 2018, (1): 28–30. (in Russian)

Михайлов, Михайлов 2004 — Mikhailov V. A., Mikhailov S. V. Features of the development of the information and communication environment of modern society. In: *Sbornik nauchnyh trudov "Aktualnye problemy teorii kommunikacii"*. Saint-Petersburg. P. 34–52. (in Russian)

Руденко-Моргун, Архангельская, Аль-Кайси 2019 — Rudenko-Morgun O. I., Arhangel'skaja L. V., Al'-Kajsi A. N. Intelligent voice assistant Alice in the lessons of Russian as a foreign language (Level A1) In: *Philologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2019, (2): 239–244 (in Russian)

Рецензия

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 28 / Под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019.

DOI: 10.24411/1811-1629-2021-1-98-102

Очередной том рецензируемого словаря объединяет лексику в границах: **подебóжить** — **пойничек**.

О лексикографической уникальности «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС), его исключительном статусе в ряду диалектных словарей, о пользе опыта этого издания как для теории, так и практики словарного дела в целом, справедливо и ярко говорили многие исследователи, а также рецензенты предыдущих выпусков [Тод 1967; Васильев 1994; Болек 2010; Паликова 2012 и др.]. Нет смысла повторять или «перелицовывать» на свой лад и «крой» то, что не требует доказательств: перед нами действительно исключительное по задумке и исполнению лексикографическое произведение, создаваемое коллективом миссионерски преданных своему делу ученых-лингвистов, воплощающих в жизнь замечательный проект Б. А. Ларина и творчески развивающих его идеи.

Отмечу лишь, что в силу особого значения Псковской земли для истории нашей страны, для истории русского языка, для понимания глубинного существа русской культуры вообще, собрание слов этого края — по существу — это собрание свидетельств народной жизни без прикрас и выдумок, причем такое собрание, в котором, по меткому замечанию А. А. Потебни, «каждое отдельное слово соответствует искусству», «внешняя форма <которого> схвачена душою» [Потебня 1989: 165].

Итак, значение выхода очередного выпуска ПОС как для лингвистического сообщества, так и для всех, кого интересует русская жизнь в самом широком смысле этого слова, неоспоримо высокое и более чем актуальное, а хорошо отлаженные и неоднократно примененные в прошлых выпусках способы описания диалектного лексического материала обеспечивают и этому выпуску, 28-му по счету, статус яркого «лексикографического явления».

Позволю себе высказать несколько замечаний об аннотации, приведенной на обороте титуль-

ного листа и повторяющейся из выпуска в выпуск без изменений, видимо, с 1967 года, времени выхода первого тома ПОС. В ней, на мой взгляд, заметно противоречие, которое особенно очевидно для читателя XXI в.: «Словарь полного типа», в котором представлены «все бытующие в крестьянской речи общерусские и диалектные слова» (с. 2), кажется, не должен фиксировать лексику, бытующую только в крестьянской речи. Во-первых, потому, что ПОС как словарь полного типа ориентирован на отражение лексики всего региона включая исконно городскую (Остров, Великие Луки, Изборск и т.д.) и посадскую, тем более если в исторической части словарной статьи даны контексты из памятников, созданных в этих и других городских пределах и вряд ли активно бытовавших в крестьянской среде Псковщины (деловые памятники, например: *Гр. Иоанна 2; Донесен. Шамшева 1* и др.). Во-вторых, как кажется, само определение «крестьянский» в известной степени утратило актуальность в связи с сегодняшним «социальным составом» населения Псковской области, в том числе и деревенского; в-третьих, при всей обширности картотеки и непрекращающемся её пополнении за счет материалов современных полевых экспедиций, трудно себе представить словарь, в котором зафиксированы **все** общерусские и диалектные слова (видимо, речь идет о всех словах, присутствующих на сегодня в картотеке ПОС).

«Региональный словарь на широком историческом фоне — принципиально новое явление в мировом языкознании» [Ларин 1967: 3], — эта важнейшая характеристика словаря, данная Б. А. Лариным при создании его концепции, обеспечивает безусловную «лексикографическую отдельность» рецензируемого диалектного издания, о чем прежде всего и совершенно справедливо говорят все, кто о нем когда-либо писал и пишет. Приложение 4 ясно свидетельствует о том, что набор жанров и текстов письменных источников XIII–XVIII вв., используемых для составления

28-го выпуска ПОС, в полной мере отвечает задаче исторического комментирования значения диалектного слова, попавшего в письменный текст, причем важно и то, что стилистическая кочевка одного слова может приводить к возникновению новых лексико-семантических вариантов областного слова, что аккуратно фиксируется и описывается авторами словаря с присущей им тщательностью и полнотой, напр. 6-ое и 7-ое значения слова «подъезд»:

ПОДЪЕЗД, а, у, м. **1.** Дорога, по которой можно куда-н. подъехать, проехать, место, по которому может проехать транспорт <...> **6.** Небольшой разведывательный отряд, дозор. И съ села де, государь, Воронцова посылашь онъ, Дмитрей, отъ себя подъездъ подь Островъ псковскихъ помѣщиковъ Федора Гаврилова съ товарищи. *Кн. писц. II, 55, 1634 г.* **7.** Налог, взимавшийся с местного духовенства в пользу церковных властей. — на ком. Он же [архиепископ новгородский Еуфимий], разгнѣваясь, поеха изо Пскова; и князь Володимиръ и посадник Селивестръ и Федось, добивше чолом, възвратиша и, и даша ему суд и на попех подъездъ. *Лет. II, С, 1435 г., л. 196 об.* Того же лѣта в самыа свадебници приеде въ Псков пресвященный архиепископъ Иона, и съборова у святѣи Троици, и подъездъ свои на попах побра и отъеха. *Лет. II, С, Там же, 1469 г., л. 207.*

При этом проблема тождества слова остается весьма серьезным теоретическим вопросом, решение которого в случаях, подобных этому, требует дальнейшего специального исследования: не всегда кажется очевидным отнесение значения слова, фиксируемого в письменном источнике, к исконно диалектному слову, бытующему исключительно в устной форме.

Совершенно замечательно, что в качестве источников авторы ПОС активно используют фольклорные памятники, статус которых как источников лексического материала, заслуживающих доверия, в классической лексикографии периодически подвергался и подвергается сомнению [Костючук 2015]. И дело не только в том, что фольклорный текст вариативен и подвержен речевым (временным, жанровым, историко-культурным и т. д.) влияниям извне, но и в том, что в фольклорном тексте реализуется прежде всего символическое значение общедиа-

лектной и общерусской лексемы, насыщенное т. н. фольклорной эстетикой [Гусев 1967], в результате чего фольклорная семантика может значительно отличаться от общедиалектной. И проблема тождества слова при описании таких сугубо символических значений также встает весьма остро.

Тем не менее опыт составления ПОС показал, что фольклорный материал исключительно ценен и ярок в качестве иллюстрации, если фольклорное и общедиалектное значения совпадают (**ПОИГРЫВАТЬ**, несов. **1.** с кем. Проводить некоторое время в развлечении. <...> **2.** Исполнять мелодию на музыкальном инструменте. — во что. Он на лавочки сидит, В балалаечку поигрывает. *Фридрих. Па гары милый пагуливая, В залату гармонь пайгрывая, Фся сваю милую васкликывая [Хороводная песня]*). В случае же фиксации образно-фольклорного, особенно — обрядового, значения диалектного слова, отмеченного в границах отдельного жанра, возникают сложности. Так, при определении значения слова «позолота», зафиксированного, как свидетельствует соответствующая словарная статья, в единственном тексте (скорее всего, обрядового приговора дружки при выкупе невесты), имеется характерная помета *флк.*, но текст настолько мал и настолько непоказателен, что значение 'деньги, денежные траты' из него вовсе не выводится: **ПОЗОЛОТА**, ы, ж. *флк. Деньги (денежные траты)*. Сапаги, гаваряят, пьзалоты хатят. *Палк. Анашкино, 1958.*

Не указывая «обрядовую привязку» этого значения слова, авторы словаря оставляют читателю возможность самостоятельно убедиться в правильности предложенного толкования. «Позолота» как отглагольное (от «позолотить») существительное оказывается рядом со статьей «позолотить», в которой одним из лексико-семантических вариантов этого глагола значится обрядовое значение 'денежный дар невесте' в устойчивом выражении «позолотить голову»: **ПОЗОЛОТИТЬ** <...> **Δ** Позолотить голову. **а)** В свадебном обряде: одарить невесту деньгами. Он позолоти голову, положи денёк. *Гд. Аналёво, 1959.* **б)** Проявив внимание, дать денег. Мужу поклонись, он тебе руп на голову положыт, голову позолотя. *Полн. Борисово Поле, 1946.*

Думается, в таких случаях возможно указание на производность обрядового значения слова «позолота» и под. в связи с его лексико-грамматической производностью от глагола «позолотить», при описании которого указание на обрядовый характер одного из значений присутствует.

Это (указание на производность) тем более важно, что вызывает вопросы синтаксическая структура обрядового выражения Сапаги, гаварят, пьзалоты хатят. Судя по постановке запятой в приведенной иллюстрации, «говорят» выступает в функции вводного слова со значением источника сообщения: ≈ Сапоги, [как люди] говорят, позолоты хотят. Внутренняя мотивировка этого выражения постигается с трудом. Однако на сайте «Новости краеведения Пскова» находим любопытное описание традиционной свадьбы: *Величают родных и каждого гостя на свадьбе: ...Я пьшу, я дышу я на сестрицу, я на родную, рассувай мошну, наделяй сестру, у сестры ноги болят, сапоги говорят, позолоты хотят* [http://druzhkovka-news.ru]. Можно сомневаться в достоверности этих данных (источник на сайте указан, но он требует специальной проверки), однако они весьма показательны. Из широкого контекста представленного здесь приговора становится очевидной характерная речевая стратегия таких обрядовых жанров, нацеленных на «денежное вымогательство» (*рассувай мошну, наделяй сестру*): нарочитое самоуничижение (*у [моей] сестры ноги болят*), представление себя малоимущим и нуждающимся в денежном вспоможении. Если это так, то выражение «сапоги говорят», возможно соотносимое с разговорными «башмаки зевают»¹, «(ботинки, сапоги) каши просят»² о «старой, с оторванной подошвой, обуви», вполне уместно в этом контексте, в котором реализуется стратегия «нищенского вымогательства». В таком случае постановка единственной запятой после «говорят» и сама семантика выражения *сапоги говорят, позолоты хотят* становится более ясной: ≈ *у сестры ноги болят, [а у меня] сапоги говорят [т.е. худы], [поэтому] позолоты [т.е. денежной помощи] хотят [напр., требуют починки или замены]*.

Этот и другие случаи не в полной мере ясной семантики представленной диалектной лексики

свидетельствуют — в том числе — о том, что материал ПОС может стать источником для множества исследовательских работ разного уровня — в этом видится мощный научный потенциал собранного языкового материала, что безусловно добавляет ценности рецензируемому изданию. Одни только синонимические ряды, данные во многих словарных статьях для заголовочного слова, — богатейший материал для изысканий в области диалектной синонимии, ясно демонстрирующей системный характер диалектного лексикона, имеющего глубокие исторические и культурные основания. Возможно, в будущем мы увидим «объяснительные словари / исследования / статьи диалектных синонимов Псковской земли», — настолько живописны и зачастую чрезвычайно выразительны эти лексические ряды: **ПОЗДЕВАТЬСЯ**, *сов. экспр. Причинить вред, ущерб; навредить. <...> запари́ть, нагади́ть, напакостничать, напроку́тить, насолить, науродовать, нашкодить, обсадить.*

ПОЗАДЕЛАТЬ, *сов., что. экспр. Сильно испачкать чем-н. <...> выгрязить, заволохат, заволочить, заделать, замарать, замызгать, запачкать, навалять, обвалять, обляпать, обмазать, отсопётать, перекастить², перемазать, пересусолить.*

Рецензируемый выпуск включает в себя большой материал для наблюдений за предпочтительными для псковского говора словообразовательными техниками. Так, обращает на себя внимание чрезвычайно частотный приставочный комплекс *поза-*, создающий прежде всего семантику интенсивности действия у глаголов, в литературном языке не имеющих такого образования: *позаболеть, позабрат, позаветать, позавлекать, позагадывать, позагреть, позаесть* и под. Характерно, что в толковательной зоне такой словарной статьи, как правило, присутствуют маркеры интенсивности, т.н. лексические интенсификаторы [Родионова 2005]: **ПОЗАДЕЛАТЬ**, *сов., что. экспр. Сильно испачкать чем-н.* Где ты свои руки позаделала? СРНГ 28: Эст., 1963; **ПОЗАГРЕМЕТЬ**, *сов., на кого. образно. Серьёзно отругать, сделать выговор.* Сматрю — мой атря́т уходи́т. Я пазагримёл на йих: «Кто вилёл ухади́ть?!». Беж. Поженка, 1969; **ПОЗАГНУТЬ**, *сов. Сгибая с силой, отвернуть в необходимую сторону*

край, конец чего-н. для удобства. Кастык был такой ж жылёзнай, канячок такой пьзагнуфшы: лёкшы пьтцапать. *Н-Рж. Грилино, 1957*; **ПОЗАКОПАТЬ**, сов., что. Поместив в углубление, **основательно** засыпать, забросать сверху чем-н. сыпучим, зарыть. У нас фсё была пазакапана. <...> *Вл. Смоки, 1963* и под. (подчеркнуто мной — Т.С.).

Это очень верный ход, однако некоторые статьи с глаголами интенсивного действия таких интенсификаторов (почему-то) не имеют, хотя легко предполагаются и могут быть вставлены. Категория интенсивности, столь актуальная для глаголов псковского говора, на мой взгляд, должна быть последовательно отмечена в толковательной зоне, тем более что в текстовых иллюстрациях лексические показатели интенсивности часто присутствуют:

ПОЗАКЛАДАТЬ, сов., что. безл. *Закрыть тучами (всё небо ?)*. Траф-та нет, пазакладала **фсё**, у нас-та худа. *Палк. Плетни, 1976*.

ПОЗАМКНУТЬ, сов., что. *Запереть все двери (?), замкнув (на замок)*. Варота пазаперты, замком пазамкнуты [*Свадебная песня*]. *Печ. Павлово-Блины, 1970*.

ПОЗАХОТЁТЬСЯ, сов., чего, безл. *О возникновении, появлении **сильного** (?) желанья (сделать, получить что-н.)*. Эта бабушка гаварит: «Ёжли, дётушки, вам чаво пазахатёлась, так ёта и куплять на́да, а то **прогиф души-та ви́ликий грех**». *Порх. Евановичи, 1962* (выделено мной — Т.С.).

Такая последовательная «маркировка интенсивности» у глаголов с *поза-* может быть оправдана и тем, что глаголы с этим приставочным комплексом имеют и противоположное значение — частичного, неполного действия, что также отмечается в семантических зонах соответствующих словарных статей:

ПОЗАТОНИТЬСЯ, ится, сов. *Поупрямить-ся **некоторое время**, отказываясь от чего-н.* И ты не любима, а и то пашла; пазатоница и фсё равно пайдёт. *Пск.*

ПОЗАЧЕРНЁТЬ, сов. *Приобрести **в некоторой степени** темный цвет кожи под воздействием солнечных лучей; загореть*. Пожывёт мёсяц, позачернеёт, а то бёленькая гораст. *Дн. Залесье, 1987*.

ПОЗАКУСИТЬ, сов. *Поест **немного, наскоро***. Садитись, ма́льцы, пазакусити: он [хозяин]

няскора тяпёрь придёт. *Вл. Пеньково (без года)* (выделено мной — Т.С.).

Комплекс *поза-* в статье «позаразъехаться», по мнению авторов, может создавать своеобразную энантиосемию по части выражения категории интенсивности (**ПОЗАРАЗЪЕХАТЬСЯ**, сов. *Уехать в разные места (о нескольких, многих)*), хотя иллюстративный контекст ясно дает только одно значение — интенсивное, усиленное лексическим показателем «все»: Из дирёвни **фсе** пазаразъехались. *Пуст. Алоль, 1985* (выделено мной — Т.С.).

Несколько мелких соображений, возникших у меня в ходе знакомства с рядом словарных статей 28-го выпуска ПОС, обозначу списком:

1. **ПОДКРУЧИВАТЬ** — <...> 5. *вокруг кого*. *Насмехаться над кем-н.* И цаво ты паткручиваиш крук ней? *Гд. Островцы, 1958*.

Думается, приведен не совсем очевидный контекст для прояснения этого значения. Возможно прочтение иного значения — ‘оказывать знаки внимания, ухаживать’?

2. **ПОДМАЗЛИВЫЙ**, ая, ое. *Который угождением, лестью старается войти в доверие, добиться своего*. А фсе мужыки падмазливый, кагда им на́да чиво. *Пыт. Васькино, 2001*. Никауда́ ня любила падмазливых. *Нев. Емельяново, 2003*. ср. **подмазчивый**.

Представляется, что начинать толкование с местоимения «который» не совсем корректно: возможно, уместнее было бы начать с «Тот, кто ...».

3. **ПОДУЗДАТЬ** (без удар. в источн.), аю, аешь, сов. *Взнуздать лошадь*. Подуздай лошадь. *Палк. Родовое, 1958*.

Несмотря на то, что источник этого примера датируется 1958 г., мне представляется, что с учетом современного технического оснащения полевых экспедиций воспроизвести ударение в этом слове вполне возможно, тем более что оно не похоже на устаревшее и невозможное в современном бытовании.

4. **ПОДОКОШКА**², и, ж. *Вечернее гуляние молодежи в деревне недалеко от домов*. Пьдакошкь хёт гулянь с гармошкьй. *Дн. Дачное, 1989*.

В данном случае иллюстративная зона настолько мала и не показательна для указанного значения, что вызывает сомнение и начальная форма

заголовочного слова, в том числе — его грамматическая характеристика.

В выпуске словаря на начальное *по-* очевидно преобладает приставочная лексика, т. е. производная по преимуществу, поэтому так много вопросов о глаголах, о фиксации графического облика отглагольных слов, а также производных наречий, которые, на мой взгляд, авторским коллективом тщательно проработаны и в целом успешно решены.

Еще одно, на это раз — не лингвистическое замечание, но весьма значимое для рецензента, коллеги и, надеюсь, «однодумца» авторов нынешнего выпуска.

Для коллектива ПОС характерно очень важное, с моей точки зрения, качество — бережно хранить и непременно использовать в работе над словарем полевые и архивные записи известных предшественников — замечательных словарников, в разные годы работавших в составе авторского коллектива ПОС (И. А. Попов, А. И. Лебедева, В. И. Трубинский), что отражено в Приложении 3 «Список сокращений источников XIX–XX вв.». Обработка такого материала (часто малоупорядоченного, представленного фрагментарно, несистемно) — отдельная, заслуживающая большого уважения работа, которая добавляет еще и человеческого тепла этому большому и значимому лексикографическому изданию.

Очевидно, что в выпуске 28 «Псковского областного словаря с историческими данными» преобладает предметная лексика — летопись быта, фактология земной жизни человека; лексика эмоций и чувств представлена небольшим составом лексики, но вся она — выражение душевной организации жителя Псковской земли; лексика же действия выражает явленные мотивы его поступков и деяний. В сумме же все слова суть свидетельство народной жизни: слова сплетаются в венец смыслов, представлений и ценностных предпочтений, они — действительная и «фотографическая» печать того, что такое этот народ, чем живет, каковы его судьбы в прошлом и настоящем. В этом состоит простое и наглядное значение исторической лексикографии, которая не только и не столько фиксирует значение слова в его исторической перспективе, но «показывает на

деле участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношения личности к природе» [Потебня 1989: 156].

28-й выпуск «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОДЕБОЖИТЬ — ПОЙНИЧЕК) с удовольствием и большим чувством признательности за возможность выступить в качестве его рецензента рекомендую к печати.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ср.: Зевают сапоги, монументально возле доски <...> (Макс Криштофор).

² ср.: Под стать шинели были и сапоги: кривые, со стоптанными задниками, с ощерившимися носами, о которых говорят, что они каши просят (Н. Сухов. Казачка).

ЛИТЕРАТУРА

Болек А. Пятьдесят лет на службе лексикографии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика*. СПб., 2010, (3): 304–308.

Васильев А. Д. «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Псковский областной словарь с историческими данными», «Словарь русского языка XVIII века». Ценные сведения о русской лексике прошлых эпох. *Russkaia filologija: ukrainskii vestnik*. 1994, (1–2): 69.

Гусев В. Е. *Эстетика фольклора*. АН СССР Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1967. 319 с.

Костючук Л. Я. К использованию фольклорных текстов в диалектном словаре (из опыта «Псковского областного словаря с историческими данными»). *Вестник Псковского ун-та*. 2015, (1): 108–117.

Ларин Б. А. Вступление, В кн.: *Псковский областной словарь с историческими данными*. 1967. Вып. 1. Л.: ЛГУ. С. 3–5.

Паликова О. Н. *Рецензия на 23 выпуск «Псковского областного словаря с историческими данными»*. СПб.: СПбГУ, 2012.

Потебня А. А. Мысль и язык. В кн.: Потебня А. А. *Слово и миф*. М.: Изд-во «Правда», 1989.

Родионова С. Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке. В сб.: *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*. Бондарко А. В. (ред.). СПб.: Наука, 2005. С. 150–166.

Тод Имре. *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1. Л., 1967. *Studia slavica Hungarica*. 1970. XVI. F. 1–2.

Доктор филол. наук, профессор,
профессор кафедры русского языка СПбГУ
Т. С. Садова

Рецензия

Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.
Вып. 9: Ильм – Казнь / Под ред. Е. В. Генераловой, О. В. Васильевой. —
 СПб.: Наука, 2020. — 367 с.

DOI: 10.24411/1811-1629-2021-1-103-105

Вышел в свет девятый выпуск «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», подготовленный коллективом сотрудников филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета и Института лингвистических исследований Российской Академии наук. Начатое в 2004 г. издание получило признание научного сообщества, о чем свидетельствуют статьи о Словаре и рецензии на отдельные выпуски Словаря¹, занявшего достойное место в кругу современных лексикографических источников.

Концепция Словаря, лексико-грамматические принципы представления слова и иллюстративных материалов к нему, опубликованные во «Введении» к первому выпуску², экспериментальный характер Словаря остаются в поле дискуссий специалистов. При работе над последующими выпусками авторский коллектив прислушивается к оценкам и рекомендациям рецензентов, среди которых С. А. Аверина, А. А. Бурыкин, В. В. Колесов, Л. Я. Костючук, И. С. Лутовинова, С. А. Мызников, М. Б. Попов, Т. В. Рождественская, Т. С. Садова, Г. В. Судаков, О. А. Черепанова и другие. В ходе работы над девятью выпусками уточнены теоретические положения и практические вопросы, что нашло отражение не только в переработанной «Инструкции «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»»³, но и во вступлении «От авторского коллектива» к девятому выпуску.

Обращая особое внимание на расширение круга источников Словаря, опубликованных «в разные эпохи и по разным принципам (дореволюционные, советские, издания последних лет; тексты, подготовленные к публикации филологами, историками и др.), авторский коллектив считает необходимым уточнить принципы воспроизведения текстов источников»⁴. Составители Словаря максимально бережно относятся к цитирова-

нию источников, и потому даже в пределах одной словарной статьи, особенно для многозначных слов, можно получить адекватное представление о широте диапазона письменных практик (правда, опосредованных публикаторами документов) тех, кто писал по-русски в XVI–XVII вв., а иногда — и в ближайшие к этому периоду десятилетия. В комментариях в квадратных скобках составители Словаря поясняют базовые номинации действующих лиц, значения слов в цитатах, дают этимологические и исторические справки или восстанавливают утраченные в источнике части слов; в круглых — обращают внимание на неясные написания (!) и, возможно, не вполне точные значения (?), — т. е. максимально наполняют Словарь необходимой метатекстовой информацией, приближая его к энциклопедическому. Например:

ИМАТЬ и ЯТИ, несов.; кр. страд. прич. иман, дееприч. имая. <...> **3. кого, что. Брать в пользование для определенной надобности.** <...> || кого. Нанимать, принимать на какую-л. службу. <...> А вместо их [московских стрельцов Семеновского полка] имать провожатых от Синбирска по городом служилых людей по пятидесят человек. Рус.-грузин. отн. II, 12, 1686 г. <...>

20. Оказывать воздействие, влияние. <...> – что. Всего того и всякой порядни жена смотрела, и учила слугъ добромъ и лихомъ, не иметь слово, ино ударити. Дм., 49, XVI в. <...> *Доброго человека и добрые жены николи ни въ чемъ меженина [недостаток] не иметь <...> Там же, 53.*⁵

ИМАТЬСЯ и ЯТЬСЯ, несов. <...> **4. за кого. Обвинять в чем-л.** <...> > *Иматься за рожу. Выдвигать обвинения лично (?). Проещал (!) в вотчину гдря ншего князя Ивана Дмитриевича члвкъ князя Дмитръя Михайловича Барятинскова села Дорков Федор Степанов да с ним крестьянин Игнатей Лукоянов а имался за рожу за Ивана Мурзу*

что у нег лошада моя краденая кобыла савраса. Арх. Пожарских, 267, 1647 г.⁶

ИСКУСНЫЙ, прил. (21) 1. Умелый, имеющий навыки, сведущий в чем-л. <...> *А инженер о котормъ к вшеи княжско[й] млсти я [Ю. Филемонатус] писалъ и того зовут Индрикъ Мюлман и хочет его црскому величест[ву] служит толко б ему опасную грам[оту] и уговорнои платеж что будет от его црског[о величе]ства прислали а онъ изкуснои м... [обрыв] город укреплял и вѣдает всѣ угодя... [обрыв] земли. В-К II, 42, 1643 г.⁷*

ИЧЕГОТЫ, мн. (6) [вероятно, из тюрк.: тур., крым.-тат., азерб. *iç* 'внутренность, внутренний', казах., кыпч. *ätik*, чагат. *ätük*, тат. *itek*, кыпч. *itük*, тур. *edik*, уйг. *ötük*, кирг. алт. *ödük* 'сапог'] То же, что *ичетыги*. А на великомъ государѣ было платья: однорядка... ичеготы и башмаки, сафьянъ желтъ. Выходы ц. в. к., 492, 1668 г.⁸

КАЗЕННЫЙ, прил. А. Прил. → *казна* 1. <...> Б. Прил. → *казна* 2. <...> 4. Прил. → *казна* 2. <...> > *Казенный приказ. Дворцовое учреждение в Российской империи XVI–XVII вв., ведавшее производством и хранением ценностей царской казны, торговыми операциями для царских нужд.* <...> И дано им [семье царя Арчила] ис Казенного приказу кубки и бархаты. Рус.-грузин. отн. III, 64, 1688 г. <...> [Казенный приказ — в русском государстве дворцовое учреждение, основанное около 1495 г. <...> Казенный приказ находился в Москве, при Благовещенском соборе, под которым находились его кладовые. В XVIII в. Казенный приказ был подчинен Приказу Большой Казны. // Энциклопедия права. 2015.]⁹

Важно обратить внимание на следующее заявление авторов: «В словаре не повторяются иллюстрации, уже вошедшие в СлРЯ XI–XVII вв., за исключением случаев, когда в материалах словаря эта цитата единственная»¹⁰. Приводимая для многих слов количественная информация наряду с функционально-стилистическими пометами (Высок.-офиц., Дел., ласк., уничиж. и др.) позволяет читателю составить некоторое представ-

ление о частотности и сферах бытования слова в начальный период формирования русского национального языка, — конечно, частичное, только по его фиксации в опубликованных памятниках русского языка. Для авторов Словаря значимо «удобство» читателей: список источников, подвергнутых в своем большинстве полной выборке, приводится в каждом выпуске. В девятом выпуске в списке 325 позиций.

Иллюстративные материалы для Словаря привлекаются, в частности, из региональных исторических словарей, но отражение языкового материала из разных регионов страны оказывается различным. Эта ситуация косвенным образом свидетельствует о степени внимания лингвистов (в исторической ретроспективе) к региональным документам, хранящимся в значительной мере непрочитанными в архивах страны и «ожидаящим» введения их в научный оборот. Так, указание на источник Сл. Мангаз.¹¹ иллюстрируют употребление только 30 слов, словарных значений и оттенков значения; Сл. Смол.¹² — 44 единиц и их значений; Сл. Сибир.¹³ — 64; Сл. Том.¹⁴ — 75; в то время как Сл. Перм. I — II¹⁵ — 135; максимально полно в сравнении с другими регионами оказывается представленным Казанский край¹⁶ — 459 лексем, словарных значений и их оттенков.

Но и воссоздаваемая в Словаре языковая ситуация Московской Руси дает широкие возможности для исследования региональных вариантов русского языка, для создания лексического атласа русского языка в диахронии. Аргументом может быть включение в Словарь следующих «сибирских» слов, имеющих единичные фиксации:

ИМАНАТ, м. (1) [тат., крым.-тат., казах. *amanat* 'залог, поручение', тур. *âmanät* 'вещь, отданная для передачи другому'] То же, что *аманат* ('человек, взятый в залог; заложник'). Велел над теми баунтовскими изменниками розговора или за боем всякой промысл чинить и иманатов с них взять. Сл. Сибир., 55, 1674 г.¹⁷

КАЗАРКА, ж. (1) Птица семейства утиных, обитающая в лесотундровой и тундровой полосе. Казарки, крылье черные. Сл. Сибир., 57, 1721 г.¹⁸

а также выводы, вытекающие, например, из сопоставления «сибирского» и «донского» лексико-грамматических значений и дат фиксации для слова иманье:

ИМАНЬЕ, с. (3) 1. кого, чего. Захват, взятие.

И о имании многих подвод и излишних посторонних с собою людех известие имеем. Сл. Сибир., 55, 1725 г. + н. XVIII в.: Сл. Мангаз.

2. Имущество. Да изъ Васильева иманья изъ житницъ дано ему [Осташку] 2 чети съ осминою безъ полполтретника ржи. ДД I, 1, 1594 г.¹⁹

Девятый выпуск Словаря демонстрирует последовательную реализацию принципов представления лексического материала (813 слов и 81 отсылочная строка), заявленных в «Инструкции» и реализованных в предыдущих выпусках. Материалы Словаря свидетельствуют о том, что авторское заявление о стремлении не просто к описанию лексического фонда, а к воссозданию лексической системы, показу лексики во взаимосвязях и отношениях последовательно претворяется в Словаре.

Словарь может найти практическое применение в студенческой аудитории: его материалы, сопровождаемые в отдельных случаях дополнительными историческими комментариями, расширяют исследовательское поле не только лингвистов, но и представителей других сфер гуманитарного знания, а также становятся более доступными для всех, кто изучает русский язык как иностранный.

*Профессор кафедры русского языка
и общего языкознания Тюменского
государственного университета
д. филол. н., профессор О. В. Трофимова*

3 Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. / Под ред. О. С. Мжельской. Вып. 4: Гагара — Гуца. — СПб.: Наука, 2011. — С. 5-43.

4 Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. Вып. 9: Ильм — Казнь / Под ред. Е. В. Генераловой, О. В. Васильевой. — СПб.: Наука, 2020. — С. 3.

5 Там же. С. 26-35.

6 Там же. С. 37.

7 Там же. С. 140.

8 Там же. С. 253.

9 Там же. С. 346-347.

10 Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. / Под ред. О. С. Мжельской. Вып. 4: Гагара — Гуца. — СПб.: Наука, 2011. — С. 43.

11 Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Н. А. Цомакион. Красноярск, 1971.

12 Региональный исторический словарь 2-й половины XVI — XVIII в.: По памятникам письменности Смоленского края / Отв. ред. Е. Н. Борисова. Смоленск, 2000.

13 Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.

14 Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII начала XVIII в. / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002.

15 Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века. Т. I: А-О. Пермь, 2010. Т. II: П-Я. Пермь, 2010.

16 Исламова Э. А., Галиуллин К. Р. Казанский край: Словарь памятников XVI в. Казань, 2000; Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р. Казанский край: Словарь памятников 1-й четверти XVII в. Казань, 2008; Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р. Казанский край: Словарь памятников 2-й четверти XVII в. Казань, 2010; Галиуллин К. Р., Шакирова Р. Р. Казанский край: Словарь памятников 3-й четверти XVII в. Казань, 2009; Галиуллин К. Р., Дмитриева Р. Т. Казанский край: Словарь памятников 4-й четверти XVII в.: Интернет-словарь.

17 Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. Вып. 9: Ильм — Казнь / Под ред. Е. В. Генераловой, О. В. Васильевой. — СПб.: Наука, 2020. — С. 26.

18 Там же. С. 330

19 Там же. С. 26

ПРИМЕЧАНИЯ

1 <http://msk-slovar16-17v.slovo-spb.ru/retsenzii.htm> [дата обращения 02.02.2021]

2 Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. / Под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1. — СПб.: Наука, 2004. — С. 4-17.

Рецензия

Реброва И.В. А судьи кто? Русская классика и прецедентность: учебное пособие. —
СПб: «Златоуст», 2020. — 220 с.

DOI: 10.24411/1811-1629-2021-1-106-107

Рецензируемое пособие представляет собой основательно продуманную и хорошо выстроенную методическую интерпретацию прецедентных феноменов — единиц, которые являются национально-детерминированными элементами русскоязычного дискурса и играют важную роль в формировании смысла высказывания. Пособие предназначено иностранным учащимся, владеющим русским языком на уровнях B2 — C1 (ТРКИ 2/3), в том числе — не включенным в языковую среду и в связи с этим не имеющим культурологических и лингвокультурологических знаний, актуальных для любого вида общения. Оно ориентировано на развитие системы необходимых знаний и представлений о базовых, часто повторяющихся в речи прецедентных феноменах (далее — ПФ), восходящих к русской классической литературе XVIII–XIX веков и отражающих основные ценностные и мировоззренческие опоры представителей русской лингвокультуры, не утраченные актуальности в различных сферах современной коммуникации.

В общую структуру пособия включены три раздела: первый носит информационно-исследовательский характер, представляя писателей XVIII–XIX веков, произведения которых стали источниками зарождения ПФ. Здесь также, кроме цитат из литературных произведений, рассматриваются принадлежащие писателям и их современникам высказывания, присутствующие в национальной культуре в качестве прецедентных феноменов. Круг писателей оказался чрезвычайно широким: в него вошли представители и эпохи Просвещения: Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, И. А. Крылов; и Золотого века русской литературы: А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров.

В разделе II продемонстрировано употребление и трансформация этих ПФ в текстах современного массмедийного дискурса, что не оставляет сомнений в их сохраняющейся актуальности и непреходящей ценности.

Раздел III носит практический характер, он предназначен для самостоятельной работы учащихся и позволяет им с опорой на материалы первых двух разделов и предложенный автором универсальный алгоритм анализа освоить подходы к толкованию ПФ. Отметим, что этот раздел базируется на многолетнем опыте работы автора пособия в сфере межкультурной коммуникации и анализа текста как в России, так и за рубежом, что нашло отражение в широком владении языковым материалом и в представлении многообразных форм работы с ним.

Особого внимания заслуживает проект, который предлагается для внеаудиторной работы и позволяет студентам самостоятельно выбрать для представления в аудитории конкретного писателя-классика и ПФ, появившиеся в лингвокультурном пространстве благодаря его творчеству. Такой подход даёт возможность не только проверить владение изученным алгоритмом, но и познакомить студентов с именами М. Ю. Лермонтова, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и др., обращение к творчеству которых было невозможным во втором разделе пособия из-за строго регламентированного количества часов в учебных вузовских планах. Включение имён и произведений этих писателей предлагается в рамках самостоятельной работы над проектом (общий список писателей-классиков всех трёх разделов и ПФ, связанные их творчеством, даны в Приложении 3). В разделе III, в рубрике «Окно в прецедентность», собраны ПФ только тех писателей, которые даются для самостоятельного обучения.

Таким образом, во время презентации своих коллег студенты знакомятся не только с конкретным автором, но и с ПФ, которые ранее не были включены в обучение. В задачу учащегося при презентации проекта в группе входит представление текстов с ПФ, функционирующими в современном лингвокультурном пространстве, и анализ вместе с другими участниками проекта их значений в текстах различной семиотической структуры. Тем самым проект не только расширяет культурологическую компетенцию,

но и позволяет декодировать тексты с ПФ, ранее не изучавшимися.

После выполнения аудиторной и проектной работы студентам предлагается пройти многоступенчатый проверочный тест, включающий также задания творческого характера и дающий возможность продемонстрировать владение алгоритмом анализа ПФ для разных уровней владения языком — В2 — С1 (в том числе тех ПФ, знакомство с которыми состоялось во время презентации проекта в аудитории).

Все разделы пособия поддерживаются приложением, включающим: 1) алгоритм анализа текста, содержащего ПФ, и образец их анализа для уровней В2 и С1; 2) систему лексических средств, служащих строчными (клишированными) средствами для описания личности писателя, его произведений и собственной оценки его творчества, организованных по принципу от «содержания – к языковому выражению» и 3) список прецедентных феноменов, принадлежащих тому или иному автору и извлечённых из текстов писателей-классиков. В конце пособия даются ключи, приводится список литературы и словарей.

Таким образом, в пособии реализована сложная задача — объединить изучение языка и культуры в ракурсе коммуникативно-прагматического подхода в обучении русскому как иностранному, что осуществляется посредством пошагового наблюдения над происхождением ПФ, далее — за функционированием лингвокультурных единиц в самостоятельно подобранных вербальных, поликодовых и невербальных текстах русской культуры.

Успешное решение данной задачи было осуществлено благодаря особой презентации материала внутри разделов, представленной тремя этапами: первым, культурологическим (ПФ как знак культурного пространства), на котором происходит знакомство с культурологическим материалом, касающимся каждого конкретного писателя, его творчества, восходящих к его произведениям ПФ. Отметим, что при этом автор дает возможность использования образовательных сайтов и платформ (таких как МООК — Massive Open Online Courses), прежде всего материалов лингвострановедческого словаря «Россия» (интерактивные задания которого включены в пособие и представлены в соответствующих рубриках «Какой же студент не любит работать в группе?»)

и других электронных ресурсов портала «Образование на русском» Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Помощь преподавателю окажут ссылки, данные в конце раздела, на сайты биографий каждого писателя, на лекции об их творчестве, на экранизации их произведений; второй этап — лингвокультурологический, направленный на практическую работу с высказываниями как дискурсивными единицами в тексте-источнике и в текстах различной семиотической структуры, где они употребляются как ПФ. Обращение к тестам разнообразной семиотической структуры способствует прохождению учащимися этапа «лингвокультурологической адаптации», на этом этапе ПФ даётся как некий образец, эталон, в результате которого поступательно вырабатываются тактики и стратегии не только по нахождению ПФ в исходном, но и трансформированном виде, формируется навык извлекать имплицитные смыслы из всего текста. Знакомство с инвариантом ПФ, ставшего для учащегося неким эталоном, позволяет перейти к третьему этапу, который предполагает умение использовать ПФ в собственной речи, создавать оригинальные тексты рекламного и эссеистического характера с ПФ, в том числе давать трансформированные варианты изученных прецедентов. Третий этап — самостоятельная работа (контроль над употреблением ПФ) наиболее полно представлен в III разделе, в работе учащихся над проектом (но этот этап присутствует в заключительных заданиях каждой темы, всех разделов книги, в рубрике «С корабли на бал... Работаем самостоятельно»), во время которой учащиеся должны продемонстрировать результаты обучения, осуществив анализ по разработанному автором алгоритму и выполнив проверочный тест (см. выше).

Помимо перечисленных неоспоримых достоинств, значимость данного пособия состоит в возможности использования его материалов в курсах по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и анализу текста, а также в приобщении, прежде всего — филологов, к чтению русской классической литературы, которое требует сосредоточенности на событиях русской истории и культуры.

К.ф.н., доцент Л.Д. Самохвалова

ПАТРИАРХ НЕМЕЦКОЙ РУСИСТИКИ: К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИИ ЙОХАННЕСА БААРА

PATRIARCH OF GERMAN RUSSIAN STUDIES: ON THE 100TH ANNIVERSARY OF DOCTOR OF PHILOLOGY JOHANNES BAAR

В феврале 2021 года исполняется 100 лет со дня рождения почетного доктора Санкт-Петербургского университета доктора филологии Йоханнеса Баара (1921–2018), выдающегося Человека, блестящего популяризатора русского языка, организатора семинаров русского и немецкого языков в Германии и советской и постсоветской России, создателя и организатора старейшего в Германии Международного ежегодного семинара русского языка в Тиммендорфер Штранде.

Вспоминая сегодня о событиях жизни этого замечательного, доброжелательного, чуткого человека, знатока и любителя русского языка, неустанного его пропагандиста в Германии, мы думаем о том, какие беды пришлось пережить человеку XX века: война, лишения, плен... но самое главное заключается в том, что победить человека оказалось невозможным.

Судьба этого необыкновенного человека — это летопись целой эпохи, а сам доктор Баар стал Человеком-легендой. Его удивительная биография поражает. Бывший немецкий офицер, он прошел испытания Второй мировой войны и плена, но не только не пал духом, не очерствел душой, но полюбил советских людей и русский язык, сделал все, что может сделать человек, чтобы восстановить добрые отношения и чувства между нашими народами. В послевоенной Германии Доктор Й. Баар стал выдающимся популяризатором русского языка и русской культуры.

Блестящая эрудиция, великолепные организаторские способности, удивительная настойчивость в достижении поставленной цели, умение собрать вокруг себя друзей, учеников, необычайные личные качества — все это в полной мере дало себя знать в главном деле его жизни: организации семинаров русского и немецкого языков в Федеративной Германии и Советском Союзе. В напряженные годы послевоенного непонимания он стал человеком, наводящим мосты между Германией и Россией. В своей книге «Урок

русского: фронтовые письма немецкого лейтенанта» доктор Баар написал: «Я попытался выучить русский язык, познакомиться с людьми этой страны. И уже на протяжении десятилетий я пытаюсь делать все для распространения этого языка, оптимистично веря, что разговор с людьми другой нации является основой для равноправия, избавляет от комплексов, содействует заботе о ближнем».

Йоханнес Баар родился 7 февраля 1921 года в поселке Хайсенбюттель (Нижняя Саксония), вырос в поселке Эльбек недалеко от Люнебурга, в 1940 г. окончил гимназию города Люнебург. В октябре 1940 года он стал солдатом вермахта и 22 июня 1941 года с немецкими войсками вступил на территорию Советского Союза. Он был призван в армию солдатом артиллерийского полка вермахта, после окончания курсов офицерского состава стал лейтенантом, воевал на Восточном фронте. 8 мая 1945 года в Курляндии (современная Латвия) попал в советский военный плен.

На советско-германском фронте в 1941–1945 гг. Йоханнес Баар прошел нелегкий путь прозрения. Придя в Россию молодым немецким солдатом-новобранцем с верой в правоту миссии «похода на восток», он многое пережил и сумел увидеть и понять чужую страну.

28 ноября 1946 года вернулся на родину. После всех испытаний Йоханнес Баар в 1947 г. стал студентом филологического факультета Гамбургского университета, изучал греческий, латинский и русский языки, защитил в 1952 году диссертацию, получил ученую степень доктора филологии и начал работать в городской гимназии, где в 1955 г. организовал кружок русского языка.

В 1964 году доктор Баар стал руководителем профессионального семинара по русскому языку в Гамбурге и получил приглашение в Москву на четырехнедельный семинар в Московский университет.

В 1966 г. он активно поддержал инициативу земельной ассоциации преподавателей русского языка и славистов Гамбурга по организации и проведению в городе Тиммендорфер Штранде двухнедельного семинара для западногерманских русистов. Его заслугой было то, что в этом небольшом фешенебельном курортном городке он нашел единомышленников: идею Русского семинара поддержали курдиректор и бургомистр Тиммендорфер Штранда, которые прошли, как и он, горнило Второй мировой войны и побывали в русском плену. С 1968 по 1995 г. доктор Баар руководил Тиммендорфским семинаром русистов, получившем широкое международное признание и авторитет.

Доктору Йоханнесу Баару удалось создать на семинаре русистов в Тиммендорфер Штранде уникальную атмосферу духовной близости, взаимопонимания, открытости, интеллектуальной свободы и ни с чем не сравнимой человеческой дружбы. «Две недели России» в сердце Германии значили очень много: это был настоящий, искренний диалог между Западом и Востоком. Таковую атмосферу любви к русскому языку, его народу и культуре мог создать только тот, кто сделал смыслом своей жизни пропаганду языка Достоевского и Толстого, Пушкина и Чехова, кто искренне любил Россию.

Во времена холодной войны доктору Баару удалось получить разрешение проводить семинары по Тиммендорфскому образцу в Советском Союзе, а затем в России и на Украине, сначала (1973 г.) в Симферополе, и вскоре в других городах. В 1977–1989 г. подобный семинар работал в Киеве на базе Киевского государственного университета им. Т. Шевченко. В период советской перестройки «бааровские семинары» активно функционировали в Москве, Ленинграде, Минске, Смоленске, Твери, Иркутске. Они сохраняли популярность до начала XXI века — более 30 лет!

Многие немецкие слушатели семинара в Тиммендорфер Штранде не просто осваивали русский язык или совершенствовались в его познаниях, но и узнавали Россию и русские реалии со всеми их плюсами и минусами, что способствовало более глубокому взаимопониманию наших народов. И именно доктор Баар открывал им глаза на неведомую Россию, находя свой ключ к каждому участнику семинара, к его интересам и личности. Он индивидуально обращался к каждому участнику, сам рассылал анкеты, внимательно выслушивал просьбы и рекомендации,

знал всех по именам и вел с каждым «тиммендорфцем» личную переписку. Немало участников семинара отправлялись с ним в поездку по России и Украине, открывая новые горизонты межъязыкового и межкультурного общения.

Очень важным было привлечение молодежи — русских и украинцев, с которыми Баар с присущей ему непосредственностью вступал в культурно-образовательный контакт. Каждый его приезд в нашу страну, обычно с группой немецких туристов, становился праздником, в котором русские коллеги с радостью принимали участие.

В 1990 году доктору Йоханнесу Бару удалось открыть новый языковой семинар в Тиммендорфер Штранде для советских студентов-германистов. Первыми его участниками были тридцать студентов из Ленинграда, Симферополя и Смоленска. На этот семинар в Тиммендорфер Штранд уже в 29 раз приезжают студенты-германисты из России и Украины, чтобы жить и учиться вместе с немецкоговорящими студентами, изучающими русский язык на семинаре русского языка. Взаимное обогащение слушателей обоих семинаров на берегу Балтийского моря невозможно переоценить.

Благородная деятельность Йоханнеса Баара, связанная с преподаванием и популяризацией русского языка, получила мировое признание. Он был избран Почётным доктором Санкт-Петербургского государственного университета (1990), награждён Федеральным Крестом «За заслуги» (Германия, 1996 г.), в 1985 г. был удостоен высшей награды Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) — медали А. С. Пушкина, неоднократно избирался вице-председателем Федерального союза преподавателей русского языка ФРГ.

Доктор Йоханнес Баар ушел из жизни 29 октября 2018 года на 98-м году, но до последних дней он не терял связи с Тиммендорфским семинаром, с российскими и украинскими преподавателями, со слушателями. Каждая такая встреча с этим умным, отзывчивым человеком, знатоком русского языка, Учителем и наставником была праздником для его участников. Таким он и останется в нашей памяти.

*Борис Никифорович Коваленко,
доцент Санкт-Петербургского государственного
университета, Россия*

СЕВЕРНЫЙ (АРКТИЧЕСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА: ФИЛОЛОГИЯ В АРКТИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ

NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL UNIVERSITY NAMED AFTER M. V. LOMONOSOV:
PHILOLOGY IN THE ARCTIC COORDINATES

DOI: 10.24411/1811-1629-2021-1-110-120

В статье описывается место САФУ имени М.В. Ломоносова в академическом пространстве: миссия, стратегическая цель, связь эргонима с «арктическим вектором» развития. Подчеркивается активность вуза в области международного сотрудничества, экспедиционной деятельности: проект «Арктический плавающий университет» стал визитной карточкой страны. Биографические зарисовки, посвященные выдающимся ученым, предлагаются как примеры служения на университетском поприще. Филологические исследования рассматриваются под особым углом зрения: как обусловленные коллективным сознанием северного человека, духом поморской земли, гением Ломоносова. Раскрывается содержание работы по основным направлениям: изучение Северного текста, диалектологические исследования, описание региональной языковой картины мира, деятельность по продвижению русского языка.

Ключевые слова: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, САФУ, Арктика, филология, Северный текст.

A place of the NArFU in the academic space is described in the article: the mission, the strategic goal, the connection of the ergonym with the “Arctic vector” of development. The author emphasizes the activity of the university in the field of international cooperation and expedition activities: the project “Arctic Floating University” has become an academic symbol of the country. Biographical sketches about famous scientists are offered as examples of service in the university field. Philological studies are considered from a special angle: as conditioned by the collective consciousness of the northern man, the soul of the Pomor land, the genius of Lomonosov. There are showed the content of main directions of philological research: the study of the Northern text, dialectological research, description of the regional language picture of the world, activities to promote the Russian language.

Keywords: Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, NArFU, Arctic, Philology, Northern text.

Архангельск — первый русский портовый город, сердце поморской земли, столица Архангельской области, которую называют Землей белых ночей. Суровая северная природа и уникальная история сформировали особый тип людей — поморов и особую поморскую культуру, которая питает и вдохновляет духовную жизнь современного человека — жителя Архангельска и Архангельской области. «Родина первооткрывателей и мореходов, Ар-

хангельск имеет и второе имя — Ворота в Арктику» [Булатов 2001: 3]. Именно этим метафорическим перифразом названа книга В.Н. Булатова из авторского цикла «Русский Север». XXI век делает акцент именно на такой роли Архангельска в современном мире. Описания исследований Арктических широт — от первого поморского следа 1032 года до новейших арктических экспедиций — подтверждают истинность такого понимания миссии Архангельска¹.

Интеллектуальным лицом современного Архангельска и всего Русского Севера стал Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, который был создан в 2010 году путём объединения Архангельского государственного технического университета, Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Архангельского лесотехнического колледжа Императора Петра I и Северодвинского технического колледжа.

Все в университете — от атрибутики до стратегической цели — сопряжено с идеей уникальности северной земли, нацелено на сохранение поморских традиций и выход в международное пространство — через покорение арктических просторов и через осуществление миссии научного и кадрового обеспечения защиты геополитических интересов России в Арктике. Даже своим названием САФУ отличается от своих федеральных «братьев», объединяя в официальном имени два эргонима — *Северный* и *Арктический*.

Эмблема университета представляет собой аббревиатуру САФУ, выполненную в темно-синем, голубом и белом цветах, которые символизируют арктический вектор вуза и несут значения — постоянство, настойчивость, строгость, единение, истинность, вдохновение, честь, достоинство. «Белая поверхность Арктики», графически обозначенная дугой под буквами, и фрагмент «полярного сияния»,

заключённый в геральдическом щите, образуют визуальную рифму арктическому цветовому звучанию. А книжный разворот полярного сияния становится символом науки и образования (см. рисунок 1).

Рис. 1. Эмблема Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова

Прилагательное *Арктический* в названии отсылает к стратегической цели университета, определяемой как формирование интеллектуального центра освоения Арктики в международном пространстве.

САФУ входит в Университет Арктики — международную сеть вузов и исследовательских институтов, расположенных в странах приполярного Севера (России, Норвегии, Швеции, Финляндии, Канаде, Исландии, Королевстве Дания, США), а также в некоторых неарктических странах (Китай, Великобритания, Южная Корея, Франция, Япония, Бельгия, Австрия и Монголия). Эта организация получила поэтическое название «университета без стен». Исследовательский офис Университета Арктики, открытый на базе Северного (Арктического) федерального университета в 2011 году, осуществляет поддержку международного сотрудничества в рамках сетевых проектов и других инициатив. Университет Арктики продвигает в мире общие ценности арктических государств и населяющих их северных народов, содействует культурному, в том числе языковому, разнообразию современной цивилизации. И для 24 тысяч студентов САФУ из 54 стран «загадочные» слова *циркумполярность*, *циркумполярный мир*, *циркумполярные науки* понятны, актуальны и интеллектуально притягательны.

Экспедиционная деятельность — это сердце научной жизни в САФУ с момента зарождения университета. Так, в 2011 году в ходе экспедиции на Новую Землю установлены шесть указателей принадлежности территории национальному парку «Русская Арктика» на мысе Пинегина и других точках; съёмочной группой САФУ сняты фильмы о работе экспедиций — научно-исследовательского судна «Иван Петров» и судна «Профессор Молчанов»; в том же году проведена первая археологическая экспедиция САФУ по изучению объектов наследия Соловецкого монастыря — места, история которого проникнута святостью и трагизмом.

Уникальный проект «Арктический плавучий университет» стал визитной карточкой нашей страны. Это уникальные морские экспедиции на борту научно-исследовательского судна «Профессор Молчанов», в которые отправляются молодые ученые и студенты (см. рисунок 2).

Рис. 2. НИС «Профессор Молчанов»

Первая экспедиция состоялась в 2012 года при поддержке Русского географического общества. Министр обороны РФ С. К. Шойгу в интервью для журнала «Неизвестная Сибирь» в октябре 2018 года назвал проект «Арктический плавучий университет» в числе главных для Русского географического общества на ближайшие годы. Каждый год экспедиции проводятся в Западном секторе Российской Арктики (Белое, Баренцево, Карское моря). Судно специально оборудовано и позволяет разместить до 80 пассажиров и членов экипажа. На его борту студенты из России, Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Франции, Нидерландов, Испании, Исландии, США, Канады, Бразилии и Швейцарии изучают химический состав почв архипелагов

и островов, типы почвенно-растительного покрова, популяции и миграции морских животных, проводятся мониторинг загрязнений Арктики, реконструируют ее геологическую историю, проводят медико-биологические исследования, в том числе изучение особенностей молекулярно-генетического, иммунологического статуса коренного населения. Плавающий университет изучает не только природную среду (климат, арктические экосистемы и др.), но и историко-культурное наследие пространства Арктики — архипелагов Новая Земля, Земля Франца-Иосифа, Шпицберген².

В 2010 году в САФУ создан уникальный Центр пользования научным оборудованием «Арктика» для высокоточных анализов, позволяющих с атомной точностью исследовать структуру вещества. А через несколько лет появляется первая в России лаборатория биомониторинга для исследований в Арктике.

Уже не первый год САФУ проводит конкурс молодых исследователей «Постигая Арктику». Идеология конкурса такова: кто приходит в Арктику, похож на врача, дающего клятву Гиппократу, здесь главная заповедь — «не навреди». Свои «рекомендации по лечению» территории высоких широт на суд экспертов представляют студенты российских и зарубежных вузов³.

Как видим, в стенах университета все дышит и живет Арктикой. Даже название международных олимпиад САФУ для школьников и для иностранных граждан звучит по-арктически: «Будущее Арктики».

В интервью ИА ТАСС ректор САФУ Е. В. Кудряшова сообщила, что в 2020 году университет завершает первую десятилетнюю «арктическую программу развития», но уже совместно с Минобрнауки России и Минвостокразвития разработана программа до 2035 года в соответствии со стратегией развития АЗРН-2035⁴. В 2020 году Генеральным директором ЮНЕСКО г-жой Одри Азуле и ректором САФУ Еленой Кудряшовой было подписано Соглашение о создании кафедры «Технологии сохранения историко-культурного наследия стран Арктического региона». В этом же году, юбилейном для вуза, НОЦ «Российская Арктика» вошел в число победителей конкурса научно-образовательных центров мирового уровня.

Несмотря на ярко выделенный арктический вектор, на первом месте в имени университета стоит прилагательное *Северный*. И это не просто географическое обозначение. Центральный корпус университета располагается на набережной Северной Двины, в здании Епархиального училища 1914 года постройки с гордыми белыми колоннами. Перед ним — памятник Михаилу Васильевичу Ломоносову, созданный Иваном Петровичем Мартосом в 1829 году на деньги архангелогородцев: скульптура изображает русского ученого, одетого в античную тогу, держащего лиру, подносимую ему коленами поклоненным юношей с крыльями — воплощение гениальности (рисунок 3).

Рис. 3. Памятник М. В. Ломоносову, скульптор И. П. Мартос

Имя М. В. Ломоносова федеральному университету присвоено в 2011. Гений Ломоносова, рожденный северной землей, определил развитие российской науки. Филологи САФУ не только вдохновляются идеями великого земляка, но и сохраняют его образ в научном дискурсе. В книге доктора филол. наук, профессора М. Ю. Елеповой «"Российско солнце на восходе"». Ломоносов и его мир⁵ многоаспектно осмысливаются мировоззрение и твор-

ческое наследие М.В. Ломоносова, рассматриваются литературные произведения и публицистические труды писателя, его исторические взгляды и демографические позиции, роль ученого в развитии русского мозаичного искусства. Ломоносов характеризуется не только как поэт и ученый, но и как цельная и самобытная личность, православный христианин, замечательный знаток Священного Писания, святоотеческих творений, богослужебных книг, церковной истории.

История науки на северной земле, в стенах университета и история самого университета складывается из биографий людей, которые создавали его, отдавая родному вузу талант и жизнь, или вырастали в стенах своей альма-матер⁶. Историки и биографы сходятся в мысли о том, что северная земля по-особому влияет на формирование характера человека, на становление ученого. В 1929 году вышло постановление Совета народных комиссаров РСФСР об открытии Архангельского лесотехнического института в качестве однофакультетного вуза, в который поступили 80 человек. А в 1932 году первые студенты переступили порог Архангельского педагогического института (позже ставшего Поморским государственным университетом). Эти вузы объединяло то, что они возникли «на земле с богатейшими историческими и духовными корнями, на земле поморов, мореходов и землепроходцев, людей честных и мужественных, с молоком матери усваивавших потребность в знаниях, без которых нельзя было выжить на суровом Севере, осваивать моря и новые земли, высоко чтивших образование и образованность» [Голдин 2002: 33].

Уникальные личности, семьи и династии вписали свои имена в историю вузов — предшественников САФУ. Так, оставила яркий след в науке и в сохранении культуры Русского Севера семья Гемп. Ксения Петровна Гемп родилась в 1894 году в Санкт-Петербурге в семье коренных архангелогородцев. Вернувшись с родителями на их родину, девочка влюбилась в Русский Север. Позже, окончив историко-филологический факультет Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов, она вновь возвращается в Архангельск, чтобы подарить свой педагогический и исследовательский талант Северному краю. Так, в 1945 году Ксения Петровна

организовала производство антибиотика, разведенного на продуктах переработки водорослей, который спас жизнь многим людям. Она преподавала мировую историю искусств в Архангельском педагогическом институте, занималась этнографическими исследованиями, краеведением, была крупнейшим исследователем творчества, жизни Ломоносова. Книга «Сказ о Беломорье»⁷ была высоко оценена Д.С. Лихачевым и Ф. Абрамовым. В книгу включён «Словарь поморских речений», который К.П. Гемп составила на основе картотеки поморских слов, собираемой на протяжении всей жизни. Благодаря семье Гемп были сохранены и изучены уникальные документы, культурные памятники, многие из которых были переданы Ксенией Петровной и ее мужем, деканом исторического факультета Архангельского государственного педагогического института, в Пушкинский Дом.

Другой пример служения на университетском поприще — судьба династии Гибшманов, вошедшей в историю вуза представителями пушкинского рода и талантливыми преподавателями. Праправнучка Александра Сергеевича Пушкина, Ирина Евгеньевна Гибшман, родилась 21 августа 1908 года в Бобруйске, окончила факультет иностранных языков Архангельского Государственного педагогического института, преподавала английский язык в школе, затем стала заведующей кафедрой английского языка своей альма-матер. Сохранение и популяризация наследия прапрадедушки — великого поэта было неотъемлемой частью ее жизни. Ее муж Александр Рудольфович был ученым в области технологии и механизации лесозаготовок и заведовал кафедрой механизации лесоразработок Архангельского лесотехнического института.

Ряд имен талантливых ученых, творивших и творящих предысторию и историю университета, можно увеличивать: ученый-энциклопедист Н.Я. Новомбергский, исследователь в области производства целлюлозно-бумажных материалов В.И. Комаров, химик Б.Д. Богомолов, лесовод И.Я. Мелехов, историк Г.Г. Фруменков, филолог И.Е. Аничков, литературовед Г.М. Фридляндер и др. Благодаря их труду, любви к науке и преданности делу стало возможным появление САФУ, объединившего традиции и потенциал разных вузов.

Сегодня САФУ — это партнер десятков университетов по всему миру. Конечно, прежде всего выстраиваются контакты с северными соседями. Так, большая роль в международном сотрудничестве России и Норвегии принадлежит академическому партнёрству САФУ и университета Тромсё, в том числе программе Норвежско-русских правительственных стипендий и другим актуальным проектам. Тесные связи у вуза с Финляндией, Швецией, Канадой и США, развивается сотрудничество с вузами Великобритании, Германии, Польши и других стран. Например, лингвисты САФУ совместно с европейскими коллегами из ДААД работают над проектом «Перевод устно-порождаемой речи», создавая электронные корпуса по переводу с немецкого на русский язык. Внимание САФУ нацелено и на восток: с 2015 года и по настоящее время реализуется проект «Развитие китаеведения на Севере России и в САФУ»; выстраивается диалог с Тамканским университетом (Тайвань) в рамках курса «Разговоры на русском» и пр.

Да, Русский Север открыт и радушен. Но в то же время в коллективном сознании северного человека, помора по духу, проходит четкая граница «свое-чужое». И к *своему* на северной земле относятся бережно — к культуре, традициям, языку. Красота и глубинность северной речи не раз подчеркивались писателями и филологами, см.: «Однако, быть может, самый большой, самый непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры — это слово. Живое народно-поэтическое слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер. <...> На Севере издревле вся жизнь, и повседневная, и праздничная, была пронизана многоцветным краснословьем <...> А как же иначе? Как жить в этом суровом краю без опоры на чудодейственную силу слова?» [Абрамов 1984: 6]. «Северное слово» — это знак особенности, самобытности, магнит, притягивающий мастеров художественного слова и исследователей.

Филологические исследования, прежде всего исследования северной речи, региональной специфики дискурсов (дискурсивных практик), в настоя-

щее время ведутся кафедрой русского языка и речевой культуры, кафедрой литературы, а также кафедрой литературы и русского языка филиала САФУ в г. Северодвинске. Научная работа выстраивается на основах, заложенных выдающимися филологами: профессором Лидией Павловной Комягиной (1937–2017) — ученым в области диалектологии и лингвистической географии, автором фундаментального труда «Лексический атлас Архангельской области», создателем картотеки архангельских народных говоров; профессором Людмилой Сергеевной Скепнер (1928–2011), посвятившей жизнь литературному краеведению, создателем хрестоматии «Литературный Север», автором монографии «Словесное искусство Русского Севера в литературном образовании и развитии школьников»; Шамилем Загировичем Галимовым (1925–1998), профессором, писателем, известным литературоведом, автором первой монографии о Фёдоре Абрамове, и другими учеными.

Под руководством профессора, доктора филол. наук Н.В. Дранниковой в университете работает Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера, который был создан еще в 1995 году. Сотрудники Центра собирают и изучают фольклор, формируют фольклорный архив, который состоит из сорока фондов, сформированных по топографическому, хронологическому и тематическому принципам. В архиве в основном можно найти материалы, собранные начиная с 1978 г., когда в программу педагогического института была введена фольклорная практика. Однако ранние фонды архива относятся к 1930 г. Также можно найти материалы комплексной экспедиции 1960–1963 гг. Института русской литературы (Пушкинский Дом) и Архангельского государственного педагогического института им. М.В. Ломоносова. Исследовательская работа в Центре ведется по разным направлениям: «Фольклор Европейского Севера: система локальных вариантов», «Народная культура Поморья: традиции и современность», «Локальный текст современного северного города», «Изучение исторической памяти жителей г. Архангельска» и др. Центр входит в международную научную сеть «Circumpolar Archives, Folklore and Ethnography» («Циркумпольярные архивы, фольклор и этнография»). Северной зачаро-

ванностью веет от топонимов, внесенных в отчеты фольклорных экспедиций: д. Занюхча, д. Пиринемь, д. Чешегора, д. Ваймуша, д. Кеврола, д. Немнюга, д. Почезерье, с. Пурнема, д. Лямца и др. Романтика фольклорной работы отражена в документальном фильме «Поморский путь Натальи Дранниковой. Фольклорно-антропологические экспедиции САФУ на Зимний берег Белого моря».

Северный текст как объект исследования формирует особое направление в современной филологии. Главный вектор литературоведческих исследований, проводимых в стенах САФУ, — литература Русского Севера, в которой «сохранились фольклорные традиции, страстность воззваний протопопа Аввакума, энциклопедичность М.В. Ломоносова» [Фесенко 2015: 4].

На базе кафедры литературы САФУ с 2008 года работает Музей-лаборатория «Северный текст русской литературы». Профессор, доктор филол. наук Е.Ш. Галимова впервые определила место Северного текста в системе сложившихся в отечественной словесности локальных (городских и региональных) сверткестов. В программной статье Е.Ш. Галимова отмечает: изучение Северного текста «началось усилиями профессора Н.М. Терехихина, основателя одного из самых плодотворных научных направлений, существующих сегодня в пространстве северной гуманитарной парадигмы (исследования сакральной географии Поморья в аспекте семиотики культуры)» [Галимова 2012: 125]. В настоящее время в рамках научного направления проводятся тематические конференции, издаются научные труды⁸. Исходный тезис, объединяющий различные научные работы этого направления, звучит так: «Природу Северного текста русской литературы мы определяем не как суммарную совокупность произведений, посвященных Русскому Северу, а именно как художественное единство более высокого уровня (сверткест), обладающее, при всей сложности своей структуры, целостностью, общностью мерцающих в глубине его сверхэмпирических высших смыслов. Цельность такого многосоставного явления, как Северный текст обеспечивается прежде всего его глубинным подтекстовым (сверткестовым) смыслом, который выявляется в процессе исследования.

И именно этот смысл определяет уникальность Северного текста. С нашей точки зрения, сущность этого сверхэмпирического смысла — в восприятии Русского Севера как мифопоэтического пространства, таящего в себе в «запечатленном» виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова» [Галимова 2012: 126]. Создателем протекстовой основы Северного текста русской литературы признается М.В. Ломоносов [Елепова, Ваенская 2017: 68-79]. Доктор филол. наук А.Г. Лошаков рассматривает северный текст как сверткест, выделяя его «центральный нерв, определяющий архитеконику» — полярность взглядов на Русский Север, контрверзу в его художественном осмыслении, а также «единый инвариантный претекст» [Лошаков 2018: 132-133]; ученый подчеркивает, что сверткест является символическим выражением ценностной сущности Русского Севера.

Серьезным вкладом в изучение северного текста является монография профессора Э.Я. Фесенко «Притяжение Севера», автор которой в русле литературной антропологии сосредоточился на анализе северорусской картины мира, воссозданной в произведениях русских писателей: «Характер поморов Русского Севера в разных аспектах ярко проявился в документальных и художественных книгах русских писателей XX века — в дневниках М. Пришвина и Ю. Казакова, в рассказах и повестях Б. Пильняка, Е. Замятина, А. Чапыгина и А. Серафимовича, в романе В. Каверина, прототипами героев которого стали полярные исследователи Г. Седов и Г. Брусилов, а также военные летчики Севера» [Фесенко 2015: 5]. Последнюю главу монографии автор посвятил «арктической теме», познакомив читателей со своими размышлениями над страницами русской литературы, см.: «*Арктическая повесть* Б.А. Пильняка «Заволочь»; В.А. Каверин. *По следам романа «Два капитана»*; «*Обыкновенная Арктика*» Б.Л. Горбатова; «*Соленый лед*» Арктики В.В. Конецкого; *Мифопро странство Крайнего Севера в творчестве О.М. Куваева*; В.М. Санин: «*Не говори ты Арктике — прощай!*» [Фесенко 2015: 285-420].

Языковедческие исследования литературного и речевого ландшафта Русского Севера в универси-

Рис. 4. Труды о северном слове (коллаж)

тете развиваются по нескольким направлениям (см. рисунок 4).

Известно, что северные диалекты активно собираются и лексикографируются научными группами разных вузов России. Однако для филологов САФУ северный говор — это не просто материал и объект исследования, а живая, родная речь, в контексте которой и рождаются академические штудии. Результаты диалектологических исследований университета представлены в словарях, монографиях, сборниках научных трудов, диссертациях². На кафедре русского языка и речевой культуры собран и пополняется в настоящее время каталог северных диалектов, которые изучаются в различных аспектах. Так, интерес доктора филол. наук, профессора кафедры литературы и русского языка филиала САФУ в г. Северодвинске Л. А. Савеловой сосредоточен на диалектных наречиях. Л. А. Савелова анализирует архангельские говоры, выделяет доминанты северной русской диалектной речи в художественных произведениях. Примеры диалектных наречий, включаемые исследователем в круг описания и анализа, звучат как лингвистические загадки, вызывающие улыбку и пробуждающие интуицию: *эво* — «вот здесь», *эвон* — «вон там», *попосле* — «немного после», *попрёже* — «немного раньше», *третьёводни* — «позавчера», *сеговоды* — «в этом году», *какмога* — «обязательно, прилагая все уси-

лия» [Савелова 2012: 110-114]. Изучение северных диалектов обогащается грамматическими работами доктора филол. наук Л. В. Поповой и ее последователя — О. Е. Гривы. Диалектные названия ягод, грибов, одежды, украшений и др. — предмет изучения доктора филол. наук Л. В. Ненашевой. Также Л. В. Ненашева занимается исторической диалектологией по северным памятникам письменности; в настоящее время объектом ее исследования являются «Пролог» (конец XV века) и старообрядческие сборники XVIII–XIX веков. Доцент кафедры русского языка и речевой культуры А. С. Онегина (Уткина) исследует современное состояние диалектов: она описала диалектные особенности речи населения Ленского района Архангельской области, отдельные тематические группы диалектной лексики Пинежья, юга области и др.

Словарная группа кафедры русского языка и речевой культуры в течение нескольких лет выпустила три тома «Словаря народно-разговорной речи города Архангельска»: т. 1. Городское просторечие, т. 2, ч. 1. Городские социолекты. Профессиональная речь моряков и рыбаков, т. 2, ч. 2. Городские социолекты. Молодёжный жаргон. Во введении к словарю читаем: «Словарь призван, во-первых, зафиксировать народно-разговорную речь Архангельска конца XX — начала XXI века, периода больших социальных потрясений в России, когда язык стремительно менялся и в нем одновременно сосуществовали пласты лексики, отражающие быт, представления, реалии трех различных эпох: дореволюционной, советской и постсоветской; во-вторых, привлечь внимание горожан к проблемам культуры речи; в-третьих, способствовать возвращению в речь архангелогородцев отдельных забытых слов поморского лексикона. Это словарь комплексного типа: по своему основному предназначению он толковый, но в нем также содержатся этимологические, энциклопедические, функциональные и нормативно-запретительные пометы» [Морозова 2013: 8]. Листаешь страницы первого тома словаря и «слышишь» живую речь жителей Архангельска, в чем-то понятную, а в чем-то чуждую жителям других регионов России: *В груди закололо, ажно похолодела вся; Дочка у меня в алтишний садик ходила* и др. Еще интереснее через страницы второго тома заглянуть в жизнь поморских моряков и рыбаков: *зуёк, охлыньё, вешало* и т.д. [Словарь народно-разговорной

речи города Архангельска 2013–2016]. Редактор словаря О.Е. Морозова возглавила работу Лаборатории социопсихолингвистики, основанную в 1996 году, с целью изучения активных микропроцессов, происходящих в русской речи конца XX — начала XXI века; в стенах лаборатории много лет собирались и обрабатывались материалы для словаря. Под руководством О.Е. Морозовой выполнен ряд научных работ по теме языковой личности, к ее монографии¹⁰ неизменно обращается каждый исследователь, кто пишет о речевой деятельности.

Особенности региональной концептуализации мира являются основной линией трудов лингвистов, русистов САФУ¹¹. Так, под редакцией доктора филол. наук Т.В. Симашко был выпущен ряд сборников по данной тематике. Э.Н. Осипова рассматривает проблему номинации Поморья; О.Е. Морозова ставит вопрос о поморском риторическом идеале; В.А. Марьянич и Л.В. Попова исследуют семантику частей речи в северной прозе; Н.А. Петрова — региональных местоимений в аспекте системы и асистемы языка; Т.А. Сидорова, разрабатывая теорию когнитивного стиля, описывает особенности произведений Б. Шергина — северного самобытного писателя, в русле когнитивной лингвистики выполнены ее исследования образа промысловой лексики поморов, фрагмента мира «семья» в поморском лексиконе, образа коня/лошади в языковой картине мира северного крестьянина и др. Т.В. Петрова, Н.А. Петрова, Т.М. Юдина опубликовали ряд интересных работ, описывающих эргонимы и урбанонимы современного Архангельска, через которые интерпретируется культурная среда, прошлое и настоящее столицы Русского Севера, формируется локус «своего»: *Соловецкое подворье, Рыбацкая слобода, Беломорские узоры, Краски Севера, Северная ягода, У Двины, Полярный, Арктический, Беломорский* и т.д.

Из-под пера доктора филол. наук, профессора кафедры русского языка и речевой культуры А.В. Петрова вышел ряд работ, посвященных творчеству северных поэтов и писателей¹²: Ольги Фокиной, Николая Журавлева, Анатолия Левушкина, Вадима Беднова, Николая Рубцова, Дмитрия Коржова, Николая Жернакова и других. Но главной точкой притяжения для ученого являются произведения Федора Абрамова, 100-летие которого отмечала литературная Россия

в 2020 году. В монографии «Родниковое слово Федора Абрамова» автор бережно и трепетно исследует особый слог патриарха северной прозы. Благодаря режиссерскому и организаторскому таланту А.В. Петрова, произведения северных писателей получают творческое переосмысление на сценических подмостках в постановках студенческого театра «Балаганчик», который родился в Поморском государственном университете в 1994 году. Вот что пишет о театре сам руководитель: ««Балаганчик» никогда не был формальной организацией, он существовал и существует, потому что нужен студентам ... «Балаганчик» не случайно называется открытым театром, поскольку он открыт для всех неравнодушных, настоящему творческих людей. «Балаганчик» — это минимум декораций и реквизита, это мобильность и доступность, это лёгкость и непринужденность, это традиции и новаторство» [Петров 2020: 159].

Члены кафедры русского языка и речевой культуры активно сотрудничают с учреждениями культуры. Так, доктор филол. наук Л.В. Ненашева занимается исследованием и атрибуцией рукописей, а также анализом рукописных текстов XV–XIX вв., хранящихся в фонде Архангельского музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». Результатом многолетнего исследования стал научный каталог «Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв.»¹³. В 2019 году в стенах музея прошла выставка «Нет праведника без почитания книжного. Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв.», на которой впервые была представлена коллекция рукописных книг из музейных фондов. Выставка позволила посетителям видеть красоту северной рукописной книги: богатое оформление книги «Поморские ответы» (1723 год) с использованием золота и заставкой-рамкой в поморском стиле, миниатюры старообрядческих лицевых сборников XIX века, в том числе ключ к райскому саду и иллюстрации с муками грешников, крюковые ноты, дополняющие богослужебные тексты певческих книг, поморский орнамент памятника письменности «Праздники» и иное. На выставке экспонировался «Месяцеслов, сентябрь-август» (1839 год), написанный на бумаге первой архангельской фабрики, которая просуществовала с 1820 по 1865 годы [Ненашева 2020].

Филологи САФУ, занимаясь изучением феномена северной речи, понимают важность перевода результатов своих исследований в методическую область, ибо северный текст обладает очищающей и созидательной силой: бережное отношение к родному слову, к сокровищнице северного текста позволяет не порваться нити, связывающей поколения и удерживающей человека в мире духовных ценностей. На решение этой задачи нацелены учебные пособия для школьников и студентов, книги для учителей-словесников, создаваемые учеными и авторскими коллективами филологических кафедр САФУ¹⁴.

О месте САФУ в международном пространстве мы уже говорили в начале статьи, но важно подчеркнуть особую миссию университета, связанную с продвижением русского языка. Русский Север является магнитом для иностранцев, которые хотят прикоснуться к истокам русской культуры. Сейчас в САФУ обучаются иностранные студенты из 54 стран. Каждый год Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации организует сезонные школы русского языка и русской культуры для иностранцев. Экскурсии в музей деревянного зодчества под открытым небом «Малые Корелы», в музей «Гостиные Дворы» и др. показывают, что иностранцы, приезжающие в Архангельск с целью практического овладения русским языком, проявляют большой интерес к культуре и традициям поморов. Погружение в северный контекст через слово — затейливую быль и небыль сказок Степана Писахова, музыку поэзии Николая Рубцова и др. — это и технология, и процесс, и результат школ русского языка. Решая лингводидактические задачи с учетом регионального вектора, коллектив кафедры русского языка и речевой культуры издал учебное пособие «Русский Север: пособие по чтению для иностранцев, изучающих русский язык». Занимаясь по этой книге, иностранцы открывают для себя секреты северной земли — ее настоящего и прошлого: *Что символизирует дом в понимании Ф. Абрамова? Какие противоположные качества сочетаются в душе северян? Что такое козули? Какие трагические моменты пережил Соловецкий монастырь? Чем удивляли поморы рациональных норвежцев? Кто был главным в поморской семье?* и др. [Русский Север 2018]. Опыт САФУ в области преподавания русского языка как ино-

странного обобщен в коллективной монографии¹⁵.

В каламбурной метафоре заголовка нашей статьи «Филология в арктических координатах» *координаты* — это не просто «величины, определяющие положение точки на плоскости или в пространстве», «сведения о местопребывании» (как традиционно лексикографируется слово), не географические данные широты и долготы Архангельска на карте — 64.5401, 40.5433, входящие в арктическую зону; *координаты* — это «основные моменты, определяющие данность» [Савченко, Смагин 2006: 169]. Такими моментами для филологических изысканий ученых Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова является то, что, по словам Степана Писахова, «Север своей красотой венчает земной шар», что красота северной земли сохраняется в культуре, в том числе в культуре вербальной. Но культура и красота северного слова, по природе своей, хрупкие и нежные, чуждые агрессивной традиции «самопрезентации», «самопродвижения», открытые всем, но далекие от «зазывальщины» (и снова Степан Писахов: «Не любо — не слушай»). Северный текст, северная речь требуют бережного изучения и сохранения, так как в них — сила северной русской земли, столь нужная сейчас для определения и отстаивания позиций России в Арктическом международном пространстве.

*Марьянчик Виктория Анатольевна,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова;
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и речевой культуры
v.marjanchik@narfu.ru
Victoria Maryanchik,
Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov;
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Russian language and speech culture*

*Шестакова Татьяна Энгельсовна,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова;
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка и речевой культуры
t.shestakova@narfu.ru
Shestakova Tatiana Engelsova,
Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov;
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Russian language and speech culture*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом, например, в публикациях городского журнала Plus <https://openarh.ru/istorija/kto-otkryl-vorota-v-arktiku>.

² См. публикации: Университет в арктических водах (авт. проекта «Арктический плавучий университет» С.К. Зайков, помощник рук. К.В. Вежливцева) // Портал о развитии Арктики. <https://goarctic.ru/regions/universitet-v-arkticheskikh-vodakh/>; Дневники экспедиций // САФУ – Арктический плавучий университет. https://narfu.ru/science/expeditions/floating_university/; и др.

³ САФУ — Конкурс проектных идей «Постигая Арктику». <https://narfu.ru/science/nauchnye-meropriyatiya/postigaya-arktiku/>

⁴ Новости в России и мире — ТАСС. 25 ноября 2020 г. <https://tass.ru/v-strane/10099107>

⁵ Елепова М.Ю. «Российско солнце на восходе». Ломоносов и его мир: монография. Архангельск, 2017.

⁶ См. научные и популярные публикации об известных преподавателях университета: Осипова Э.Н. Они были первыми (Из истории кафедры русского языка) // Вестник Поморского университета. 2005. № 2(8); Борзова А., Королева С. Сильные духом: известные династии преподавателей САФУ // ArcticVector: Молодежная онлайн-газета. <http://arcticvector.narfu.ru/article/university-city/silnye-dukhom-izvestnye-dinastii-prepodavateley-safu/?info=P>; и др.

⁷ Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004.

⁸ Северный текст русской литературы. Вып. 2: Художественная картина мира / сост. Е. Ш. Галимова. Архангельск, 2012; Северный текст русской литературы: структура и контекст. Вып. 4: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Северный текст русской литературы: структура и контекст», 16-17 ноября 2017 года. Архангельск, 2018; Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. Архангельск, 2017; и др.

⁹ Словарь архангельских антропонимов XVI-XVIII веков / Л.В. Окунева, Т.В. Симашко. Архангельск, 2010; Северное слово: к юбилею Л. П. Комягиной: сборник / ред.-сост. Л. В. Ненашева, А.В. Петров. Архангельск, 2012; Северное слово в памятниках письменности и народных говорах: памяти В. Я. Дерягина и Л. П. Комягиной: монография / под ред. А. В. Петрова, Л. В. Ненашевой. Архангельск, 2017; Попова Л. В. Синтаксемы со значением времени в архангельских диалектах // Язык как отражение духовной культуры народа. 2018; Савелова Л.А. Тематические доминанты севернорусской диалектной речи в литературно-художественном представлении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-1 (21); и др.

¹⁰ Морозова О. Е. Мир человека и его речь: монография. Архангельск, 2005.

¹¹ Результаты научных исследований: монографии и словари (Образ мира и мир образов / Т. В. Симашко [и др.] Архангельск, 2009; Архангельский Север в зеркале языка: региональный аспект языковой картины мира / ред. Т. В. Симашко. Архангельск, 2010; Языковая картина мира поморов / редактор Т.А. Сидорова. Архангельск, 2010; и др.); сборники научных тру-

дов (Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира / ред. Т.В. Симашко. Архангельск, 2013; и др.); научные статьи (Конь / лошадь в языковой картине мира севернорусского крестьянина / Ильина Е.Н. и др. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 4 (91); Марьянчик В.А., Попова Л.В. Семантика имен прилагательных в повести Ф. А. Абрамова «Деревянные кони» (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 1; Осипова Э.Н. К истокам некоторых названий Поморья // Языковая картина мира поморов. Архангельск, 2010; Петрова Н.А. Региональные местоимения в аспекте системы и асистемы языка // Лингвистика и перевод. Архангельск, 2015; Сидорова Т.А. Особенности когнитивного стиля Б. Шергина (на примере концептуализации образа моря) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 1; Юдина Т.М. Эргонимы города Архангельска в лингвокультурном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1 (75); и многие др.).

¹² Монографии: Петров А. В. Родниковое слово Федора Абрамова. Архангельск, 2020; Петров А. В. Север в северной поэзии: лингвистический аспект. Архангельск, 2018; Петров А.В. «Простые звуки родины моей...»: язык поэзии Ольги Фокиной. Архангельск, 2017.

¹³ Ненашева Л. В. Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». Научный каталог. М., 2019. 392 с.

¹⁴ Литературный Север: Кн. для учащихся 5–8-х кл. / ред. Л.С. Скепнер. Архангельск, 1995; Северный текст в школьном изучении: специфика филологического анализа: учебное пособие / Е.Ю. Ваенская [и др.]. Архангельск, 2016; Словарь архангельских паремий и фразеологизмов: учебный словарь / Н.В. Хохлова, Г. В. Михеева. Архангельск, 2016; и др.

¹⁵ Русский язык как иностранный: из опыта Северного (Арктического) федерального университета: монография / под общ. ред. В.А. Марьянчик. Архангельск, 2019.

ИСТОЧНИКИ:ë

Поморская энциклопедия: в 5 т. Т. 4: Культура Архангельского Севера / гл. ред. Т. С. Буторина. 2012. 663 с.

Русский Север: пособие по чтению для иностранцев, изучающих русский язык / Марьянчик В. А., Коростенко Е. Н., Онегина А. С. Архангельск, 2018. 120 с.

Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 3 т. / сост. Е. Е. Котцова [и др.]; под общ. ред. О.Е. Морозовой. Архангельск, 2013–2016.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов 1984 — Абрамов Ф. А. В краю родникового слова: размышления писателя о духовном наследии Севера. В сб. *Поморская сага: Образ Русского Севера*. М.: Советская Россия, 1984. С. 5–8.

Булатов 2001 — Булатов В.Н. *Русский Север. Кн. 5: Ворота в Арктику*. Архангельск, 2001. 302 с.

Галимова 2012 — Галимова Е. Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста. *Вестник*

Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012, (1): 121–129.

Голдин 2002 — Голдин В. И. В Ломоносовских традициях. Слово. 2002, (6.): 33–36.

Елепова, Ваенская 2017 — Елепова М. Ю., Ваенская Е. Ю. М. В. Ломоносов как создатель прототекстовой основы Северного текстарусской литературы. В сб. *Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера*. Архангельск, 2017. С. 68–79.

Лошаков 2018 — Лошаков А. Г. О факторах порождения и функционирования сверхтекста. В сб. *Семантика. Функционирование. Текст*. 2018. С. 128–141.

Морозова 2013 — Морозова О. Е. Народно-разговорная речь Архангельска. В кн. *Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 3 т. Т. 1: Городское просторечие*. Котцова Е. Е. и др. (сост.); Морозова О. Е. (ред.). Архангельск, 2013. С. 3–8.

Ненасева 2020 — Ненасева Л. В. Нет праведника без почитания книжного. Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. (материалы выставки). *Арктика и Север*. 2020, (38): 152–164.

Петров 2020 — Петров А. В. *Родниковое слово Федора Абрамова*. Архангельск, 2020. 172 с.

Савелова 2012 — Савелова Л. А. Семантические классы диалектных наречий в аспекте внутриязыковой лакунарности. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2012, (3): 110–114.

Савченко, Смагин 2006 — Савченко В. Н., Смагин В. П. *Начала современного естествознания. Тезаурус*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 336 с.

Фесенко 2015 — Фесенко Э. Я. *Притяжение Севера*. Архангельск: САФУ, 2015. 426 с.

REFERENCES

Абрамов 1984 — Abramov F. A. In the land of the spring word: reflections of the writer on the spiritual heritage of the North. In: *Pomorskaya saga: Obraz Russkogo Severa*. Moscow, 1984. P. 5–8. (in Russian)

Булатов 2001 — Bulatov V. N. Russian North. Book 5: Gateway to the Arctic. Arkhangelsk, 2001. (in Russian)

Галимова 2012 — Galimova E. Sh. Specificity of the Northern text of Russian literature as a local supertext. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2012, (1): 121–129. (in Russian)

Голдин 2002 — Goldin V. I. In Lomonosov traditions. In: *Slovo*, 2002, (6.): 33–36. (in Russian)

Елепова, Ваенская 2017 — Elepova M. Yu., Vaenskaya E. Yu. M. V. Lomonosov as the Creator prototextomy basics North dexterously literature. In: *Severnyj tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa*. Arkhangelsk, 2017. P. 68–79. (in Russian)

Лошаков 2018 — Loshakov A. G. About the factors of generation and functioning of the supertext. In: *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst*. Arkhangelsk, 2018. P. 128–141. (in Russian)

Морозова 2013 — Morozova O. E. Folk-colloquial speech of Arkhangelsk. In: *Slovar' narodno-razgovornoj rechi goroda Arhangel'ska: v 3 t. T. 1: Gorodskoe prostorechie*. Arkhangelsk, 2013. P. 3–8. (in Russian)

Ненасева 2020 — Nenasheva L. V. There is no righteous man

without the veneration of the book. Handwritten book of the Russian North of the XV-XX centuries. (materials of the exhibition). In: *Arktika i Sever*. 2020, (38): 152–164. (in Russian)

Петров 2020 — Petrov A. V. *The spring word of Fyodor Abramov*. Arkhangelsk, 2010. (in Russian)

Савелова 2012 — Savyolova L. A. (Semantic classes of dialect adverbs in the aspect of intra-linguistic lacunarity. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2012, (3): 110–114. (in Russian)

Савченко, Смагин 2006 — Savchenko V. N., Smagin V. P. *The beginning of modern natural science. Thesaurus*. Rostov-on-Don, 2006. (in Russian)

Фесенко 2015 — Fesenko E. Ya. *Attraction of the North*. Arkhangelsk, 2015. (in Russian)

НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ

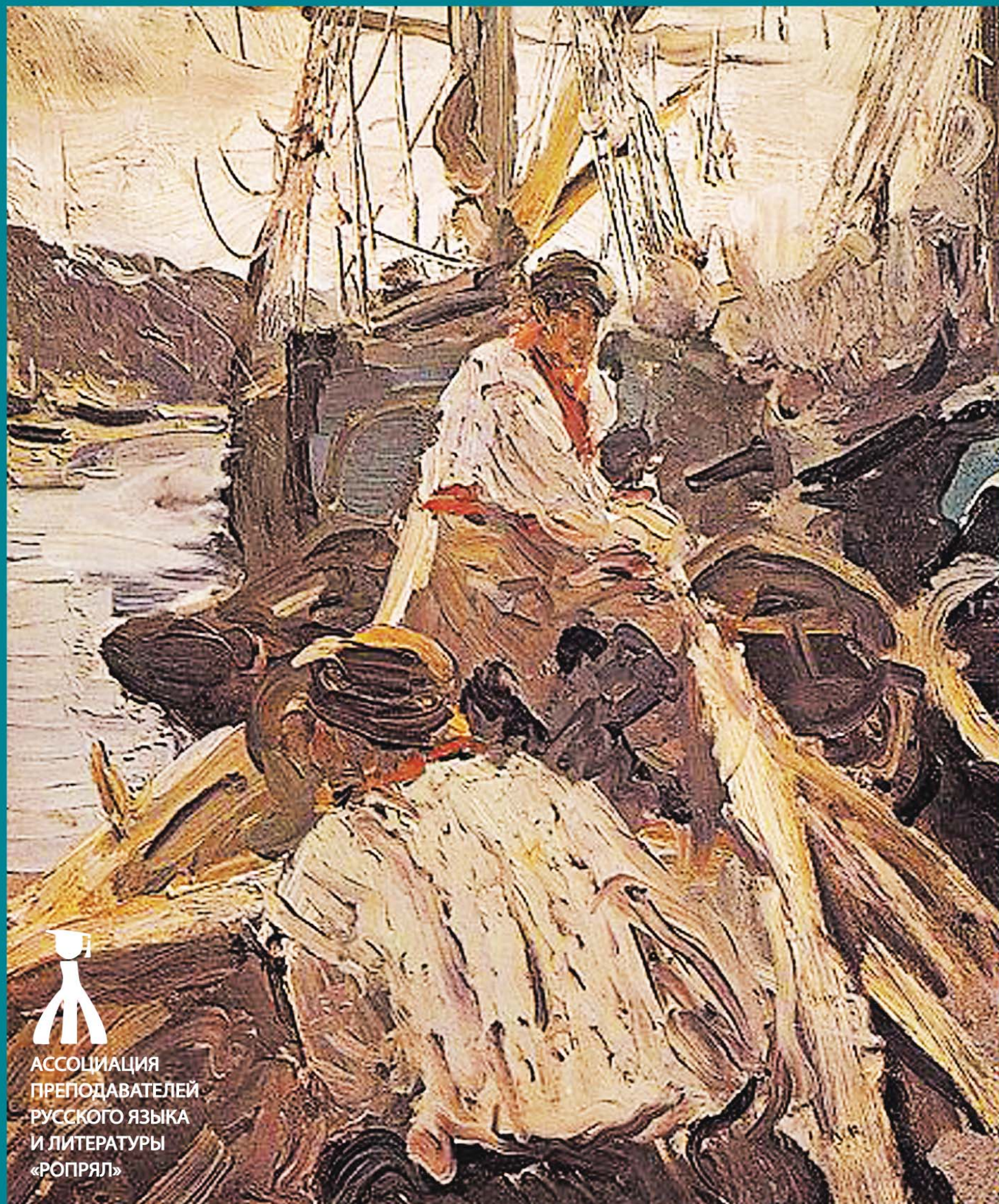
АКАДЕМИЧЕСКИЙ МАЛЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР
ТЕАТР ЕВРОПЫ
Художественный руководитель ЛЕВ ДОДИН

Ф. А. АБРАМОВ. СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЯ "БРАТЬЯ И СЕСТРЫ"

Города, в которых на гастролях театра был показан спектакль:

Амьен (1998), Аннесн (1999), Антверпен (1998), Архангельск (2007, 2016), Берлин (1987, 1989), Варшава (1988), Великий Новгород (2007), Вена (1995), Вильнев д' Аск (1997), Гамбург (1989), Глазго (1990, 1994), Дрезден (1987), Дюссельдорф (1992), Екатеринбург (2008), Иерусалим (1998), Иркутск (2009), Каен (1997), Казань (2007), Калининград (2009), Киев (1986), Кириши (1999, 2008), Лион (1999), Лондон (1991), Манчестер (1994), Марсель (1997), Милан (2002), Монпелье (1998), Москва (1987, 1995, 1998, 2004, 2005, 2015), Мюнхен (1989), Новосибирск (1997), Новотроицк (2009), Ноттингем (1994), Нью-Йорк (2000), Ньюкасл (1994), Омск (2007), Париж (1988, 1994, 1997, 2009), Прага (1988), Рим (2000), Сан-Диего (1989), Сан-Этьен (1999), Сеул (2006), Старый Оскол (2010), Страсбург (1999), Сургут (2000), Таллин (2005), Тессалоники (2001), Токио (1989), Тулуза (1997), Тяньцзинь (2017), Удина (1998), Шамберн (1999)

АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ
«РОПРЯЛ»

В. А. Серов. Поморы. 1894.

[https://artsdot.com/ADC/Art-ImgScreen-3.nsf/O/A-5ZKFSB/\\$FILE/Valentin_serov-pomors.jpg](https://artsdot.com/ADC/Art-ImgScreen-3.nsf/O/A-5ZKFSB/$FILE/Valentin_serov-pomors.jpg)